

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Я Н В А Р Ь

1

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
В. Адоратский. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина	3
Д. Баевский. Борьба Ленина против бухаринских «шатаний мысли»	18
Д. Кардашев. К истории зарождения «Бюро комитетов большинства».	
<i>Статья вторая</i>	47

ВОСПОМИНАНИЯ

Я. Берзин. По поводу одной потрепанной книги (из воспоминаний о Ленине)	68
Я. Быкин. В. И. Ленин в Шо-де-Фоне 18 марта 1917 г.	72
Ю. Сирола. Воспоминания о Ленине	78
С. Невзорова-Шестернина. Страничка воспоминаний о Ленине	85
В. Яковлева. Памяти профессора-боевика (к 10-летию со дня смерти тов. П. К. Штернберга)	90

МАТЕРИАЛЫ

К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой 1908 и 1909 гг.). Предисловие А. И. Елизаровой, примечания Г. Тихомирнова	108
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: Н. Войтинский «Ленинский Сборник» XI.—П. Сениковский. В. И. Ленин. Сочинения, т. VI, 2-е изд.	138
Обзоры: А. Эйхенгольц. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина	152
Рецензии: Вл. Малаховский. К. Шмидт. Марксизм, ленинизм и военный вопрос.—П. Галузо. Н. Тюшевский. Национально-колоннальный вопрос.—И. Рудерман. Л. Турок. Учение о партии.—М. Эссен. П. Корнатовский. Борьба за Красный Петроград.—Гер. Шпидев. В. Троцкий. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий), т. II	159
Новые книги	171

ХРОНИКА

В Институте Ленина: Н. Плюснина. Работа Музея Института.—В. Штейн. Библиотека Института.—А. Лашин. В Архиве Института	173
Работа местных испартов: М. Эссен. Обзор деятельности Отдела местных испартов Института Ленина и испартработы на местах за 1928/29 г.—Список выпущенный местными испартами литературы в 1928—1929 гг.	179
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ М. С. Ольминского	189

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Я Н В А Р Ь

1 (96)

4 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 4000 экзempl.

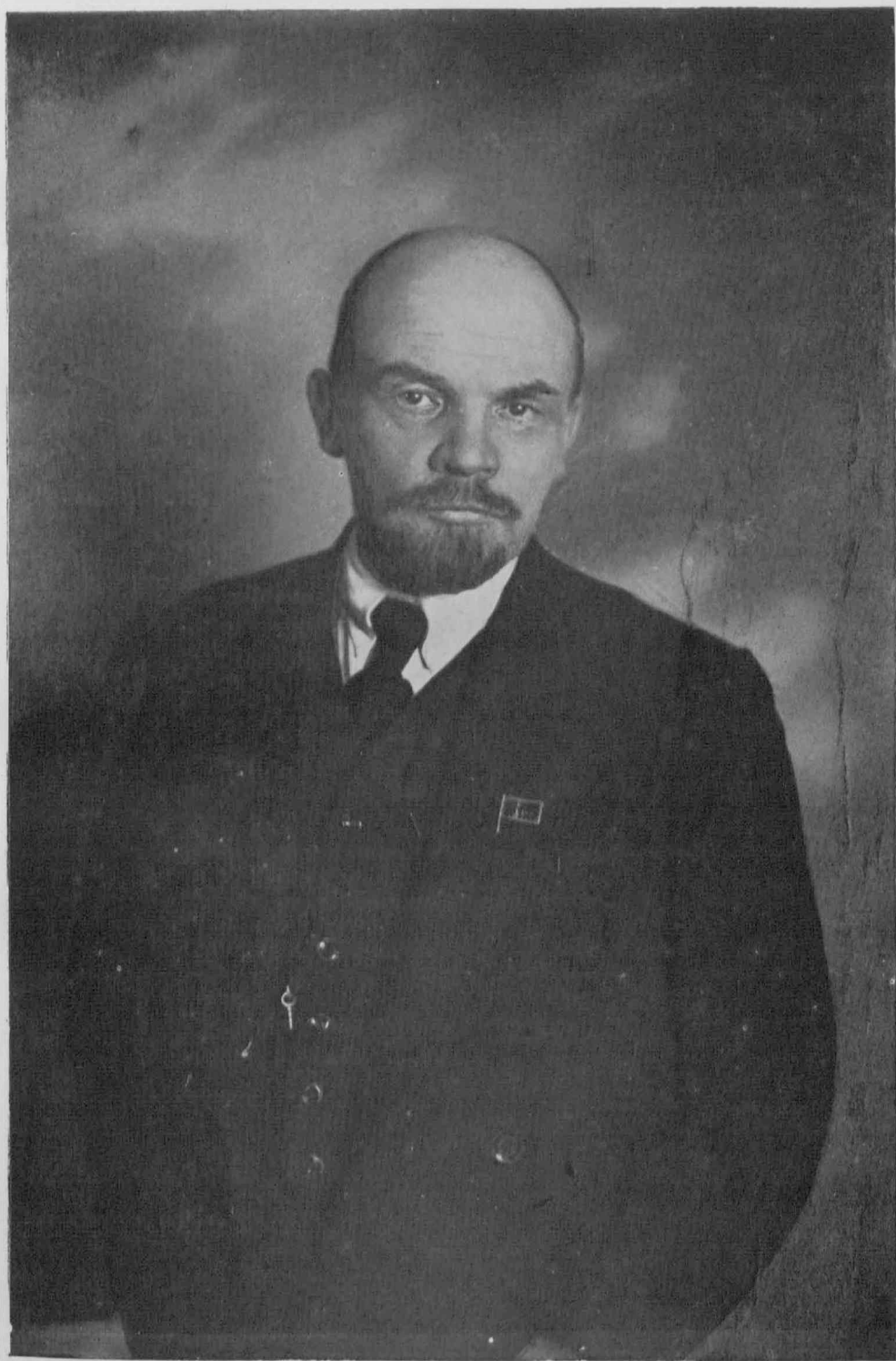
Главлит № А—55717

П—10 Гиз № 37465.

Заказ № 260.

12¹/₄ печ. л.

Снимок 1920 года

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЛЕНИНА¹

I

Научная биография Ленина должна дать всестороннюю характеристику Ленина, прежде всего как вождя и теоретика пролетариата эпохи империализма и пролетарской революции.

Ленин из всех крупнейших теоретиков марксизма во II Интернационале являлся единственным до конца последовательным представителем революционного марксизма в новую эпоху, в новой обстановке, какой при Марксе и Энгельсе не было.

В совершенстве усвоив марксизм, владея методом Маркса как никто другой, Ленин двинул вперед и разработку теоретических вопросов в различных отраслях (философия, экономика, социализм) и выполнение задач рабочего класса.

Чтобы изложить и охарактеризовать деятельность Ленина, необходимо глубоко изучить очень большое количество сложнейших вопросов, которые изучались и были разрешаемы Лениным. Необходимо по существу изучить всю историю данной эпохи, так как именно Ленин явился гениальным теоретиком и вождем пролетарской революции, которая является основным событием этой исторической эпохи. Он был организатором, руководителем и теоретиком диктатуры пролетариата.

Находясь в тесной связи с массовым движением пролетариата, учитывая интересы трудящихся масс, Ленин разрешил правильно в духе революционного марксизма все новые вопросы, поставленные новой исторической эпохой. В произведениях Ленина содержится исключительный по богатству содержания арсенал теоретического оружия пролетариата. В его произведениях отразился опыт эпохи, исключительно богатой содержанием. Пользуясь методом Маркса, изучая всю современную историческую обстановку, Ленин дал решения новых вопросов применительно

¹ Институт Ленина приступает к подготовке научной биографии Ленина и к созданию соответственного кабинета, который должен разработать план, собрать все материалы и выполнить самую задачу. В порядке обсуждения вопроса здесь печатаются соображения по поводу содержания этой работы, как она должна быть выполнена и каков должен быть ее план. За той вводной частью, которая печатается здесь, в одном из ближайших номеров «Пролетарской революции» будет помещена вторая часть статьи, посвящена вопросу периодизации жизни Ленина.

к особенностям именно данной конкретной обстановки, к особенностям нового периода мировой истории. Ленин сумел отстоять эти правильные решения в интересах победы пролетариата и провести их в жизнь против буржуазии и всех ее апологетов и приспешников, против представителей II Интернационала (даже лучших, каким был напр. Плеханов). Созданная под руководством Ленина партия явилась передовым отрядом пролетариата, достаточно вооруженным и теоретическим и практическим опытом; Ленин воспитал ее в принципах революционного марксизма, и она явилась основной партией нового Коммунистического III Интернационала.

В истории развития Ленина и его деятельности должна быть показана диалектика этого развития. Ленин изучил опыт работы рабочего класса, историю революции как в России, так и на Западе. Он впитал в себя передовую теорию современного пролетариата—марксизм. Работая над созданием партии, в тесной связи с массовым движением и его практическими задачами, являясь организатором и вождем партии, Ленин глубоко верил в творческие силы массы, умел учиться у масс, учитывать их опыт, чутко улавливать все процессы, совершающиеся в массах, учиться у революции. Освещая этот опыт марксистской теорией, самостоятельно проработанной и применяемой к данным конкретным условиям, Ленин проходил свой путь развития, учаь на конкретном ходе движения. Ленин умел учиться на ошибках, во-время их замечая и поправляя.

Ведя теоретическую борьбу как против представителей и теоретиков либеральной буржуазии (кадеты, прогрессисты различных оттенков), мелкобуржуазных демократов всех видов и различных переходных групп (эсеры, меньшевики и др.), так и против разнообразных форм уклонов: правых, «левых», примиренческих,—внутри партии, ведя борьбу против оппортунизма всех оттенков, Ленин воспитал партию пролетариата в духе исключительной принципиальной теоретической выдержанности. Особенно важной отличительной чертой всей деятельности Ленина было его умение вскрывать малейшие теоретические неверности, относиться особенно строго к формулировкам теоретических положений, улавливать трудно заметные неопытному глазу оттенки, предвидеть неизбежность дальнейших ошибок, вытекающих из недостаточной точности, из неточностей на первый взгляд мало заметных, предвидеть дальнейшие более крупные ошибки, ведущие к отклонениям от линии революционного марксизма. Теоретическую борьбу Ленин учил рассматривать как необходимейшую составную часть всей классовой борьбы пролетариата, тесно связывать ее с массовой борьбой. Ленин руководил массовой борьбой сначала российского, а затем международного пролетариата в разнообразных областях:—экономической, политической, военной, в области социалистического строительства и т. д. с одинаковым знанием дела, с выдержкой и последовательностью ведя борьбу, давая ясные ответы на запросы момента, давая лозунги, отвечающие своеобразию обстановки и во-время умея их изменять, умело «подводил массы к революционным позициям

так, чтобы эти массы сами, на собственном опыте, убеждались в правильности партийной линии». Это правило ленинской тактики, отмеченное программой Коминтерна как основное, проводилось Лениным систематически. Его руководство классово-борьбой пролетариата служит образцом, на котором пролетариат должен учиться, как добиваться осуществления своих задач.

Ленин был истинным «идейным руководителем пролетариата в его действительной борьбе». Он умел наблюдать жизнь во всей ее сложности и подмечать все изменения, происходящие в ней, направление, в каком развиваются эти изменения. Теория у Ленина была теснейшим образом связана с практикой, с жизнью. В своей характеристике революционной тактики марксизма в статье «Карл Маркс» (1914 г.) Ленин изображает ее отличительные особенности. Вместе с тем эта характеристика дает освещение роли теории и ее содержания. «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылами своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях,—писал Маркс Энгельсу,—хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, стр. 127 «Переписки»). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективную неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны используя для развития сознания, силы и боевые способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет».¹

Деятельность Ленина как вождя и теоретика является образцом такого именно подхода. Он сам умел именно так изучать объективную обстановку, как описано это здесь, именно так руководить борьбой рабочего класса. Отсюда понятно, что изучение деятельности Ленина—это задача огромного объема.

¹ Ленин, «Сочинения», т. XVIII, стр. 28 (2-е издание).

II

Чтобы изучить и понять деятельность и идеи Ленина (подготовление, развитие его идей, содержание и значение теоретической борьбы, которую он вел, и всей его практической работы) необходимо изучение и характеристика *исторической обстановки*, классовой борьбы, развития революции, опыт которой Ленин учел и осветил в своих произведениях. Это требует большой исследовательской работы. Мы здесь только отметим существенные моменты, на которые надо обратить внимание, ни в коей мере не ставя себе задачи дать их исчерпывающее перечисление.

Характерными для исторической обстановки, в которой сложился ленинизм, являются следующие моменты:

1) Империалистическая стадия капитализма и наступление эпохи пролетарских революций.

2) Гигантский рост рабочего класса и рабочего движения.

3) Революция в России, ставшей узловым пунктом противоречий империализма.

Началом «империалистической эпохи всемирного капитализма» Ленин считал 1898—1900 г. (Соч. т. XIX, стр. 306).

Здесь не место приводить выдержки из произведений Ленина, в которых он дает характеристику империализма. Необходимо лишь отметить, что Ленин в связи с наступлением войны, создавшей революционную обстановку, уже в 1914 г. первый стал призывать поднять знамя гражданской войны против буржуазии за социализм.¹ В 1916 г. Ленин говорил, что наступила новая ступень развития «всемирного капитализма», что началась «эра социалистических революций». И он ставил вопрос таким именно образом и в отношении к России.

В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (1919 г.) Ленин отмечал, что диктатура пролетариата в России неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами «вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны». Но все же капитализм в России развит уже настолько, что в 1917 г. не только не могло быть никаких сомнений в социалистическом характере нашей революции, но русская революция в основном обнаружила такие черты, которые должны быть общи социалистической революции любой страны. В «Экономике переходного периода» Бухарина, Ленин исправил то место, где Бухарин писал, что «крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем...» Ленин на полях против этого места записал: «Неверно: «*средне-слабых*». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло».²

Ленин указывал на сходство форм хозяйства России с формами

¹ Положение и задачи Социалистического интернационала «Социал-Демократ» № 33 1/XI—1914 г. Соч. т. XVIII, стр. 67—71).

² «Ленинский сборник» XI, стр. 397.

хозяйства в других капиталистических странах. «...Основные силы и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти (особенности России.—В. А.) во всяком случае не могут касаться самого главного».

Ленин указывает на три формы общественного хозяйства: «капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм», которые будут в любой капиталистической стране после пролетарской революции и на три соответственные силы: «буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат», которые есть в любой капиталистической стране. Эти силы имеются и в Германии и во Франции, в Италии и Соединенных штатах. Мелкое сельскохозяйственное производство имеется и в Англии.

Вздорны теории меньшевиков, по которым зрелость для социалистического переворота наступит лишь в том случае, когда исчезнет мелкое производство, когда концентрация капитала зайдет еще дальше, чем это имеется налицо уже теперь. Сейчас якобы условия еще недостаточно созрели, пролетариат будто бы еще не готов, для того чтобы взять власть, недостаточно культурен. На самом же деле, истинное положение дела таково, что империалистическая стадия капитализма является как раз именно такой ступенью, которая подводит непосредственно к социалистической революции. Иного выхода из создавшегося положения нет. Что и условия созрели и рабочий класс готов к выполнению своей роли созидателя социалистического общества—это доказывает, во-первых, уже самая постановка этой задачи. «Сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или, по крайней мере, они находятся в процессе возникновения»,—говорит Маркс в предисловии к «Zur Kritik» (К критике политической экономии). Во-вторых, зрелость рабочего класса доказывается и на деле фактическим существованием в течение уже более 12 лет пролетарской диктатуры в нашей стране. Условия, созданные империалистической стадией капитализма, делают пролетарскую революцию неизбежной, ставят ее в порядок дня. Что же касается недостатка культурности, цивилизованности у рабочего класса, то на это Ленин дал уже превосходный ответ в заметках по поводу книги Суханова, указав на то, что революционное свержение власти эксплуататоров, «изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов» явилось у нас предпосылкой цивилизованности. Находящийся под гнетом капитализма рабочий класс никогда не сможет поднять своей культуры так, как это необходимо ему, не свергнув этого гнета. Как раз условия, созданные империалистической стадией капитализма, доводят гнет до невыносимого предела, делают пролетарскую революцию неизбежной, ставят ее в порядок дня.

Экономический кризис 1900 г. в Европе дал сильный толчок к концентрации капитала, к созданию крупных монополистических предприятий. Но если Ленин подчеркивает, что «империализм есть монополистический капитализм», что такое определение «включает самое главное», то все же он наряду с этим указывает на наличие конкуренции.

«Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии,—писал Ленин в 1917 году,—но *устранить* обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм *не может*. Империализм есть ютживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами—вот существеннейшая особенность империализма вообще» (Материалы по пересмотру партийной программы, т. XX, стр. 297). Таким образом по Ленину несомненным вздором являются всякие теории юб «организованном капитализме», о возможности изживания конкуренции с помощью капиталистического трестирования. Именно наличие *конкуренции, неустранимость* ее, наличие неустранимых конфликтов ведет к неизбежным войнам. Ленин указывает на ряд войн, начиная с испано-американской в 1898 г., которые являлись «историческими вехами новой эпохи мировой истории», а войну 1914—1918 гг. называет «первой великой империалистической войной» (XX, 293). Рост дороговизны, гнета, давящего рабочий класс и мелких производителей, «ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистической войной»—все это создает революционную ситуацию во всем мире.

В 1916 г. Ленин рисовал картину социалистической революции в Европе. Через год как раз у нас в России все это нашло свое осуществление, блестяще подтвердив, с одной стороны, предвидение Ленина, а с другой стороны, обнаружив всю капиталистическую сущность русской экономики. Наша революция показала, каким путем пойдет в общем революция и в западных странах.

Откуда получил Ленин такую способность предвидеть ход революции, дать такую верную картину? Из опыта пережитой революции 1905 г. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин и начинает как раз с опыта этой революции:

«Русская революция 1905 г. была буржуазно-демократической,—пишет Ленин.—Она состояла из ряда битв *всех* недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д. *Объективно* движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им.

Социалистическая революция в Европе *не может быть* не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия невозможна *массовая* борьба, невозможна *никакая* революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раз-

дробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков». (Соч., т. XIX, стр. 269).

Теперь после огромного опыта пролетарской революции после опыта диктатуры пролетариата, продолжающейся в течение уже 12 лет, мы видим, как глубоко верна картина, нарисованная Лениным, мы видим, как в его формулировках намечены линии развертывавшихся впоследствии событий. Так напр. очищение «от мелкобуржуазных шлаков» происходило у нас в виде отпадения левых эсеров, изживания «левого коммунизма» и различных оппозиций ленинской линии, всевозможных групп «рабочей оппозиции», «троцкистов», «новой оппозиции», «правых уклонистов» и т. д. и т. д.

С другой стороны, этот процесс переработки, очищения от традиций старого общества, захватывает и весь рабочий класс. Маркс в рукописи 1846 г. писал, что сам рабочий класс «только в революции может очиститься от всей грязи старого общества», а в знаменитом письме I Интернационала по поводу Парижской коммуны он говорит о необходимости для рабочего класса «пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят людей и обстоятельства».

Преодоление всех возникающих в процессе революционной борьбы трудностей возможно только организованной энергией масс. Создание же массовых организаций и руководство ими возможно только при наличии партии, созданной под руководством Ленина, воспитанной им в духе революционного марксизма, выражающей и отстаивающей правильно исторические задачи пролетариата. Великим преимуществом исторического развития России явилось как раз то, что условия благоприятствовали развитию такой партии. Изучению всей громадной работы Ленина как организатора и вождя этой партии должно быть отведено особое внимание, о чем мы скажем ниже... В руководстве массовым движением в духе марксизма—в этом вся суть.

Мировая империалистическая война 1914 г. создала в Европе—впервые после 1871 г. революционную ситуацию, а серьезная предварительная подготовка рабочих партий к революционным боям происходила по существу в одной только России. Обострение противоречий и рост рабочего движения и в западных странах был налицо еще до войны (в Англии напр. всеобщая забастовка железнодорожников в 1911 г. и забастовка горняков 1912 г.), а в рабочих партиях благодаря долгому периоду легализма накопилось, по выражению Ленина, «много мелкобуржуазного, оппортунистического навоза». («Что же дальше?» 23/XII—1914 года). Крутой поворот от легальности к нелегальным формам борьбы, постановка на очередь дня вопроса о вооруженном восстании,—все это застало западные рабочие партии мало подготовленными. Исключением

была лишь партия большевиков. Ленин, вождь и теоретик большевизма, оказался единственным представителем революционного марксизма, не капитулировавшим перед буржуазией.

Еще до революции 1905 г. в России были заложены основы партии. В революции 1905 г. выступили все классы в действии, огромные массы были втянуты в движение. Был накоплен богатейший опыт, учтенный в произведениях Ленина.

После революции 1905 г. в России стал также быстро развиваться финансовый капитал и таким образом и в России стали складываться предпосылки социалистической революции.

В эпоху реакции массы приобрели огромный опыт и имели возможность переварить те уроки, которые были приобретены за период первой революции. За десятилетие прошедшее после первой революции капиталистическое развитие России значительно подвинулось вперед.

III

Ввиду того, что большевизм вырос и развился первоначально на почве именно русской революции, необходимо остановиться подробнее на характерных особенностях ее, являющихся предпосылкой развития большевизма. Выросший первоначально на русской почве, большевизм представляет из себя явление мировое.

Прежде всего надо указать на одно существенное обстоятельство в экономическом развитии России: на исключительную быстроту капиталистического развития России во вторую половину XIX и в начале XX века, развития, происходившего в эпоху, когда капитализм во всем мире достиг уже своей вершины и начал склоняться к упадку. Эта быстрота развития не есть какая-то индивидуальная особенность России, а свойственна всякой отсталой стране, захваченной капиталистическим развитием, когда капитализм старых стран капиталистической культуры уже давно созрел. Здесь важно отметить это обстоятельство, имевшее для развития революции и развития партии очень большое значение.

Ленин отмечал неоднократно этот быстрый темп развития России. В 1911 г., в статье «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция» Ленин писал:

«После 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века».

Благодаря тому, что в XX в. во всем мире и в России капитализм был уже настолько зрелым, что налицо были его высшие формы, и благодаря еще большому ускорению развития в годы революции, в области политики также был обеспечен соответственно быстрый темп в ходе развития политических партий и политических идеологий.

«Русский либерализм,—писал Ленин в марте 1908 г. («Пролетарий» № 25),—за три года [1905—1907] пережил ту эволюцию, которая потре-

бовала в Германии свыше 30 лет, а во Франции даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма».

На такую же быстроту развития Ленин указывал, говоря о рабочем движении: «Этот путь, который германское рабочее движение прошло в 30 лет после буржуазной революции (1848—1878)—русское рабочее движение проходит в три года (конец 1905—1908 гг.)». «На прямую дорогу» («Пролетарий» № 26 1 апр. 1908 г.). Эта быстрота темпа имела громадное значение еще и потому, что благодаря ей быстро были приведены в движение громадные массы пролетариата и вообще трудящихся, они были вырваны из первобытных патриархальных условий, быстро вырос пролетариат, готовый к борьбе, обладающий неисчерпаемыми запасами энергии.

По поводу положения в Германии в 80-х годах Энгельс писал Бебелю, отмечая преимущества создавшегося там положения, следующее:

«Наша промышленная революция, которую двинула в ход революция 1848 г. со своими буржуазными достижениями (как бы слабы они не были), была сильно ускорена: 1) устранением внутренних препятствий в 1866—70 гг. и 2) французскими миллиардами, которые в конце концов были применены капиталистически. Таким образом, мы подошли к капиталистическому перевороту, являющемуся более основательным, более глубоким, пространственно более широким и всеобъемлющим, чем где бы то ни было и притом с совершенно свежим, нетронутым, не деморализованным поражением пролетариатом, и, наконец,—благодаря Марксу,—с пониманием причин экономического и политического развития и условий предстоящей революции, подобного которому не имел никто из наших предшественников. Поэтому мы прямо обязаны победить». (Энгельс Бебелю 11/XII—1884.)

С известными изменениями то же самое можно было сказать и о России и даже с еще большим основанием, только здесь размеры всего процесса были гораздо более грандиозными в смысле глубины переворота и его пространственной широты,—в смысле обширности человеческих масс, вступивших в историческое движение. Своеобразие русского капитализма состояло в том, что наряду с современными капиталистическими отношениями продолжали сохраняться и крепостнические пережитки. Отчасти это было и в Германии. Но в России это было в неизмеримо более крупном размере. Эти остатки крепостничества нисколько не меняли однако, того, что в России была налицо своеобразная форма капиталистического хозяйства, чего не понимали теоретики народничества. Наличие этих остатков делало положение масс (особенно крестьянских) крайне тяжелым, усугубляла классовую ненависть, накапливались, по выражению Ленина, «горы ненависти» и, таким образом, подготавливалась особая сила революционного взрыва, что учитывали и на что указывали еще Маркс и Энгельс.

Мы не можем поставить себе задачу дать здесь характеристику раз-

вития России и русской революции хотя бы в самых общих чертах, но мы приведем ряд выдержек преимущественно из писем Маркса и Энгельса, где они высказывали свое мнение по этому вопросу. Их суждения, основанные на глубоком изучении вопроса, давали оценку, которая впоследствии была полностью подтверждена ходом исторического развития.

Изучение взглядов Маркса и Энгельса в этом вопросе, как и во всех других, представляет исключительную важность для научной биографии Ленина. Это необходимо для выяснения того, как теоретическая работа Ленина и его деятельность являются продолжением дела Маркса и Энгельса, развитием их теоретических взглядов. Одной из важных заслуг Ленина было восстановление им истинных взглядов Маркса и Энгельса, извращающихся и замалчивающихся оппортунистами.

IV

Еще в 1851 г. Энгельс писал Марксу о том, что в России аграрная революция, по его мнению, должна случиться гораздо скорее, чем в Польше, «благодаря национальному характеру русских и благодаря более развитым буржуазным элементам в России. Что такое Варшава и Краков по сравнению с Петербургом, Москвой и Одессой и т. д. и т. д.!» (Энгельс Марксу 23/X—1851 г.).

Маркс и Энгельс после 1848 г., ожидали скорого наступления мировой революции. Учитывая революционную ситуацию, создавшуюся в России, они ждали, что именно русская революция даст толчок мировой революции. Напомним здесь несколько мест из их переписки, относящихся к этому вопросу.

14 апреля 1856 г. Энгельс писал Марксу: «...Теперь открывается последняя фаза мошенничества (*des Schwindel*): Россия ввозит капитал и спекуляцию, и вот по этим пространствам, по тысячеверстным железным дорогам мошенничество успеет так развиваться, что очень скоро сломит себе шею. Когда мы услышим о «великой иркутской магистрали с ветками к Пекину» и т. д., тогда наступит для нас время готовиться в дорогу. На этот раз будет такой неслыханный крах, какого еще не бывало. Все элементы налицо: интенсивность, широчайшее его распространение повсюду и вовлечение в кризис всех владеющих и господствующих слоев».

Здесь следует обратить внимание на то подчеркивание Энгельсом огромных пространств и широту размаха распространения капитализма в России. Русская революция рассматривается у Энгельса как часть мировой революции. Маркс точно так же в своих письмах неоднократно отмечал и наиболее революционное положение, создавшееся в России, и международное значение русской революции. Вот несколько соответствующих выдержек.

«В России движение зашло дальше, чем во всей остальной Европе,—пишет Маркс 13/XII—1859 г. С одной стороны, сторонники конституции

из дворянства против императора, с другой—крестьяне против дворянства... В предстоящей революции Россия примет участие с большой готовностью». Под термином «предстоящая революция» здесь подразумевается общеевропейская и мировая революция. Здесь определенно, с не оставляющей никаких сомнений ясностью отмечено, что в России наиболее революционное положение. Что Маркс имел в виду революцию не только в одной России, это видно хотя бы из письма его Энгельсу 13/II—1863 г., где говорится: «что ты скажешь о польской истории? (речь идет о польском восстании). Одно ясно—эпоха революций теперь снова открылась в Европе... надо надеяться, что на этот раз лава полетит с востока на запад, а не наоборот, так что мы будем теперь освобождены от чести французской инициативы».

В 1877 г. (27 сентября) Маркс писал снова о России, что она «давно находится накануне переворота и все необходимые для этого элементы созрели». Маркс отмечает дальше, что «переворот начнется» по всем правилам искусства» игрой в конституцию и «будет хорошенькая потасовка». Маркс рассчитывал тогда дожить до этой революции и давал такую оценку положения русского общества и значения русской революции: «Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, но сами по себе не имеют никакого значения. Все же это хороший симптом. Все слои русского общества находятся экономически, морально и интеллектуально в состоянии полного разложения. Революция на этот раз начнется на востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции».

Насколько удачно Маркс предвидел конкретную обстановку русской революции, видно из того, что он написал непосредственно вслед за событиями только что начинавшейся франко-прусской войны. 8 августа 1870 г. он писал Энгельсу: «Россия будет совершенно так же, как это делал Бонапарт с 1866 по 1870 г., плутовать с Пруссией, чтобы добиться уступок с турецкой стороны, и все это плутовство, несмотря на русскую религию гогенцоллернов, закончится *войной между этими плутами*». А 1 сентября того же года Маркс писал Зорге «Настоящая война поведет, чего прусские ослы понять не могут,—точно так же к войне между Россией и Германией, как война 1866 г. привела к войне между Пруссией и Францией, и это будет наилучшим следствием теперешней войны по отношению к Германии. Истинное пруссачество никогда не существовало и существовать не может иначе, как только в союзе с Россией и в рабской от нее зависимости. Кроме того такая война «номер второй» сыграет по отношению к неизбежной русской социальной революции роль повивальной бабки».

47 лет спустя это предвидение Маркса исполнилось в точности. В данном случае в ряде своих высказываний Маркс и Энгельс совершали ошибку, ожидая более скорого наступления революции. Но такая ошибка никакого значения не имеет. Важно, что общий диагноз положения, оценка

движущих сил и характера русской революции, а также ее мирового значения был дан совершенно правильный.

Маркс и Энгельс понимали 1) всю сложность социального строя России, наличие там всех социальных укладов от первобытных до самых новейших, современных; 2) учитывали наличие революционной ситуации; революция ждет лишь толчка, чтобы привести в движение гигантские массы; 3) предвидели гигантскую силу революционного взрыва, неизбежность крайне насильственного и резкого характера надвигающейся революции; 4) небывалую широту предстоящего конфликта в *последней* великой европейской стране, переживающей капиталистическую революцию (капитализм—это переходный порядок с громадной быстротой движения); 5) громаднейшее международное значение русской революции, самым тесным образом связанной с мировой революцией,—в социалистическом характере последней у Маркса и Энгельса не было никаких сомнений.

К приведенным выше выпискам мы присоединим еще несколько, дополнительно иллюстрирующих перечисленные выше положения.

В замечательном письме к В. И. Засулич от 23/IV—1885 г. (по поводу книги Плеханова «Наши разногласия») Энгельс писал о состоянии России.

«Если когда-нибудь бланкистская фантазия перевернуть целое общество действием одного маленького заговора имела некоторое основание, так именно теперь в Петербурге, раз огонь будет приложен к пороку, раз освобожденные силы и национальная энергия из потенциальной превратятся в кинетические... эти люди, взорвавшие мину, будут унесены взрывом, который станет в тысячу раз сильнее их и найдет себе выход, где он сможет и как потребуют экономические силы и условия». Суть здесь опять-таки не в том, что в данном случае ожидания Энгельса не оправдались, а суть в том, что данная им общая оценка положения России была вполне правильной.

«По-моему, важно,—писал Энгельс несколько ниже,—чтобы был дан толчок, чтобы революция разыгралась. Будет ли та или другая фракция, которая даст сигнал, будет ли это под тем или другим знаменем, по-моему, это маловажно. Будь это дворцовый заговор, он будет сметен на другой день. Там, где революционные элементы накопились в такой степени, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более невозможным, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины, до крупнейшей промышленности и до высших современных финансов, и где все противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, соединяющей в себе интеллигенцию и все благородные элементы нации,—там, раз прорвется 1789 год, 1793 не замедлит последовать».¹

Здесь особенно ценно это указание на наличие всех общественных

¹ Сборник «Группа осв. труда» № 3, 1925 г.

укладов в России, что и сделало именно эту страну узловым пунктом всех противоречий современного капитализма. Энгельс прекрасно понимал сложность социального и экономического строя России, он понимал всю грандиозную силу происходящего в России переворота и учитывал его гораздо более гигантские размеры в сравнении с тем, что можно было ожидать в Германии.

«Исходя из того факта, что Россия есть последняя великая страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью,—писал Энгельс Н. Ф. Даниэльсону 24/II—1893 г., а также из того обстоятельства, что она есть в то же время страна с несравненно более многочисленным крестьянским населением, чем где бы то ни было, мы должны признать, что потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, должно оказаться здесь, уже в силу только этих двух обстоятельств, гораздо более сильным и острым, чем в какой бы то ни было другой стране. Процесс замещения около 500 000 помещиков и около 80 000 000 крестьян новым классом землевладельцев буржуазного типа не может быть выполнен без страшных страданий и потрясений. Но история, пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через кучи трупов, не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития».¹

И Маркс, делясь с Энгельсом своими впечатлениями после чтения книги Флеровского «Положение рабочего класса в России» писал (12 февраля 1870 г.), что из книги Флеровского «вытекает с неоспоримой ясностью, что современные порядки в России невыносимы, что освобождение крепостных, конечно, только ускорило процесс разложения, и что предстоит сильнейшая (furchtbare) социальная революция». «Здесь видна также реальная основа школьного нигилизма, ставшего теперь модным среди русского студенчества...» прибавляет Маркс.

Позднее развитие России, крайне быстрый темп этого развития, напряженность создавшегося положения и небывалая сила взрыва предстоящей революции, как видим, все это Маркс и Энгельс отмечали с полной точностью и значение всех этих моментов было им вполне ясно, оценивалось ими полностью.

Та европейская революция, о которой шла речь у Маркса и Энгельса, была в их понимании революцией социалистической. В своей речи на юбилее чартистской газеты «People's Paper» в апреле 1856 г. Маркс говорил, что «тайна XIX в. и его революций»—это «освобождение пролетариата». В 1858 г. в письме Энгельсу Маркс заявляет, что революция на континенте, т. е. в Европе «неизбежна и примет немедленно социалистический характер».

Энгельс в письме к Зорге от 10 ноября 1894 г. говорит, что «завоевание Китая капитализмом даст толчок для крушения капитализма в Европе и Америке».

¹ Маркс и Энгельс, «Письма», изд. 3, стр. 295.

Маркс сравнивал социалистическую революцию с океаном, который должен был неминуемо выступить из берегов и разбить на части, поглотить материк буржуазного общества. Первые толчки стихийного движения должны были исходить из России, где накопились особо резко все противоречия.

V

Осязательным проявлением резкого характера противоречий в России в области политики был свирепый гнет полицейского государства, сила центральной власти, сосредоточившей в своих руках господство над громадной страной, и эта реакционнейшая самодержавная власть получила денежную поддержку со стороны капиталистических правительств западных стран. Русский военно-феодальный империализм был тесно связан с западным капитализмом, который в XX веке становится все более и более консервативным и прямо реакционным.

С другой стороны, в стране имелась прочная революционная традиция, порожденная и воспитанная долгой революционной борьбой, в которой принимали участие различные слои русского общества. (В первой половине XIX в.—передовая часть дворянства (декабристы), со второй половины XIX в. мелкобуржуазная интеллигенция, затем пролетариат и крестьянство).

Русская революция приобрела громадное всемирное историческое значение благодаря тому, что ее победа превращала Россию из оплота реакции в революционную силу. И в лице западного пролетариата русская революция имела могущественного союзника. В России происходило сочетание двух классовых войн: против крепостничества и против капитализма. Это своеобразное положение облегчало процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую.

В 1905 г. Ленин вполне отчетливо, в сжатой формулировке, определил задачи этих двух классовых войн и те классы, которые принимают в них участие, их расстановку, их движение.

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».

Такова была природа русской революции, определившая и особенности самой классовой борьбы и особенности развития партии и особенности развития революционной теории.

Глубина противоречий, невиданная широта движения, многочисленность захваченных движением масс—все это вело к тому, что в России и революционная теория достигла такой высоты, до какой она не поднималась в то время на западе. В революционной марксистской организации

оппортунизм (правда с большим трудом) был изжит и изгнан. (В 1903—1904 гг., т. е. до революции 1905 г., был вскрыт оппортунизм в организационных вопросах, переросший затем в оппортунизм в вопросах тактики). В период же реакции после первой революции произошел полный разрыв с оппортунистическим течением ликвидаторства. Очищение организации до революции придало большую силу и монолитность партии, в революции обеспечило взятие власти и возможность ее удержать. Крики правых в 1917—1918 гг. о том, что нельзя брать власть, мало кого в партии могли сбить с толку и на руководящие органы влияния не имели.

Громадное значение имела революция 1905 г., как репетиция, давшая возможность подвести итоги опыта массового движения, учесть опыт массового творчества (Советы). В революционные годы ясно обнаружилась классовая сущность различных классов.

Отмеченные нами обстоятельства оказали свое влияние на историю жизни и деятельности Ленина.

(Продолжение следует)

В. Адоратский

БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ БУХАРИНСКИХ «ШАТАНИЙ МЫСЛИ»

Распространение «империалистического экономизма» в рядах марксистов, которые решительно встали против социал-шовинизма и на сторону революционного интернационализма в современном великом кризисе социализма, было бы серьезнейшим ударом нашему направлению — и нашей партии — ибо компрометировало бы ее изнутри, из ее собственных рядов, превращало бы ее в представительницу карикатурного марксизма.

Ленин, Сочинения, т. XIX, 2 изд., стр. 196.

Ленинизм, как теория и тактика пролетарской революции, сложился не сразу. Он развивался в ходе борьбы пролетариата, он обогащался опытом классовых боев не только русских рабочих, но и всего международного пролетариата.

«Революционная Россия обладала,—пишет Ленин в «Детской болезни левизны»,—таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире».¹ Большевизм,—пишет там же Ленин,—«проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917 гг.) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия самых различных форм движения легального, нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического».²

«Обогащение» большевизма опытом революционной борьбы русского и международного пролетариата давало определенные «отложения» в его теоретической сокровищнице, ставшей достоянием всего международного пролетариата в области ленинизма. Другим источником теоретического «обогащения» партии была ее борьба с оппортунизмом. Ленинизм выковывался в борьбе с оппортунизмом.

¹ Ленин, Соч. т. XXV, стр. 175.

² Там же.

И в дни затишья между двумя революционными шквалами партия не прекращала непримиримой борьбы с оппортунизмом. У Ленина никогда не было «передышек», когда бы про него можно было сказать, что он «перековал меч на орало». Он никогда не расставался с «мечом». И в «мирные» периоды он вел непрерывную борьбу с оппортунизмом. Его теоретические и тактические работы носят на себе отпечаток страстной, напряженной борьбы. Отстаивая революционный марксизм, революционную пролетарскую тактику, Ленин развивал ее, продвигал ее дальше.

Богатейшим вкладом в теорию и тактику пролетарской революции являются работы Ленина эпохи империалистической войны, эпохи кануна первой полосы пролетарских революций. Эти годы, годы жестокой империалистской реакции, были периодом усиленной работы Ленина и партии на международной арене, это было время напряженной борьбы Ленина с оппортунизмом не только русским, но и международным. В этой борьбе родился ряд крупнейших теоретических работ Ленина. В годы войны родился «Империализм, как высшая стадия капитализма», и положено было начало книге «Государство и революция». Работая над вопросом об отношении марксизма к государству в последние месяцы эмиграции, Ленин писал 17/II—1917 г. А. М. Коллонтай: «Я готовлю (почти приготовил материал) статью по вопросу об отношении марксизма к государству. Пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина (видели его «Nota Bene» в № 6 Jugend-Internationale и «Сб. С.-Д.» № 2?). Вопрос—архи-важный; Бухарин гораздо лучше Каутского, но ошибки Бухарина могут погубить это «правое дело» в борьбе с каутскианством».¹

Ленинский «Империализм» появился на свет с «родимым пятном» борьбы против Каутского. Ленинское «Государство и революция» направлено, в основном, против каутскианского извращения марксистской теории государства, но ближайшим поводом для работы Ленина в этом направлении послужили статьи Бухарина о теории империалистического государства.² Взявшись за разбор ошибок Бухарина, Ленин, как он пишет, «пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина». Борьба против Каутского у Ленина переплеталась с критикой теоретических ошибок своих соратников. Ленина в его борьбе направо против социал-шовинизма и каутскианства поддерживали будущие ультралевые. Здесь сказалась своеобразная механика борьбы с оппортунизмом, в силу которой к революционному ядру в его борьбе направо «пристают» элементы с микробом «левизны», а при борьбе налево—с микробом «правизны».

Для намечения правильной линии Ленину приходилось вести борьбу на два фронта и в тактических и в программно-теоретических вопросах.

¹ Ленинский сборник II, стр. 283.

² Ленин ссылается в письме к А. М. Коллонтай на одну из них, напечатанную в № 6 журнала «Jugend-Internationale», критику которой дал Ленин в «Сборнике социал-демократа» (см. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 294—298). На эту же тему были и статья Бухарина в бременском журнале «Arbeiterpolitik» № 25, 9/XII—1916 г.

Повторилось, примерно, такое же положение, какое было в эпоху «Искры», когда в марксистской фаланге, боровшейся против народничества, наметилось уже расслоение на искровцев и экономистов и «Искре» приходилось вести борьбу на два фронта: направо против тред-юнизма экономистов и налево против мелко-буржуазной «левизны» народников.

Подобно тому, как программа и тактика партии пролетариата России складывались в борьбе против старого социализма,—«русского социализма» народников, так и программа и тактика нового интернационального объединения международного пролетариата—III Интернационала, складывались в борьбе «нового социализма» (ленинизма) против «старого» социалдемократизма. «Я вижу только,—писал 5. III. 1917 г. (нов. ст.) Ленин,—и *знаю* самым твердым образом, что вопрос о программе и тактике *нового* социализма, действительно революционного марксизма, а не поганого каутскизма, *стоит* на очереди *везде*».¹ Так же как без создания программы и тактики революционного марксизма путем преодоления мелкобуржуазных течений накануне 1905 г. невозможна была успешная борьба пролетариата России в буржуазно-демократической революции, так и без преодоления «социал-демократизма» накануне и в ходе первой полосы пролетарских революций невозможна была бы успешная борьба международного пролетариата за социализм. Таким образом, вопрос о борьбе с «каутскизмом» был одним из кардинальных вопросов всей эпохи и Ленину приходилось это своим соратникам доказывать.

«Вопрос о борьбе с *каутскианством*—писал он,— есть опять-таки не частный, а *общий и основной вопрос современности*. Автор этой борьбы *не понял*. Как «экономисты» борьбу с народниками превращали в апологию капитализма, так автор борьбу с каутскианством превращает в апологию империализма...

Ошибка каутскианства в том, что оно реформистски ставит такие требования и в такой момент, которые нельзя ставить иначе, как революционно (а автор сбивается на то, будто ошибка каутскианства есть вообще выставление этих требований, как «экономисты» борьбу с народничеством «понимали» в том смысле, что «долой самодержавие», есть народничество)».²

Автор, о котором говорит здесь Ленин—Бухарин. Его и его единомышленников Ленин называл «империалистическими экономистами». Хотя Бухарин и был частично прав в его критике Каутского (Ленин писал, что «Бухарин ближе к истине, чем Каутский»),³ но его ошибки могли погубить «правое дело» борьбы с каутскианством; он на деле «вместо разоблачения каутскианцев *помог* им своими ошибками».⁴ Поэтому Ленин не

¹ «Ленинский сборник» II, стр. 286.

² «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 84.

³ Рукопись Ленина «Марксизм и государство». См. речь т. Сталина, «Большевик» № 23—24 за 1929 г. стр. 20.

⁴ Там же.

поддерживал безоговорочно Бухарина в его критике Каутского. Так, в своем предисловии к книге Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» Ленин, отметив «важность и злободневность» темы этой брошюры, подчеркнув, что «научное значение работы Н. И. Бухарина состоит особенно в том, что он рассматривает основные факты мирового хозяйства, касающиеся империализма как целого, как определенной ступени развития наиболее высоко развитого капитализма»,¹ переходит к критике сущности взглядов Бухарина на эпоху империализма,² предпослав эту критику разбору теории ультраимпериализма Каутского.

Можно, пишет в этом предисловии Ленин,—«прийти к выводу... что не очень далеко всемирное объединение этих магнатов капитала в единый всемирный трест»... «Такой вывод, однако, столь же абстрактен, упрощен, неправилен, как аналогичный вывод наших «струвистов» и «экономистов» 90-х гг. прошлого века, когда они из прогрессивности капитализма, из его неизбежности, из его окончательной победы в России делали заключения то апологетические (преклонение перед капиталом, примирение с ним, славословие вместо борьбы), то аполитические (т. е. отрицающие политику или отрицающие важность политики, вероятность общеполитических потрясений, и т. п.; ошибка специально «экономистов»), то даже прямо «стачкистские» («всеобщая стачка» как апофеоз стачечного движения, доведенный до забвения или игнорирования других форм движения и «прыгающий» прямо от капитализма к чисто-стачечному его преодолению). Есть признаки, что и теперь неоспоримый факт прогрессивности капитализма по сравнению с полумещанским «раем» свободной конкуренции, неизбежности империализма и окончательной победы его в передовых странах мира над «мирным» капитализмом способен привести к столь же многочисленным и разнообразным политическим и аполитическим ошибкам и злключениям».³

Итак, Ленин в этом предисловии, написанном в декабре 1915 г., явно отмежевывается от *«империалистического экономизма»* Бухарина, с его ошибками и «злключениями», с его апологетикой и с стремлением «перепрыгнуть» *«через многочисленные и разнообразные, особенно в империалистскую эпоху, политические конфликты, потрясения и преобразования»*.⁴

В написанной через полгода работе «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин дает *свою* критику Каутского и *свой* анализ эпохи

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 354.

² Имени Бухарина Ленин не называет, но сопоставление соответствующего места из предисловия (т. XVIII, стр. 355) со статьей «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (Ленин, т. XIX, 2 изд., стр. 191—235) и с недавно опубликованными статьями Ленина против Бухарина и Пятакова (см. «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 81 и след. и «Пролет. рев.» № 7 (90) за 1929 г., стр. 5—7) не оставляет в этом никакого сомнения.

³ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 355.

⁴ Там же.

империализма. Таким образом ленинский «Империализм» так же, как и «Государство и революция», в свой «утробный период» прошел через фазу критического преодоления и Каутского и Бухарина.

Ленинская оценка эпохи войн и революций противостояла не только каутскианской (и куновской), но и бухаринской, хотя и в меньшей степени. «Бухарин гораздо лучше Каутского», писал Ленин, лучше потому, что он, несмотря на все его ошибки, стоял на почве *борьбы* с империализмом, тогда как Каутский проповедывал (в завуалированной форме) примирение с ним. Отсутствие последовательно марксистской методологии делало Бухарина «податливым» всяким мелкобуржуазным влияниям и порождало его колебания и уклонь.

О нем и его единомышленниках писал Ленин (в октябре 1916 г.), что они «несут рабочим самую отчаянную теоретическую путаницу».¹ Эта «теоретическая путаница» порождала ряд ошибок и колебаний, которые Ленин в статье «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» назвал «шатаниями мысли».²

В области методологии Бухарин был схематиком и, в известной степени, схоластиком³ и это его сближало с А. А. Богдановым. Эти отступления его от марксизма-ленинизма к «богдановизму» Ленин вскрыл в своих замечаниях на полях «Экономики переходного периода». Среди них есть одно, проливающее свет на бухаринские ошибки эпохи войны. Вот оно: Против слов Бухарина в брошюре: «Так называемое «национальное государство» уже в довоенный период было чистейшей фикцией» Ленин пишет: «*Не чистейшей фикцией, а нечистой формой. Нарушение «диалектического материализма» состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий.*»⁴

Таким образом, «перескок» Бухарина через ряд посредствующих ступеней был одной из характерных черт его методологии. Это роднит его идейно с Троцким, теория «перманентной революции» которого была построена на «перескакивании» через этап общедемократической (в союзе с крестьянством в целом) борьбы против царизма.

Самостоятельность мелкой буржуазии от пролетариата есть зависимость ее от буржуазии. То же можно в известной степени отнести и к уклонам в компартиях, которые, отходя от ленинизма, неуклонно катятся к социал-демократии. Ибо третьего—не дано. Бухарин, обнаруживший в годы войны «самостоятельность» от ленинской линии, скользил и оступался в болото социал-демократизма—«поганого каутскизма», в болото «марксизма» II Интернационала.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, 2-е изд., стр. 195.

² Там же, стр. 196.

³ В 1923 г. Ленин писал о Бухарине, что «его теоретические воззрения с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился, и думаю никогда не понимал вполне диалектики)». (Речь т. Сталина, «Большевик» № 23—24 за 1929 г., стр. 37.)

⁴ «Ленинский сборник» XI, стр. 399.

Троцкий был передаточным пунктом для большевиков, эволюционирующих от ленинизма к социал-демократизму. Троцкий, который теперь в международном рабочем движении играет почтенную роль «вытяжного пластыря» для всех элементов оппортунистического загнивания в Коминтерне, и в тот период, когда он еще «шел с боями к Ленину», играл не раз эту же роль в отношении антиленинских течений в большевистской фракции, а после Октября, когда он уже «пришел» к Ленину,—и в большевистской партии.¹

Можно ли говорить о близости бухаринской группы эпохи войны к троцкизму? Чтобы ответить на этот вопрос, надо проследить процесс ее формирования и борьбы с ней Ленина. Первые признаки жизни эта группа обнаружила в первые же месяцы войны, когда она предприняла издания своего органа—газеты «Звезда». В переписке по этому поводу между «Божийской группой» (группой большевиков во главе с Бухариным, жившей в Божие) и редакцией ЦО, Бухарин заверял о своей полной солидарности с линией ЦО. Газета «Звезда» мыслится,—писал он Ленину,—*«не как оппозиция и не как Konkurrenzorgan, а как дополнение, если хотите. Ну, скажите, что же вы можете иметь против еще одной партийной газеты, которая в первой же передовице заявляет о том, что она стоит на точке зрения ЦО. Ведь вы должны считать нас всех, по крайней мере, за полуидиотиков каких-то, которые воображают, что они—сторонники ЦО, а сами будут разводить абсолютно что-нибудь иное».*² На деле оказалось, что, несмотря на то, что Бухарин и его друзья причисляли себя к сторонникам ЦО (и, в известной степени, ими и были), они вскоре начали «разводить» нечто «абсолютно иное», чем линия ЦО.

Это произошло не в газете «Звезда», так как ее ЦК не разрешил выпустить, а во время обсуждения вопроса о позиции партии по вопросу о войне в связи с созывом конференции заграничных секций РСДРП, как тогда назывались эмигрантские большевистские группы. Повестка дня конференции, в которой первым пунктом стоял вопрос об отношении к войне, была разослана в январе 1915 г. на обсуждение секций. Ряд секций прислал в ЦК свои резолюции, в числе их были резолюции: монпельерской секции, тулузской секции и божийской группы. Последняя посвящена специально 1-му пункту порядка дня «о задачах партии». Участие Бухарина в составлении ее не возбуждает сомнений. Что же представляет этот документ? Авторы ее сразу же берут «быка за рога», разворачивают свои разногласия с Лениным по *основному* лозунгу партии, лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую. «Вполне солидаризируясь с лозунгом «гражданской войны»,—гласит резолюция,—... бо-

¹ Примером этого являются «впередовцы», каменевщина 1917, Бухарин в 1918 и 1921 гг. и «ленинградская оппозиция» 1927 г. Одно из подобных явлений—сродство «каменевщины» 1917 г. с троцкизмом разобрано в моей статье в «Пролетарской революции» № 12 (71) за 1927 г.

² Архив Института Ленина, № 20 667. Письмо Н. И. Бухарина Ленину и Зиновьеву (без даты).

жийская группа... однако... ни в коем случае не может согласиться с таким толкованием этого лозунга, которое выставляло его как лозунг единственно возможный и исключаящий все остальные».¹ Группа считает, что этот лозунг, при определенной его формулировке, «не только не *исключает*, а, наоборот, покрывает собой и другие революционные лозунги, как, например, лозунг «мира», так и лозунг «Соединенных Штатов Европы».²

Чтобы яснее была суть «поправочки», предлагаемой божийской группой, надо вспомнить, что Ленин лозунг гражданской войны выдвигал в *противовес* каутскианскому лозунгу мира и что центральными лозунгами Троцкого были: «Соединенные штаты Европы»³ и «борьба за мир».

Свое требование совмещения лозунга «мир» с лозунгом «гражданской войны» группа мотивирует тем, что лозунг мира «в настоящий момент, когда мира *ни одно правительство не хочет*, может явиться лозунгом, направляющимся *против правительств*, разрушающим «Бургфриден» и переводящим существующую борьбу пролетариев из области взаимоненавистнической национальной вражды в область классовых столкновений *их со своим правительством в каждой стране и гражданской войне с ним*».⁴ Соглашаясь с Лениным в вопросе о необходимости гражданской войны и социалистической революции, Бухарин выдвигал такие «ближайшие» лозунги, которые *закрывали путь* к социалистической революции, мешали боевой подготовке пролетариата. Таким именно был лозунг мира, о котором Ленин говорил, что он является орудием подчинения революционизирующихся масс либерально-пацифистской буржуазии. А пацифизм, говорил он, есть верное орудие империализма. Лига наций блестяще подтвердила это.

«Мы не можем,—писал Ленин,—стоять за лозунг мира, ибо считаем его архи-путаным, пацифистским, мещанским, *помогающим правительствам* (они хотят теперь одной рукой быть «за мир», чтобы выпутаться) и *тормозящим революционную борьбу*».⁵

Таким образом, «божийцы» были далеки от ленинской оценки объективного значения лозунга «борьбы за мир». Они в этом вопросе приближались к Троцкому, который, несмотря на революционные фразы вроде того, что «война 1914 г. указывает путь из тупика, насильственно выводя пролетариат на путь социалистического переворота»,⁶ был не более как «платонический интернационалист».

«Революционность» Троцкого сказала также и в его отрицании лозунга «поражения своего правительства», этого лозунга *революционного действия* пролетариата против «своей» буржуазии. Божийская группа в

¹ «Пролетарская революция» № 5 (40), стр. 171. (Курсив подлинника).

² Там же.

³ Этот лозунг фигурировал и в первых документах большевиков, но не как основной, а как «подсобный» и в ином контексте, чем у Троцкого (об этом см. ниже).

⁴ «Пролетарская революция» № 5 (40), стр. 171.

⁵ «Ленинский сборник» II, стр. 231.

⁶ Л. Троцкий, «Война и революция», том I, изд. 3, стр. 80.

своей резолюции заявила, что она «категорически отвергает... какое-либо выставление... в качестве лозунга для России так называемого «поражения России».¹ И здесь единомышленники Бухарина показали себя как «революционеры на словах». Вполне естественно, что они не разделяли также и ленинского взгляда на необходимость различать «платонических интернационалистов» вроде Троцкого от подлинно интернационалистских групп и течений.² Так Бухарин и его единомышленники—«божийцы» «разделяли» линию ЦО.

Дальнейшее развитие разногласия между «божийцами» и ЦК получили на конференции заграничных секций в Берне. Конференция эта открылась 27 февраля без представителя божийской группы (Бухарина), и без Ю. Пятакова и Е. Б. Бош, которые бежали из ссылки через Японию и Америку и находились в момент открытия конференции еще в пути. Этим товарищам Ленин просил срочно выехать в Швейцарию для участия в конференции,³ чтобы иметь «свежих», «российских» людей. «Японцы», как их тогда называли (т. е. бежавшие через Японию), заехали сначала в Божи, где находилась сестра Е. Б. Бош—т. Размирович. От нее Е. Б. Бош узнала, «что Владимир Ильич долго откладывал конференцию, ожидая нашего приезда и что сейчас она еще не закончена, *что они на конференцию не поехали, а послали свои тезисы и ехать не хотят*».⁴

Таким образом, божийцы, встав в оппозицию к ЦК в связи с запрещением им издавать свой орган, собирались, судя по воспоминаниям Е. Б. Бош, «бойкотировать» конференцию и ограничиться присылкой резолюции, которая уже цитировалась выше. Эти же воспоминания добавляют еще несколько интересных штрихов. Так, из них мы узнаем, что «группа 3-х» (Н. И. Бухарин, Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович) предлагали «издавать дискуссионную газету, *так как в ЦО выяснить эти разногласия они не могут*».⁵ Это не совсем то, о чем писал Бухарин в ЦК. Свидетельство «воспоминателя» в данном случае более «надежно», чем свидетельство документа (цитированного выше на стр. 23 письма Н. И. Бухарина), так как ряд фактов и документов подтверждают его правильность.

«Божийская группа» и «японцы» появились в Берне на конференцию тогда, когда уже после 2-х—3-х дней работы вся повестка была исчерпана. Ошибка воспоминаний т. Г. Беленького в «Правде» за 13 августа 1924 г., утверждающего, что оппозиция была на конференции с самого

¹ «Пролетарская революция» № 5 (40), стр. 172.

² Их ссылки на переговоры ЦК с группой газеты «Наше слово», т. е. с группой Троцкого, неосновательны, т. к. ЦК, в ответ на приглашения ред. «Нашего слова» принять участие в совещании «интернационалистов», ответил, что необходимо раньше выяснить, «существует ли между нами солидарность в основном» (см. Ленин, Соч., т. XVIII, 2 изд., стр. 150).

³ «Пролетарская революция» № 5 (40), стр. 179.

⁴ Там же, курсив мой.—Д. Б.

⁵ Там же, курсив мой.—Д. Б.

начала, несомненна, так как в резолюциях конференции имеется резолюция: «О товарищах из Божии, не явившихся на конференцию», которая гласит: «Конференция выражает сожаление по поводу того, что товарищи из Божии, *отстаивающие особый оттенок в вопросе о войне* и проектирующие издание особой газеты, не явились на конференцию для товарищеского обмена мнениями. Конференция констатирует, что *устроители конференции сделали со своей стороны все возможное, чтобы указанные товарищи могли присутствовать на конференции*».¹ Обращает на себя внимание констатирование, с одной стороны, «особого оттенка» у группы Бухарина и, с другой стороны—подчеркивание лояльности ЦК («устроителей конференции») по отношению к этой оппозиционной группе.

В повестке конференции 5-м пунктом стоял вопрос: «ЦО и новая газета». В резолюции по нему из пяти пунктов² говорится о «полной солидарности с идейным направлением ЦО», о необходимости сосредоточить все средства, в первую очередь, на улучшении его издания и о том, что нужно «издание сборников и брошюр по вопросам, выдвинутым войной». Помимо этих пяти пунктов, имеется особое «Дополнение к резолюции о ЦО и новой газете и с пометкой «Не подлежит оглашению». Это «дополнение гласит: «По поводу проекта товарищей из Божии издавать новую газету конференция находит, что было очень нежелательно и неосторожно раздроблять немногочисленные силы большевиков за границей, и выражает надежду, что все товарищи сплотятся вокруг общепартийных предприятий, намеченных в резолюции конференции (Принята единогласно)».³

Таким образом конференция осудила попытку группы Бухарина издавать свой дискуссионный орган. Наряду с этим надо отметить, что Ленин стремился изжить разногласия путем товарищеского обмена и прийти к вполне единодушному решению по вопросу об отношении партии к войне. Это тогда еще было возможно, так как среди оппозиции не было единодушия, было много раздражения, много идейной путаницы и мало теоретической ясности. Этим надо объяснить тот факт, что по уже принятой резолюции по п. 1 «Война и задачи партии» была после приезда «божийцев» открыта дискуссия. Эта дискуссия происходила не на конференции, а «около» нее. В ней приняли участие В. И. Ленин (от лица конференции) и приехавшие «оппозиторы». Это видно из ленинской записи прений в ходе этой дискуссии, где в числе участников ее отмечены лишь Н. И. Бухарин, Е. Ф. Розмирович, Н. В. Крыленко и А. А. Трояновский. Последний «примыкал» к божийцам лишь «территориально», а идейно был близок к оборончеству.

Каково было содержание дискуссии? Как повлияла дискуссия на формулировку позиции партии в резолюциях конференции? Прежде всего надо отметить, что и до приезда «божийцев» шла дискуссия по вопросу о лозунге Соединенных Штатов Европы. О ней пишет в своих воспоми-

¹ «Пролетарская революция» № 5 (40), стр. 178. Курсив мой.—Д. Б.

² Там же, стр. 177.

³ Там же.

нениях Г. Шкловский, и его воспоминания находят свое подтверждение частично в протоколе конференции, где говорится: «Тезисы, прочитанные т. Зиновьевым, приняты».¹ «В тезисы тов. Инесса внесла поправку: «Выдвигая наряду с другими требованиями и требов[ание] Евр[опейских] Соед[иненных] Шт[атов], как возможн[ый] этап к с[оциалистической] р[еволюции], соц[иал]-дем[ократия] должна... За поправку Инессы 1 гол[ос]. За поправку Каспарова—1 гол[ос] (поправка секрет[арю] не была представлена)».²

Таким образом, по вопросу о Соединенных Штатах были представлены еще две точки зрения, или два «оттенка», нашедшие свое выражение в соответствующих поправках. Вот что пишет по этому поводу в своих воспоминаниях Г. Шкловский:

«Что касается хода конференции, то большие дебаты вызвал там только один пункт—о Соединенных Штатах Европы.

Пункт этот, как известно, имелся в манифесте ЦК. В представленных конференции тезисах он тоже занимал известное место. Однако в нашей среде он встретил известную оппозицию. Против него выступали покойный т. Каспаров (кличка «Слава») и я. Поддержал нас и еще кто-то из товарищей с совещательным голосом. Колебалась Инесса, которая в конце дискуссии предложила компромиссную поправку: «Выдвигая наряду с другими требованиями и требование Европ. Соед. Штат., как *возможный этап к соц. революции* (курсив мой.—Г. Ш.), соц.-демокр. должна...»³

Интересно также указание т. Шкловского на то, что в числе мотивов, выставленных противниками лозунга Соед. Шт. Европы был и следующий: «При империализме невозможна истинная демократия, потому невозможны и Соед. Штаты Европы».⁴ Возражение против него Ленина передано Г. Л. Шкловским следующим образом:

«В дискуссии Ильич возражал нам, что если исходить из нашей мотивировки, то нужно выкинуть целый ряд пунктов из нашей программы-минимум, как невозможные при империализме; что мы тем не менее их не выбрасываем, хотя истинная демократия осуществится только при социализме».⁵

Эта аргументация встречается в ленинских работах, критикующих позицию Бухарина, Пятакова и Радека, в частности, в опубликованной в № 7 «Прол. рев.» за 1929 г. статье Ленина «Ответ П. Киевскому». Таким образом, дискуссия до приезда божийцев была, в некоторой степени, преддверием к этой дискуссии. Круг вопросов, затронутых в ней, судя по ленинской записи, следующий: 1) о лозунге превращения империалистической войны в гражданскую и лозунге мира; 2) о лозунге «по-

¹ Это место затем зачеркнуто, т. к. тезисы были окончательно приняты после соглашения с Н. И. Бухариным.

² «Пролетарская революция» 5 (40), стр. 175.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ Там же.

ражения»; 3) о лозунге «Соединенных Штатов Европы»; 4) об отношении пролетариата к мелкой буржуазии в эпоху империализма; 5) о программе-минимум в связи с проблемой «империализм и демократия»; 6) о лозунге права наций на самоопределение и 7) об отношении к группе «Нашего слова». Таким образом, дискуссия шла по ряду *основных* вопросов теории и тактики. Если из этой дискуссии исключить А. А. Трояновского, который говорил о том, что надо помешать насилию одной нации над другой, об угнетенной Бельгии, о том, что «поражением» России ЦК хочет «вогнать» Россию в революцию, так же как Гэд победой Франции хочет «вогнать» Германию в республику, то и круг вопросов и самая постановка их покрываются документами оппозиции: резолюцией божийской группы, тезисами Бухарина на бернской конференции и некоторыми позднейшими бухаринскими документами. По первым вопросам и по последнему (7-му) (о «гражданской войне», «мире», «поражении», об отношении к «Нашему слову») выступали главным образом Е. Ф. Розмирович и Н. В. Крыленко, по остальным главным образом Н. И. Бухарин. Аргументация против лозунга гражданской войны, как исключаящего лозунг мира, была следующая: возможно, что, несмотря на то, что мы за превращение империалистической войны в гражданскую, это превращение не осуществится, и тогда будет «мир». Возможна пропаганда мира не в духе «поповских воздыханий», а «в связи с революционным действием». Ленин показал, как это видно хотя бы из приведенного выше отрывка (см. стр. 24), что лозунг «мира» является орудием в руках империалистического правительства, помогая ему дезорганизовать и ослабить «революционные действия». С другой стороны, лозунг «гражданской войны» не был лозунгом, который должен был осуществиться непременно в связи с данной войной. Выдвигая его, партия давала лишь генеральную линию, *направление* борьбы пролетариата в эпоху войн и революций. Предвидя подобные возражения, Ленин в манифесте ЦК писал: «Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, *неуклонной подготовительной работы* в этом направлении, раз война стала фактом».¹ Конференция, встав на ленинскую точку зрения, отвергла попытку божийцев включить в «подготовительную работу» и «борьбу за мир». Среди перечисленных в ее резолюции «первых шагов по пути превращения империалистической войны в гражданскую» нет пропаганды мира, хотя бы и «в связи с революционным действием масс».²

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 66. Курсив мой.—Д. Б.

² См. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 126. В разделе «Пацифизм и лозунг мира» (там же, на стр. 127) в фразе о вреде пропаганды мира есть вводное предложение: [пропаганда], «не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс». Г. Шкловский считает, что эта оговорка сделана в виде «уступки» божийцам. Между тем она вызвана необходимостью отличать подлинно-революционных «левых» западных партий, у которых лозунг мира связан с призывом к революционным действиям, от каутскианцев (см. т. XVIII, стр. 225).

Божийцы выступали против лозунга поражения, который и был именно лозунгом революционного действия. В дискуссии на конференции Бухарин говорил, что надо проанализировать, чем является в данном случае «поражение России», лозунгом или прогнозом. Простой прогноз не есть лозунг. Например, когда марксисты говорили о победе кулаков в связи с дифференциацией деревни, то это был прогноз, но не лозунг, так как марксисты не желали победы кулаков. По аналогии надо сказать, что и теперь революционные с.-д. *не желают* поражения своего отечества. Вся эта аргументация выдает непролетарскую сущность бухаринской позиции, ибо самые левые мелкие буржуа и самые радикальные интеллигенты страшились лозунга «поражения», как лозунга одиозного (для буржуазии), ставящего их в ряды отщепенцев общества (буржуазного). Проповедь социалистической революции «вообще» буржуазия еще терпела, ибо знала (на примере Каутских и Троцких), что «не так страшен чорт как его малюют», пропаганду мира даже поощряла, а за «пораженчество» ставила к стенке, замуровывала в тюрьмы, гноила в «гиблых местах».

Есть такие лозунги, которые «имеют обращение» и на рабочих окраинах и в салонах буржуазии. К ним не принадлежит лозунг «поражения». Другое дело лозунг «Соединенных Штатов Европы», который и сейчас время от времени всплывает в буржуазной печати, как лозунг паневропейского объединения против СССР, с одной стороны, против Америки—с другой. Троцкий в этом лозунге видит квинт-эссенцию тактики революционного марксизма в эпоху войн и революций, верх интернационализма и революционности!

В *какой* связи выставляет его Троцкий? В связи с тезисом: «На смену национальной великой державе *должна прийти империалистическая мировая держава*».¹ А этот тезис базируется у него на признании основной тенденцией эпохи тенденции к «разрушению национально-хозяйственных гнезд во имя мирового хозяйства».² Нетрудно видеть *двусмысленность* этого последнего положения. Его можно толковать и в духе открытого «струвизма», в духе Кунова, и в духе «ультраимпериализма» Каутского и в смысле назревания социалистической революции.

Троцкий декларирует дальше *в этой связи* лозунг Соединенных Штатов Европы. «Для европейского пролетариата в этих исторических условиях,—пишет он,—дело может идти не о защите пережившего себя национального «отечества», ставшего главным тормозом экономического прогресса, а о создании нового, более могущественного и устойчивого отечества—республиканских Соединенных Штатов Европы, как перехода к Соединенным Штатам мира. Империалистической безвыходности капитализма пролетариат может противопоставить только социалистическую организацию мирового хозяйства, как практическую программу дня. Войне, как методу разрешения неразрешимых противоречий капитализма на вершине

¹ «Война и революция», том I, стр. 82.

² Там же, стр. 79.

его развития, пролетариат вынужден противопоставить свой метод—социальный переворот».¹

Таким образом, у Троцкого лозунг Соединенных Штатов Европы есть лозунг борьбы за мировое хозяйство против «пережившего себя» «национального государства». Эту ломку национальных границ «во имя мирового хозяйства» *может*, по Троцкому, осуществить и буржуазия («должна прийти империалистическая держава» и т. п.). Борясь за Соединенные Штаты Европы, пролетариат не должен вовсе идти «против течения», он идет рука об руку с прогрессивной буржуазией, он борется за «лучшее» «мировое» отечество против худшего, «устаревшего», национального. У Троцкого лозунг Соединенных Штатов связан с отрицанием национально-революционных войн. «Отрицание» Троцким национально-освободительных движений, отрицание прогрессивности борьбы за «национальное государство» на колониальном и полуколониальном Востоке связано с недооценкой им значения закона неравномерности развития капитализма в эпоху финансового капитала.

Ленин в противовес Троцкому исходил из «пестроты» империализма, из неравномерности развития капитализма, которое порождало «сожительство» финансового капитала с полуфеодальными, феодальными и патриархальными укладами. Вскрывая *империалистический* характер войн, Ленин исходил не из «сплошного» империализма. Поэтому он и в тезисах о войне и в Манифесте ЦК отмечает, наряду с *основной* причиной войны (обострение борьбы за рынки) и побочную—«династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий».²

В связи с учетом неравномерности развития, в силу которой уцелели еще монархи, в связи с чем еще сохранился «военно-феодальный империализм», Ленин выдвигает лозунг Соединенных Штатов Европы. Эта связь особенно ясно проступает в первоначальном наброске манифеста ЦК, в ленинских тезисах «Задачи революционной с.-д. в европейской войне», где в числе «лозунгов революционной с.-д.» упоминается «пропаганда, как один из ближайших лозунгов республик—немецкой, польской, русской и др., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты Европы».³ В манифесте ЦК лозунг Соединенных Штатов трактуется как «ближайший политический лозунг», выдвигая который «с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской».⁴ Таким образом, Ленин выдвигал этот лозунг только как «ближайший» и «политический», правильный *лишь в связи с борьбой за низвержение монархий*, т. е. в связи с революционной раскачкой народных масс в отсталых странах, открывающей перспективы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

¹ «Война и революция», т. I, стр. 79.

² Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 61.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 65.

Подобные демократические движения могли в эпоху империализма служить «прологом» и даже частью социалистической революции. С известным приближением можно сказать, что у Ленина лозунг Соединенных Штатов—это лозунг союза с революционно-демократической мелкой буржуазией, а у Троцкого—это лозунг союза с либерально-пацифистской «прогрессивной» буржуазией. Так грубо-схематически можно показать различие этих лозунгов у Ленина и у Троцкого.

Какова же была позиция Бухарина в этом вопросе? В какой связи, с какой мотивировкой выдвигал он лозунг Соединенных Штатов? Яснее всего это видно в его тезисах, представленных бернской конференции (см. приложение № 1). Пункт 6-й этих тезисов гласит: «В ответ на империалистическое объединение стран сверху пролетариат должен выставить лозунг социалист[ического] объединения стран снизу, республиканско]-социалистические Штаты Европы, к[а]к полит[ико]-юридич[ескую] формулировку соц[иалистического] переворота».

Сравнение этого места из тезисов Бухарина (февраль 1915 г.) с цитированным выше (см. стр. 29—30) отрывком из предисловия Троцкого к брошюре «Война и Интернационал», датированным 31 октября 1914 г., показывает, что у Бухарина имеется почти текстаульное совпадение с соответствующими формулировками Троцкого. У Троцкого перед приведенным отрывком речь идет об объединении сверху, которому надо противопоставить объединение снизу. Надо, между прочим, заметить, что это противопоставление «сверху» и «снизу» в значительной степени словесное. Иногда то, что начинается «сверху», завершается «снизу» и наоборот (1861 г.—1917 г. в России, 1848—1871 гг. в Германии). У Бухарина, как и у Троцкого, лозунг Соединенных Штатов—это не лозунг революционного действия, а революционная фраза. Это лозунг отказа от мобилизации непролетарских масс против империализма во имя «чистоты» социалистической революции. Он связан у Бухарина с его отрицанием лозунга права наций на самоопределение, т. е. имеет иное чем у Ленина значение.

Эта связь лозунга Соединенных Штатов с отрицанием роли национальных движений и не только их, но и отрицанием значения демократических резервов социалистической революции вообще, видна из ленинской записи выступления Бухарина на бернской конференции, в которой месту о Соединенных Штатах предшествует следующая его аргументация: мелкая буржуазия теперь «не то, как в 1905 г.» «Не надо звать»... Она связана с крупным капиталом, и в другом месте на ту же тему он говорит, что одна из ошибок ЦО «звать демократическую буржуазию». Иллюзия, будто мелкая буржуазия может быть против трестов (союз всех буржуазных классов). Мелкая буржуазия—совладельцы акций. Они связаны с крупным капиталом. Вся эта бухаринская установка в корне противоречит ленинской тактике мобилизации мелкобуржуазных резервов не только в эпоху буржуазно-демократической, но и в эпоху социалистической революции.

У Бухарина этот тезис о нереволуционности мелкой буржуазии «подпирает» основное его положение: борьба за «права», борьба за демократию, борьба за реформы в эпоху империализма неуместна. Революционное движение уперлось в *тупик*. Двигаться на всех парах к социалистической революции. Иного выхода нет. У пролетариата может быть лишь одна реакция на империализм: социалистическая революция. Абсолютно нет иной перспективы. А раз так, то он против разделения программы на максимум и минимум. Прежде на очереди стояла борьба за реформы, теперь за завоевание власти пролетариатом. Правда, Бухарин и в прениях на конференции и в тезисах признает «частичные лозунги» и «частичные реформы». Но эти «частичные» реформы он *переводит из плоскости политики, из плоскости демократических требований, в плоскость экономики*. Это подтверждается тем местом ленинской записи прений, где после слов: «не исключая частичных требований», записано: «в Германии этапы к решительному захвату всех областей хозяйственной жизни *при войне*. Безработица; передача закрытых предприятий безработным».

Эта мысль развита у Бухарина в п. 5 его тезисов, где он пишет: «с.-д. лозунги... должны развивать материальное содержание социалистической революции и представлять собою выражение растущих попыток пролетариата на деспотическое посягательство на частную собственность (напр., передача буржуазно-военных организаций хозяйственной жизни хлебной монополии, распределение рабочих рук, е. т. с. в руки рабочих; организация общественных работ, конфискация запасов пищевых продуктов и организация распределения их рабочими организациями, отмена квартирной платы для рабочих и т. д.)». Этот пункт является «гвоздем» тезисов. Что по существу представляют эти «частичные» экономические реформы *до* захвата власти пролетариатом. «Кусочки социализма» при капитализме (*à la* Богданов). Это план постепенного «установления» пролетариатом социализма *без* пролетарской революции, *без* диктатуры пролетариата. «Мирное вращение» переплетается тут с синдикалистскими идейками об овладении рабочими, организованных в синдикаты, предприятиями, об овладении распределением рабочих рук через биржи труда, связанные с синдикатами, и т. п. Об этих тезисах Бухарина Ленин писал Шляпникову: «На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915), он [Бухарин] дал *тезисы* (у меня есть!)—верх нелепости; срам; полуанархизм».¹ Этот «полуанархизм» и есть то «самобытное», что отличает Бухарина и от Ленина и от Троцкого. Этот свой оттенок он внес и в вопрос о Соединенных Штатах. Хотя в тезисах он говорит о «*республиканско-социалистических*» штатах Европы, но в прениях он, судя по ленинской записи, подчеркивал, что говорить о Соединенных штатах в связи с *республикой* неверно, так как требование республики «*утопично*» и в *этом смысле* лозунг Соединенных штатов сеет иллюзии. Таким образом Бухарин отмежевывается от *ленинского* понимания лозунга Соединенных

¹ «Пролетарская революция» № 7 (90), стр. 119.

Штатов, не сливаясь целиком и с Троцким, от которого Бухарина отличает в этом вопросе его «полуанархизм».

Бернская конференция, которая была партийным совещанием, давшим окончательную формулировку позиции партии в годы войны, стала «ареной» борьбы Ленина против бухаринских «шатаний мысли». Неоформленность, идейная путаница, характерная для позиции Бухарина в этот период, позволяла думать, что он еще «одумается». К этому надо прибавить и «изолированность» Бухарина к концу конференции, которого в его «полуанархических ересьях» не поддержали остальные «божийцы». Об этом свидетельствует следующее место у Ленина: «Тогда (на Бернской конференции.—Д. Б.) лишь один товарищ, встретивший всеобщее неодобрение, настаивал до конца совещания на этих идеях «империалистического экономизма» и формулировал их письменно в виде особых «тезисов». Никто к этим тезисам не присоединился».¹ По поводу отношения «японцев» к этой дискуссии Ленин пишет в письме Шляпникову, что, когда Бухарин выступил с его тезисами, «я резко напал—Юрий и Евг. Бош слушали и остались довольны мной, что я не даю падать влево (они заявили тогда свое полное несогласие с Николаем Ивановичем)».² В связи с этим Ленин ограничился критикой взглядов Бухарина в узком кругу и, судя по воспоминаниям, включил его в комиссию по окончательной формулировке резолюций. Из протокола конференций видно, что составление резолюции было первоначально поручено комиссии из Ленина, Зиновьева и Инессы Арманд. Тезисы, выработанные этой комиссией и зачитанные т. Зиновьевым, были уже приняты конференцией, но после приезда «божийцев» были продискутированы с ними и поступили, повидимому, для окончательной формулировки в новую комиссию из Ленина, Зиновьева и Бухарина.

Добилась ли оппозиция «уступок»? Такой уступкой, напр., т. Беленький считает снятие лозунга Соединенных Штатов, но мы уже знаем, что этот лозунг выставляли и божийцы в своей резолюции, и Бухарин в своих тезисах. Об «уступке» здесь не может быть и речи, но некоторое влияние дискуссия с Бухариным (так же, как и предшествующая его приезду дискуссия о лозунге Соединенных Штатов) на решение Ленина снять этот лозунг оказала.³ В предисловии к резолюциям конференции он указал, что «по вопросу о «Соединенных Штатах Европы» дискуссия приняла односторонний политический характер», а, проанализировав экономическую сторону дела, Ленин снял его окончательно, «потому что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным».⁴

¹ «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 81.

² «Пролетарская революция» № 7 (90), стр. 119.

³ Интересно также сообщение т. Шкловского, что до вынесения решения по этому вопросу т. Ленин виделся с К. Радеком и спрашивал его о позиции отдельных европейских товарищей (см. «Пролетарская революция», № 11 (34) за 1924 г., стр. 269).

⁴ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 232.

Ленин снял лозунг Соединенных Штатов потому, что он мог быть истолкован в духе Троцкого и Бухарина, в духе «чистой социальной революции», являющейся одновременным выступлением пролетариев всех стран и потому исключавшей возможность победы социализма в одной стране. Напечатанная почти полгода спустя статья Ленина «О лозунге Соединенных Штатов» направлена по существу не только против Троцкого, но и против Бухарина.

Борьбу Ленина против бухаринских «шатаний мысли» в этот период никак нельзя отождествлять с борьбой против Троцкого, ибо Троцкий был не более как «наживка» на крючок оппортунизма для революционных рабочих. Это был «левый» форпост меньшевизма, это было одно из звеньев цепи, в которой Троцкий держался за Чхеидзе, Чхеидзе за Мартова и Аксельрода, Аксельрод за Потресова, Потресов за Плеханова и т. д. Бухарин и его единомышленники колебались в вопросе об отношении к Троцкому, не понимали этой его роли, но все же к меньшевистской цепи пристегнуть их нельзя. Они не были организационной перемычкой между большевиками и Троцким. Но роль идейной перемычки между позицией Ленина и Троцкого они, *в известной степени*, играли. Они были ей постольку, поскольку: 1) у Троцкого, наряду с его центризмом, были элементы ультра-левизны; 2) у Бухарина, наряду с его ультра-левизной, были колебания в сторону центристских лозунгов (за «мир», против «поражения», «Соединенные Штаты» в трактовке, близкой к Троцкому), было скольжение от ленинизма к социал-демократизму.

Борьба Ленина против ошибок Бухарина носит характер борьбы с уклоном к оппортунизму. Самое ленинское выражение «шатания мысли», примененное к группе Бухарина, почти совпадает с его определением уклона, данным на X съезде партии во время борьбы с «рабочей оппозицией». «Гвоздем всей резолюции,—говорит Ленин,—является определение нашего отношения к некоторым течениям мысли. К уклонам мысли,—говоря уклонам, мы тем самым подчеркиваем, что еще не видим здесь ничего окончательно оформившегося, ничего безусловного и вполне определенного, а лишь начало такого политического направления, которое не может оставаться без оценки партии». Момент «неоформленности» взглядов Бухарина играл значительную роль в нежелании Ленина выносить «этот раздор» из «самого тесного круга».¹ В течение полгода «раздор» этот как будто заглох. За это время ЦК выпустил совместно с группой Бухарина сборник «Коммунист», который вышел, как «издание Е. и П. Киевских», т. е. Е. Бош и Ю. Пятакова, тесно связанных уже в это время с Бухариным. Об этом времени Ленин пишет: «Проходит полгода. Ник. Ив. учится экономике. *Не* занимается политикой. И вот в вопросе о самоопределении он преподносит нам *т у ж е* ерунду. Евг[ения] Бо[гданова Бош] + Юрий ее подписывают!! ... Люди не подумали, не почитали. Не занялись. Послушали 2—3 раза Радека (у того старая

¹ «Ленинский сборник» II, стр. 263.

«польская» болезнь: он тут запутался)—*подмахнули*».¹ Об этом же периоде Ленин пишет: «С «тройкой» (Юрий [Пятаков] + Евг. Бо[гдановна Бош] + Николай Ив[анович Бухарин]) мы должны были пойти на *временные* уступки, потому что *тогда* нельзя было издать журнала (теперь можно); а главное: тогда еще не видали *на работе* Евг. Бо[гдановну Бош] + Юрия [Пятакова]. И можно было надеяться на то, что *работа* поведет их *вверх*. А они пошли вниз»...² В числе причин сотрудничества Ленина с бухаринской группой («тройкой») были и побочные моменты (отсутствие у редакции ЦО средств для издания своего журнала), но главное, это была надежда на выправление линии, на то, что эти товарищи смогут пойти «вверх», преодолеть свои ошибки, надежда на то, что «удастся преодолеть товарищески колебания Бухарина».

«Коммунист» был «блоком» ЦК с группой Бухарина («блоком» не в обычном смысле межпартийных блоков), но не только с группой Бухарина. «Коммунист»,—пишет Ленин,—был временным блоком нашим с двумя группами или элементами: 1) Бухарин и К⁰; 2) Радек и К⁰. Пока можно было идти вместе с ними, это *следовало* делать».³ В другом месте Ленин поясняет, в какой обстановке, при каких условиях «можно было идти вместе». Он пишет Шляпникову: «Сближение (*тогда* оно было возможно, *перед* Циммервальдом) достигнуто».⁴ Таким образом, блок с «Бухариным и К⁰» и «Радеком и К⁰» был возможен *перед* Циммервальдом (т. е. до сент. 1915 г.). Чтобы понять это замечание Ленина, надо восстановить обстановку перед Циммервальдом и посмотреть, каковы были взгляды Ленина *в это время* на блоки с колеблющимися и центристскими элементами.

Накануне Циммервальда, летом 1915 г., в начале второго года войны процесс формирования элементов III Интернационала еще был настолько слаб, что Ленин, несмотря на то, что для него в принципе вопрос о расколе Интернационала был решен в первые недели войны, в вопросе о конкретных путях этого раскола в то время допускал *возможность* того, что нашей партии придется еще быть «крайней оппозицией» во II Интернационале. Вот что писал Ленин летом 1915 г. накануне Циммервальдской конференции:

«Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала—пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоя-

¹ «Пролетарская революция» № 7 (90), стр. 119.

² Там же.

³ Там же, стр. 125.

⁴ Там же, стр. 118.

щего на почве революционного марксизма».¹ Итак, на первом этапе военного периода международного рабочего движения Ленин говорил еще, что может быть даже наша партия останется в рамках II Интернационала, чтобы организовать и увести оттуда левые элементы. В момент, когда в самом рабочем движении было затишье, не было еще решительного перелома, не было «сдвига в сторону революционного мышления и революционного действия», Ленин говорит о такой возможности. И в этой связи интересна его постановка вопроса о возможности блока с центристскими элементами, с элементами центристской оппозиции против официального руководства социалистических партий, с элементами, колеблющимися между социал-шовинизмом и активно-антивоенной оппозицией. Он писал опять-таки накануне Циммервальда:

«Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы—преимущественно социалисты *пацифистского* оттенка—существуют и в нейтральных странах, и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая Рабочая Партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это *только* попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба».²

Итак, Ленин говорит, что с элементами центристскими, лево-центристскими, в данном случае с элементами колеблющимися возможен временный блок. На данной стадии, на данном этапе эти элементы могут быть нашими попутчиками.

На какой почве возможен этот блок? На почве борьбы против социал-шовинизма. Поскольку эти элементы будут бороться с социал-шовинистами, мы можем их использовать. Но дальше, говорит Ленин, надо помнить, что это только попутчики и что в главном и основном они пойдут не с нами. И мы знаем, что в данном случае использование левых зигзагов циммервальдских центристов оказалось правильным, оно было исторически оправдано.

Почему оправдался блок с этими пацифистскими элементами? Он оправдался потому, что на этой стадии рабочего движения, на стадии его еще младенческой, когда лишь намечался «сдвиг в сторону революционного мышления и революционного действия»,—на этой стадии лево-центристская оппозиция против официального руководства партии в известной степени отражала (как симптом) протест масс. Самый этот протест был еще неясен, неоформлен, и поэтому эти элементы могли выражать недовольство масс, недовольство их и своим положением, недовольство и официальным руководством социалистических партий, которое помогло правительствам втянуть рабочих в войну.

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 217.

² Там же, стр. 215.

Массам, уставшим от войны, лозунг «мир» был близок и понятен. Поэтому те «левые», которые выступили под лозунгом «мир», в известной степени отражали настроение масс. В статье «К оценке лозунга «мир», написанной осенью 1915 г., Ленин показывает, каково должно быть отношение пролетарской партии к левым, выступающим с лозунгом «мир».

«Когда левые,—пишет он,—начинали объединяться под лозунгом мир, это можно (и должно) было поощрять, *если* в этом выражался *первый шаг* протеста против шовинистов,—как темный русский рабочий в гапонаде выражал робкий протест против царя. Но поскольку левые ограничиваются и теперь этим лозунгом (лозунг—дело *сознательных* политиков), постольку они самые плохенькие левые, постольку в их резолюциях *нет* ни грана именно «действенности», постольку—они игрушка в руках Зюдекумов, Кварков, Самба, Гайндманов, Жоффра и Гинденбурга».¹

Ленин сумел часть элементов, выступавших сначала с пацифистским протестом против войны («наивных пацифистов»), привлечь к делу пролетарской борьбы против империализма. Таких людей, как Хеглунд, он старался толкать вперед, подымать их «выше», на уровень пролетарского революционера.

Созданная в сентябре 1915 г. левая фракция в Циммервальдском объединении стала организационным центром объединения всех способных *действенно* бороться против шовинизма и преодолеть в себе бесхарактерные колебания между линией пролетарского интернационализма и линией социал-шовинизма. Присоединившись к циммервальдской левой, эти «левые» еще не становились большевиками-ленинцами. Они колебались, нередко сбивались на пацифизм (например норвежские левые в вопросе о разоружении), на примиренчество к центристам (спартаковцы в вопросе о расколе германской с.-д. партии). Характерной фигурой для наиболее решительной части их был К. Радек, который работал вместе с Лениным и Зиновьевым в бюро Циммервальдской левой. Говоря о том, что «Коммунист» был блоком с Радеком и К⁰, Ленин имеет в виду будущих циммервальдских левых.

Что же представлял собою в то время Радек? Он представлял радикальную, наиболее решительную часть германских левых и польской оппозиции, которая могла идти с Лениным, но шла не прямо, а шла с известными зигзагами и с колебаниями. Тот факт, что Радек шел за Лениным, еще не говорит о том, что его линия целиком совпадала с линией Ленина. В частности по вопросу о расколе в РСДРП у Радека были сильные колебания. Большевикам приходилось с ними сталкиваться и вести борьбу не только в связи с «русскими» делами, но и в связи с трениями циммервальдской левой. Ленин в переписке с Шляпниковым подробно пишет о том, в чем заключалась линия Радека во взаимоотношениях внутри циммервальдской левой. «Циммервальдские левые,—пишет он,—с которыми

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 225.

Радек в Кинтале неудачно пытался нас поссорить (он перед Платеном и др. хотел лишить нас равенства в главной комиссии левых; и левые ему не дали этого),—эти циммервальдские левые ни причем в борьбе «Газеты роботничей» с «Сборником социал-демократа».¹

Итак, Ленин прямо пишет о том, что Радек в Кинтале в апреле 1916 г. пытался отколоть известную часть левых, вбить клин между ними и Лениным, оторвать их от большевиков. Чем пытался он их оттолкнуть от Ленина? Пресловутым «раскольниковством» большевиков. Он хотел показать, что большевики—люди непримиримые, что большевики люди неуживчивые, с которыми никто не может работать. То, что у него была известная почва, об этом свидетельствует хотя бы то, что в циммервальдской левой было много колеблющихся элементов, элементов, которые еще окончательно с центризмом не порвали. В связи с этим по-видимому намечалась несколько иная комбинация левых, не в союзе с Лениным, а в союзе с Троцким. Об этом свидетельствует хотя бы следующее замечание Ленина в письме к Суварину: «В Циммервальде Троцкий не хотел присоединиться к циммервальдской левой. Троцкий с товарищем Г. Роланд-Гольст представлял «центр». А вот что пишет ныне товарищ Роланд-Гольст в социалистическом голландском журнале «Трибуна» (№ 159 от 22 августа 1916 г.): «Те, кто подобно Троцкому и его группе, хотят вести революционную борьбу против империализма... должны присоединиться к ленинцам. «Революционный центр» невозможен».² Итак, часть колеблющихся левых циммервальдистов в лице Роланд-Гольст лишь год спустя после создания циммервальдской левой пришла к выводу, что «среднего не дано», что «революционный центр» невозможен, что надо *выбирать* между линией Ленина и линией социал-шовинизма и централизма.

Троцкий старался «перетянуть» колеблющихся «левых» на свою позицию. Не входя сам в циммервальдскую левую, отказываясь сотрудничать в ее органе «Vorbote», несмотря на настояния его друга Р.-Гольст, Троцкий близко соприкасался с теми элементами, которые входили в циммервальдскую левую. Значительная часть их (в том числе К. Радек и Р.-Гольст) были сотрудниками «Нашего слова». Свое влияние на западных левых он старался использовать для того, чтобы помешать их присоединению к циммервальдской левой. Так было с Мерргеймом во Франции. Так было с некоторыми американскими интернационалистами. Вот что пишет о роли Троцкого в Америке А. М. Коллонтай: «Открытое присоединение к «левой циммервальдской» встретило резкую оппозицию в лице Троцкого и дало моральную поддержку колеблющимся американцам». И дальше: «Голл. т-щ Rutgers (Трибунист), Катаяма и наша компания шагнули в сторону «левой циммервальдской». Приезд Троцкого укрепил, однако, правое крыло наших совещаний и при моем отъезде плат-

¹ «Пролетарская революция» № 7 (90), стр. 123.

² Там же, стр. 138.

форма так и не была принята».¹ В ответ на это письмо Ленин кратко, но крепко заметил: «Этакая свинья этот Троцкий—левые фразы и блок с правыми против цели левых!! Надо бы его разоблачить (Вам) хоть бы кратким письмом в «С.-Д.»!»²

Троцкий, как самое левое звено международного оппортунизма, как самый левый форпост II Интернационала, играл роль магнита, в чье поле притяжения попадала часть западно-европейских и американских левых. Ленину приходилось работать над консолидацией интернационалистских сил в очень трудной и сложной обстановке. Приходилось «завоевывать» колеблющихся, стараться не оттолкнуть их и в то же время вести последовательную линию, не отступать ни на волос в основных принципиальных вопросах. В этом переплете происходило дальнейшее развертывание борьбы Ленина против бухаринских «шатаний мысли».

У Бухарина с левыми циммервальдистами получилось такого рода «взаимодействие», что их колебания усиливали его «шатания мысли» и наоборот. Так, в вопросе о праве наций на самоопределение Бухарин, на Бернской конференции имевший лишь некоторую тенденцию отхода от Ленина, после выступления по этому вопросу К. Радека (в руководимой им «Газете роботничей») окончательно «самоопределился» и послал в редакцию ЦО свои тезисы по национальному вопросу (см. приложение № 3), в которых занял позицию К. Радека, позицию отрицания лозунга права наций на самоопределение.

То же произошло при появлении проекта программы голландских левых (см. прил. № 2), представленного ими расширенному совещанию ИСК в Берне в феврале 1916 г. Вот что пишет об этом Ленин:

«Программа голландцев получена была представителями циммервальдской левой 5—8/II 1916 на бернском заседании ИСК. Ни один из членов этой левой, *не исключая и Радека*, за эту программу *не* высказался, ибо она соединяет в беспорядке такие пункты, как «экспроприацию банков», и такие, как «отмена торговых пошлин», «уничтожение первой палаты сената» и т. п. Все представители циммервальдской левой единодушно, с полуслова,—даже почти без слов, а только пожав плечами, прошли мимо голландской программы, как явно неудачной в целом.

Автору же первоначальных, весной 1915 г. писанных, тезисов эта программа так понравилась, что он заявил: «я по существу ничего большего и не говорил» (весной 1915),—«голландцы *додумались*»: «у них *экономическая сторона—экспроприация банков и крупных производств (предприятий)*, *политическая—республика и пр.* Совершенно *правильно!*»

¹ Письмо А. М. Коллонтай В. И. Ленину 11/III 1917 г. Архив Института Ленина № 20630.

² Письмо В. И. Ленина А. М. Коллонтай от 17/II 1917 г. Архив Института Ленина № 1797, в «Ленинском сборнике» II, стр. 282 начало фразы опущено.

На самом деле, голландцы не «додумались», а дали весьма *непродуманную* программу. Печальная судьба России, что у нас иные люди как раз за непродуманное в самой новой новинке и хватаются».¹

В свете этой «голландской программы» теоретические и тактические ошибки тезисов Бухарина весны 1915 г. становятся еще ясней. «Республика», которая «совмещается» у голландских левых с экспроприацией банков, есть несомненно «*буржуазная республика*» (см. напр., «уничтожение первой палаты сената» и т. п.). Таким образом, Бухарин, отвергая лозунг борьбы за демократию (и за республику в том числе), считал, что в демократической республике, т. е. при власти буржуазии («политическая сторона») возможна экспроприация банков («экономическая сторона»).

Таким образом, у Бухарина в начале 1916 г. начался в связи с выступлением голландских левых «рецидив» его шатаний в сторону анархизма. «Полуанархические» тенденции, свойственные Бухарину и части голландских левых, Ленин отмечал и у норвежских и у польских левых. Так, он писал: «Насчет вооружения народа *resp.* разоружения, мне все же кажется, что менять программу нам нельзя... Отрицать, это значит *впасть в полуанархистское отношение* к империализму: это, по-моему, наблюдается у некоторых левых, даже у нас. Если-де империализм, то не нужно ни самоопределения наций, ни вооружения народа! Это вопиющая неверность. Именно для социалистической революции против империализма нужно и то и другое».²

«Полуанархизм» и «экономический империализм» переплетались. Да и у старых экономистов были элементы анархо-синдикализма. Это напомнил в связи с бухаринскими «шатаниями мысли» Ленин. В статье «О рождающемся направлении империалистического экономизма» он писал:

«Старый «экономизм», 1894—1902 годов, рассуждал так: Народники опровергнуты. Капитализм в России победил. Значит, о политических революциях думать не приходится. Практический вывод: либо «рабочим экономическая, либералам политическая борьба». Это—курбет вправо. Либо—вместо политической революции всеобщая стачка для социалистического переворота. Это—курбет влево, представленный одною ныне забытой брошюрой русского «экономиста» конца 90-х годов.

Теперь рождается новый «экономизм», рассуждающий с аналогичными двумя курбетами: «вправо»—мы против «права самоопределения» (т. е. против освобождения угнетенных народов, против борьбы с аннексиями,—это еще не додумано или недоговорено). «Влево»—мы против программы-минимум (т. е. против борьбы за реформы и за демократию), ибо это «противоречит» социалистической революции».³

Эти шатания Бухарина то влево, то вправо и в области теории и в

¹ «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 82. Курсив мой.—Д. Б.

² «Ленинский сборник» II, стр. 233. Курсив мой.—Д. Б.

³ «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 81.

области тактики сказались еще не раз в истории партии. Бухарин оправдал слова Ленина о том, что он «в политике дьявольски неустойчив».¹

Одной из причин неустойчивости Бухарина в политике были «изъяны» в его методологии, его схематизм, граничащий с схоластикой, его склонность подменять марксизм «богдановизмом». «Изъяны» в области методологии не могут сказаться в известные моменты и в области политики. Это ярче всего иллюстрируют в истории нашей партии два крупных соратника Ленина А. А. Богданов и Н. И. Бухарин. Наоборот, необычайная политическая устойчивость, отсутствие шатаний и колебаний и уклонений от ленинской линии, присущая т. Сталину, «смотр» чьей 30-летней партийной работы на днях делала партия,—эта устойчивость несомненно связана с тем, что т. Сталин является и в области методологии, и в области теории марксизма подлинным ленинцем. Эту азбучную истину приходится здесь напоминать в связи с попытками Троцкого и некоторых более мелких ренегатов изобразить в буржуазной печати т. Сталина, как человека, который в области теории якобы не имеет никаких заслуг.

«Шатания мысли» Бухарина в вопросах теории и тактики пролетарской революции уже в период войны обнаруживали у него «предрасположение» к его теперешним правым ошибкам. Так, элементы теории «мирного вrastания», мирного перехода от капитализма к социализму, этой открыто оппортунистической теории, у него переплетались с шатаниями в сторону анархо-синдикализма. Еще ясней эта связь между левыми и правыми зигзагами Бухарина в вопросе о государстве. Не будем здесь подробно разбирать «полуанархистских» ошибок Бухарина в этой области и критики их Лениным,² отметим лишь, что уже тогда Бухарин показал непонимание задач социалистической переделки деревни при диктатуре пролетариата. Его «левый» тезис о «взрыве» государства в ходе пролетарской революции предполагал, что классовое общество «рушится» после того, как пролетариат закончит борьбу с крупной буржуазией за укрепление своей власти. Этим самым Бухарин показал непонимание задач классовой борьбы в переходный период, непонимание того, что путь к бесклассовому обществу лежит через преодоление сопротивления не только крупного капитала, но и тех капиталистических элементов, которые гнездятся в порах мелкого крестьянского хозяйства, которые без бешеного сопротивления своих позиций не сдадут. Это и есть исходный пункт всех право-оппортунистических теоретических и тактических «построений» Бухарина в период после XV съезда ВКП.

«Шатания мысли» Бухарина привели его к обособлению и в известной степени противопоставлению его линии партии. Не опираясь открыто на Троцкого, Бухарин решил в своей борьбе против ленинской линии опереться на голландских, польских и др. левых. Так, посылая свои тезисы по вопросу о праве наций на самоопределение Ленину, он подчер-

¹ «Пролетарская революция» № 7 (90), стр. 118.

² См. об этом «Историк-марксист», кн. XI, стр. 41 и след.

кивает, что «все крайне левые» стоят на его позиции.¹ Очевидно, в этой связи он, по словам Ленина, «прокламировал» «большевизм в западно-европейском масштабе». По поводу его замечаний на тезисы редакции ЦО по вопросу о праве наций на самоопределение Ленин писал:

«Автор прокламирует «большевизм в западно-европейском масштабе» («не Ваша позиция», добавляет он).

Я не придаю значения желанию держаться за слово «большевизм», ибо я знаю *таких* «старых большевиков», что упаси боже. Могу лишь сказать, что прокламируемый автором «большевизм в западно-европейском масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма».²

Эта попытка «интернационализировать» («большевизм в западно-европейском масштабе») большевизм, лишить его «национальной ограниченности» опять-таки напоминает Троцкого 1917 г.³ и 1927 г. По существу у Бухарина эти его «изыскания» вели его в болото социал-демократизма, так как, сходясь с позицией «левых», которые шли «вверх» от социал-демократизма к ленинизму, он сам шел «вниз» — от ленинизма к социал-демократизму, проделывая «попятное движение».

Борьба бухаринской группы с редакцией ЦО вокруг журнала «Коммунист» переплеталась с борьбой Ленина за консолидацию интернационалистских сил, за поднятие колеблющихся «левых» до уровня сознания пролетарского революционера в обстановке империалистической войны. Большевикам, чтобы повести за собой колеблющихся, надо было пресечь колебания в своих рядах. Для этого нужна была непримиримая борьба с оппортунистическими «шатаниями мысли» и Бухарина и Радека. Поэтому Ленин вынес разногласия в среде циммервальдской левой на страницы печати, поместив в «Сб. С.-Д.» статьи против ошибок Радека в национальном вопросе и против ошибок скандинавских, голландских и швейцарских левых в вопросе о разоружении. Там же была помещена заметка Ленина «Интернационал молодежи», в которой давалась критика взгляда Бухарина по вопросу о государстве. Статья Бухарина в ж. «Jugend Internationale» была за подписью Nota Bene, таким образом, не было *открытой* полемики между Лениным и Бухариным. Эта полемика в среде большевиков должна была быть вынесена на страницы печати в следующих №№ «Сборника С.-Д.». Критике ошибок Пятакова и Бухарина должны были быть посвящены статьи Ленина в № 3 и 4 «Сб. С.-Д.», которые не вышли в связи с переездом Ленина в Россию после Февральской революции. Критика Ленина в статьях против Пятакова *резче*, чем в статьях против западных «левых». Это и понятно: в одном случае она была направлена против тех, кто шел к большевизму, в другом — против тех, кто шел от большевизма.

«Уступчивость» и «мягкость» Ленина кончалась там, где начиналась борьба за принципиальную линию. «Наша тактика (в отношении Радека. —

¹ См. приложение № 3.

² «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 86.

³ См. «Ленинский сборник» IV, стр. 303.

Д. Б.),—писал Ленин,—*двухсторонняя*: помочь Радеку двинуться влево, объединить всех кого можно для циммервальдской левой. С другой, *ни на йоту* не допускать колебаний *в основном*.¹ Этот принцип не допускать «ни на йоту» колебаний *в основном* Ленин неуклонно проводил и в борьбе против ошибок тех колеблющихся «левых», которые шли с большевиками в эти годы, и, в еще большей степени, в борьбе против «шатаний мысли» таких большевиков, как Бухарин.

Плоды теоретических ошибок Бухарина в 1915/16 г. сказались в его политических ошибках в 1918 г., в дни Бреста. Ленину пришлось тогда вспомнить кое-что из того «далекого прошлого», когда еще в эмиграции ему пришлось вести борьбу против Бухарина. В эти дни Ленин отметил одну характерную черту Бухарина, его способность заметить и подчеркнуть «то, что может быть общего в вопросе о государстве у *пролетарского и мелкобуржуазного революционера*», и не заметить «того, что отделяет первого от второго».² «Шатания мысли» Бухарина, его неустойчивость в области теории делали его податливым мелкобуржуазным колебаниям.

Бухарину не чужды были временами некоторые черты мелкобуржуазного революционера и свойственные этому типу революционеров шатания, колебания, метания из крайности в крайность. Бухаринские «шатания мысли» помогают нам лучше понять всю «твердокаменность» и монолитность Ленина, его способность наметить *свою* линию. Бухарину, Паннекуку и даже Розе Люксембург был присущ «антиреформизм», стремление сказать «нет» там, где реформисты говорят «да», стремление, приведшее Бухарина к «полуанархизму» и «империалистическому экономизму», приведшее всех их на деле к *зависимости от реформизма*. В этом сказалась черта мелкобуржуазного интеллигента-радикала, который выражает свой протест против капитализма в том, что делает «все наоборот» и, в конце концов, строит «свой мир» по образу и подобию «старого, прогнившего мира», но только со знаком минус.

Эта неспособность создать нечто действительно *свое*, действительно *новое* (несмотря на отчаянные потуги достичь этого) свойственна мелкой буржуазии, как классу деградирующему. Пролетариат умеет созидать новое, беря из старого одно, отбрасывая другое. Ленин после Октября показал, «как это делается». Но и до Октября, в дни эмиграции, когда приходилось еще ограничиваться сражением с империализмом и его агентами на страницах печати, и тогда в своей борьбе против Каутского, с одной стороны, и Бухарина, с другой, Ленин встает перед нами как подлинный пролетарский революционер, как подлинный выразитель интересов поднимающегося к новому невиданному еще строительству класса—пролетариата.

Д. Баевский

¹ «Пролетарская революция» № 7 (90), стр. 118.

² См. Ленин, Собр. соч. (1 изд.), т. XV, стр. 256, 257. Курсив мой.—Д. Б.

ТЕЗИСЫ БУХАРИНА, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ИМ НА БЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЗАГРАНИЧНЫХ СЕКЦИЙ РСДРП 27 ФЕВРАЛЯ 1915 г.

1) Современная эпоха империалистских войн выставляет перед пролетариатом передовых стран задачу, осуществления [своей] его конечной цели, превращения общества капиталистического в общество социалистическое через захват политической власти.

2) Центр тяжести пролетарской борьбы должен поэтому перемещаться из сферы борьбы за требования демократии вообще в среду социалистических в узком смысле слова требований пролетариата.

3) Ввиду того, что *назревание* социалистического переворота есть более или менее длительный исторический процесс, пролетариат отнюдь не отказывается от борьбы за частичные реформы и от их использования. Но эти частичные лозунги должны рассматриваться в данный исторический момент как тактический подход к лозунгу захвата власти, как метод повышения революционной энергии пролетариата вплоть до [гражданской войны] решительного классового столкновения.

4) Обязательной задачей соц[иал]-демократии является [решительное] противопоставление лозунгу гражд[анского] мира лозунга гражданской войны: разрыв блоков, выход из министерств, вотирование против бюджетов, [установление]² лозунг: война войне и т. д.

5) С другой стороны, с[оциал] д[емократические] лозунги, вытекающие из конкретной обстановки дел, должны развивать материальное содержание соц[иалистической] революции и представлять собою выражение растущих попыток пролетариата на «деспотические посягательства на частную собственность» (напр[имер], передача буржуазно-военных организаций хозяйственной жизни — хлеб[ной] моно[полии], распределение раб[очих] рук etc. — в руки рабочих; передача закрытых предприятий [в руки] безработным; организация обществ[енных] работ, конфискация запасов пищевых продуктов и организация их распределения рабочими организациями, отмена квартирной платы для раб. и т. д.).

При этом необходимо обобщать эти лозунги до степени их предела, т. е. лозунга захвата власти, как *средства действ[ительной] их реализации.*

6) В ответ на империалистское объединение стран сверху, пролетариат должен выставить лозунг социалист[ического] объединения стран снизу, респ[убликанско]-социалистические Штаты Европы, к[а]к полит[ико]-юридич[ескую] формулировку соц[иалистического] переворота.

7) Методы класс[овой] пролетарской борьбы [пролетариата], которая имеет тенденцию превратиться в гражд[анскую] войну против буржуазии, должны необходимо изменяться в сторону внепарламентских массовых выступлений, заканчивающихся в пределе открытым столкновением рабочих масс со своими классовыми врагами.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РЕВОЛЮЦИОННО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ И С.-Д. ПАРТИИ ГОЛЛАНДИИ

Революционно-социалистическое объединение и социал-демократическая партия Голландии предлагают международному съезду революционных социалистов обратиться к рабочим всех стран со следующим воззванием:

«Революционная социал-демократия всеми своими силами должна бороться в воюющих странах за немедленный мир, в нейтральных странах за немедленную демобилизацию. Одновременно же она дает следующую общую директиву для немедленного выступления при окончании войны.

¹ Приложение № 1 печатается по рукописи, хранящейся в Институте Ленина; приложение № 2 — перевод с немецкого, впервые было опубликовано в «Bulletin № 3 J. S. K.», Bern 29/II 1916 г.; приложение № 3 было опубликовано в I т. «Очерков по истории Октябрьской революции». Д. Б.

² Зачеркнутое слово трудно разобрать. Ред.

Революционная социал-демократия должна для начала борьбы против имущих классов выставить следующие требования.

А. В области экономической:

1. Аннулирование государственных долгов. 2. Национализация банков. 3. Национализация всех крупных производственных предприятий. 4. Конфискация военной прибыли. 5. Обложение только капиталов и дивидендов (доходы). 6. Предоставление пенсий всем рабочим, ничего не зарабатывающим или зарабатывающим очень мало.

В. В области политической:

1. Демократизация всех представительных учреждений. 2. Упразднение первой палаты Сената и т. д. 3. Республика. 4. Восьмичасовой рабочий день. 5. Отмена всех торговых пошлин. 6. Упразднение военной системы.

Рабочие! Мы предлагаем вам эти требования как руководящую нить в выступлениях во всех странах,—международном выступлении после войны. Мы настойчиво указываем на то, что эти требования должны быть выставлены представителями революционного пролетариата на пленуме парламента. Однако, прежде всего, они должны быть выставлены самими массами и именно непосредственно при первых же переговорах о мире, *прежде чем армия будет распущена по домам*. А выставить их вы сможете лишь в том случае, если ваши массы *восстанут для массовой борьбы*. Кроме того, революционная социал-демократия и сейчас уже призывает к немедленному международному объединению для того момента, и именно к объединению тех партий и групп, которые и перед войной и во время войны фактически боролись против империализма.

От имени Рев.-соц. объединения:

Г. Роланд-Гольст, предс. Вишер, секретарь.

От имени С.-Д. Партии:

Д. Вайнкоп, предс. Сетон — секретарь.

3

ТЕЗИСЫ СТОКГОЛЬМСКОЙ ГРУППЫ БОЛЬШЕВИКОВ О ЛОЗУНГЕ ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.

1) Империалистская эпоха есть эпоха поглощения мелких государств крупными государственными единицами и постоянного перекраивания политической карты мира в сторону ее большей государственной однородности; в процессе этого поглощения создается включение многих наций в государственную систему наций-победительниц.

2) Область внешней политики современного капитализма существнейшим образом связана с господством финансового капитала, который не может отказаться от типа империалистской политики, не угрожая своему собственному существованию.

Поэтому было бы в высшей степени утопично выставлять антиимпериалистские требования в области внешней политики, оставаясь на почве *капиталистических* отношений.

Ответом на империалистскую политику буржуазии должна быть социалистическая революция пролетариата; с-д-тия *не должна выставлять «минимальных» требований в области внешней политики современности*.

3) Бороться с порабощением наций нельзя поэтому иначе, чем путем борьбы с империализмом, ergo — борьбы с империализмом, ergo — борьбы с финан. капиталом, ergo — с капитализмом вообще. Всякое отклонение от этого пути и выставление «частичных» задач «освобождения наций» *в пределах* области капиталистической культуры означает отвлечение пролетарских сил от действительного решения проблемы и слияние их с силами соответствующих национальных групп буржуазии.

4) Лозунг «самоопределения наций» прежде всего *утопичен* (он не реализуем *в пределах* капитализма) и *вреден*, как лозунг, *сеющий иллюзии*. В этом отношении он ровно ничем не отличается от лозунгов третейских судов, разоружения etc., предполагающих возможность так называемого «мирного капитализма».

5) Нельзя, увлекаясь агитационной стороной вопроса, забывать его связи с другими вопросами. Если мы выставляем лозунг «самоопределения» для борьбы с *шовинизмом рабочих*

масс», то мы поступаем точно так же, как в том случае, когда (подобно Каутскому) выставляем лозунг «разоружения» для борьбы с милитаризмом. И в том и в другом случае ошибка заключается в одностороннем рассмотрении вопроса, в том, что упускается удельный вес данного «социального зла»; другими словами, здесь чисто рационалистически-утопическое, а не революционно-диалектическое рассмотрение вопроса.

6) Два главных случая конкретного применения лозунга пр[ава] н[аций] на самоопр[еделение] чер[ез] госуд[арственную] самост[оятельность] или отделение суть: 1) случай, когда в ходе империалистической войны аннектируется «чужая» область; 2) случай «распада» уже сложившегося государственного целого. В первом случае лозунг «самоопр[еделения]» есть не что иное, как другая форма лозунга «защита отечества», ибо если не призывать к материальной защите соответствующих государственных границ, то от «лозунга» остается пустая фраза; во втором случае по существу дела мы имеем те же самые «вредные последствия», что и при лозунге «защита отечества»: внимание пролетарских масс переводится в другую плоскость, интернац[иональный] характер их выступлений теряется, силы пролетариата дробятся, вся линия тактики идет по направлению национальной, а не классовой борьбы. Кроме того, лозунг этот в данном случае *implicite* заключает и лозунг «защиты», ибо *после* реализации отделения (лозунг права *etc.* предполагает такую возможность, конечно) необходимо, в-д-ь, *защищать* «самостоятельность» (иначе при постоянных опасностях в империалистическую эпоху, зачем и «требовать»?)

Бороться с шовинизмом рабочих масс великодержавной нации путем признания «пр[ава] н[аций] н[а] с[амоопределение]» все равно, что бороться с этим шовинизмом путем признания права на защиту со стороны угнетенного «отечества».

7) Отклонение внимания пролетариата в сторону решения «национальных» задач становится до чрезвычайности вредным и именно теперь, когда *практически* и поставлен вопрос о мобилизации пролет. сил в интернац. масштабе, их инт. выступлениях и свержении капитализма.

Задачей с-д-тии является в текущий момент *пропаганда индифферентизма* по отношению к «отечеству», «нации» *etc.*, что предполагает отнюдь не «государственную» (протесты против «распада»), а, наоборот, резко выраженную революционную по отношению к госуд[арственной] власти и всей капиталистической системы постановку вопроса.

8) Отсюда следует, что мы ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не поддерживаем правительство великодержавной нации, подавляющее восстание или возмущение нации угнетенной; но в то же время мы сами не мобилизуем пролетарских сил под лозунгом «права н. н. с.» Наша задача в данном случае — мобилизовать силы пролетариата *обеих наций* (совместно с другими) под лозунгом гражданской, классовой войны за социализм и пропаганду против мобилизации сил под лозунгом «п. н. н. с.»

9) Поскольку мы имеем перед собой *страны не капиталистические или с зародышевым капитализмом* (напр., колоний), постольку мы можем *поддерживать* восстание народных масс, как факт, ослабляющий силу господствующих классов на континенте, не дробящий пролетарских сил, так как в данном случае а) не стоит вопрос о соц[иализме], б) здесь мобилизуются не интерн. силы пролетариата, а силы национальной *буржуазии*, объективно помогающей континентальному пролетариату.

10) Кроме сего, лозунг «права» *etc.* не отвечает конкретно на вопрос о *данной* нации.

11) Из *формального* сходства развитой в тезисах позиции с позицией Kuno'a und Konsorten не вытекает тождества по существу («помощь империализму»). Возражать от «помощи» в данном случае значит сходиться на путь, проложенный Каутским.

Р. С. М[жду] п[рочим], ведь все *крайние левые*, у которых есть продуманная *теория*, неужели все они «изменники»?

Юрий
Ев. Богд.
Н. Бухарин.

К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ «БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА»

(Статья вторая)

В предыдущей статье¹ нами уже было отмечено, что образование самостоятельной большевистской партии и ее позднейшее организационное оформление в связи с созданием Всероссийского центра большевиков—Бюро комитетов большинства—нельзя приурочить к определенной хронологической дате: это был длительный процесс собирания и сплачивания большевистских сил, растянутый на протяжении свыше года (с начала декабря 1903 г. по конец декабря 1904 г.). Весь этот промежуток времени в свою очередь может быть разбит на отдельные периоды, характеризующие последовательные стадии развития вышеуказанного процесса.

Первый период (с начала декабря 1903 г. по январь 1904 г.). Безрезультатность попыток добиться путем устных и письменных переговоров с лидерами послесъездовской оппозиции мирного преодоления внутрипартийных разногласий вынуждает Ленина искать выхода из создавшегося положения на путях экстренного созыва III съезда. Но прежде чем развернуть среди местных комитетов политическую кампанию за созыв III съезда, нужно было достигнуть солидарности в этом вопросе в среде самих членов ЦК. Весь первый период, начиная с директивных указаний Ленина членам русской части ЦК² и кончая открытым выступлением за немедленный созыв III съезда двух заграничных представителей ЦК—Ленина и Ленгника—на январской сессии Совета партии, представляет собой наиболее раннюю фазу кристаллизации из недр РСДРП самостоятельной большевистской партии.

Второй период (с февраля по июль 1904 г.). Брошенный Лениным на январской сессии Совета партии лозунг созыва III съезда подхватывается многочисленными комитетами на местах. Созданное при ЦК областное Южное бюро, объединяя вокруг себя три наиболее мощных комитета юга (Одесса, Николаев, Екатеринослав), берет на себя почин организованного оформления назревшего среди местных большевистских комитетов энер-

¹ См. статью «К истории зарождения Бюро комитетов большинства». «Пролетарская революция» № 10 за 1929 г.

² См. «Письмо Ленина членам ЦК в России» от 10 дек. 1903 г. «Ленинский сборник» X, стр. 45.

гичного движения за созыв III съезда. Южное бюро, равно как и образовавшиеся позднее Северное и Кавказское, фактически выполняют таким образом, роль *первых собирателей большевистских комитетов* по крупным областным районам б. царской России (нынешние Украина, Кавказ, РСФСР). Работа областных большевистских бюро протекает в условиях скрытого противодействия со стороны примиренческой части ЦК, враждебно относившейся к идее немедленного созыва III съезда и постепенно сползавшей по мере обострения внутривластной борьбы на позицию меньшевиков в вопросах текущей партийной политики.

Третий период (с июля по август 1904 г.). В ожидании открытого перехода примиренцев-цекистов на сторону меньшевиков (июльская декларация) заграничная группа большевиков, возглавляемая Лениным, решается перейти в энергичное контрнаступление. На конференции «22-х», состоявшейся в Швейцарии в первой половине августа 1904 г., было выработано воззвание «К партии», политический смысл которого означал решительную и крутую ломку прежних «лояльных» методов борьбы с оппозицией и переход к новой тактике немедленного размежевания двух окончательно разошедшихся частей партии. На конференции «22-х» или вскоре после нее было положено начало всероссийскому объединению большевиков путем предварительной наметки кандидатур в практический центр этого объединения—Бюро комитетов большинства—с тем однако, чтобы указанный список был впоследствии одобрен местными комитетами или же пополнен новыми кандидатурами.

Четвертый период (с сентября по декабрь 1904 г.). В течение этого периода процесс организационного оформления БКБ в основном получил свое завершение. Одному из намеченных конференцией «22-х» кандидатов в члены всероссийского БКБ (т. Землячке) поручено было совершить специальный выезд местных комитетов с целью добиться присоединения их к декларации «22-х» и назначения полномочных представителей во Всероссийское БКБ. Тов. Землячка в течение 4 месяцев своего выезда российских комитетов (с сентября по декабрь 1904 г.)¹ созывает три областных конференции—южную, кавказскую и северную, в состав каждой из которых входили те комитеты, которые ранее были уже объединены в областном масштабе деятельностью соответствующих областных бюро. На этих трех конференциях и было сконструировано БКБ, *однако не окончательно, а лишь в своем основном составе.*

Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, можно с полной достоверностью утверждать, что Кавказская областная конференция, созванная при содействии т. Землячки Кавказским бюро, в принятой резолюции высказалась лишь принципиально в духе декларации «22-х» за созыв III съезда. Специальной же резолюции о крутом и бесповоротном разрыве с примиренческим ЦК и немедленном же предоставлении Всероссийскому

¹ Прямое указание на то, что тов. Землячка находилась в разъезде 4 месяца, имеется в ее письме от 26/XII 1904 г. Ленину (см. «Пролетарская революция» № 3 (38), 1925 г., стр. 14, 12 строка сверху).

БКБ функций Организационного комитета по созыву III съезда Кавказская конференция не выносила, ограничившись выбором специально уполномоченной на это областной коллегии (Областное бюро комитетов большинства).

2 декабря 1904 г. (т. е. уже по окончании Кавказской конференции) Ленин пишет Кавказскому союзу: «Необходимо немедленно: 1) образовать бюро комитетов большинства, 2) передать ему все дела о съезде и все руководство комитетами, 3) поддержать наш орган «Вперед»,¹ 4) опубликовать Ваши резолюции (уполномачиваете ли нас на это?) и объявление о бюро».² В конце своего письма Ленин прямо заявляет: «Нам непонятно, каково отношение Вашего (Кавказского) бюро к общерусскому бюро комитетов большинства».

Ответ на интересующий Ленина вопрос об отношении Кавказского бюро к Всероссийскому БКБ мы находим в «Переписке Кавказской организации с Лениным и Крупской», опубликованной в № 5 (40) «Прол. рев.» за 1925 г. Из письма А. М. Стопани Ленину явствует, что Кавказское бюро усматривало «некоторые нежелательные стороны организации Всероссийского бюро», о чем Кавказское бюро и писало Ленину.³ Наиболее подробное обоснование взглядов Кавказского бюро, мы находим в письме А. Бекзаяна от 25—I—05 (н. ст.): «Бороться с гипнозом ЦК, с жадой иметь его (т. е. ЦК—примеч. Д. К.), каков бы он ни был, весьма трудно,—пишет А. Бекзаян: «Многие сознают, что ЦК—меньшевистское бюро, а не ЦК, но сказать это громко не хватает смелости. Сами себя пугаются».⁴

Причину такого обывательского отношения к ЦК кавказских комитетов. А. Бекзаян усматривает в «отрыжке кружковой психологии, в от-

¹ Отклик на это директивное указание Ленина имеется в письме Вана Стурра, написанном в январе 1905 г. по поручению Кавказского бюро, в котором сообщается: «Кавказское бюро обязуется литературно поддерживать орган «Вперед», для чего и организовало особую «группу литературной поддержки» «Вперед». Что касается остальных директив Ленина (См. пп. 1, 2 письма Ленина,) то эти директивы остались невыполненными. Письмо Вана Стурра содержит 12 подробнейших вопросов, касающихся избрания, состава, функций БКБ, отношения к нему большевистских и меньшевистских комитетов и т. д. И лишь «по выяснении этих вопросов,—пишет В. Стурра,—Кавказское бюро намерено делегировать своего представителя для установления определенных организационных отношений к функционирующему теперь в России бюро». (См. «Прол. рев.» № 5 (40) за 1925 г., стр. 28—29). Мы будем иметь случай ниже коснуться более подробно тех мотивов, которыми руководствовался Кавказский союзный комитет при составлении вышеуказанного письма Ленину. Тов. Крупская в своем ответном письме от 5—II—05 г. дает краткую информационную справку о южной и северной конференциях, отметив вместе с тем, что «очень порадовало нас известие об образовании на Кавказе группы литературной поддержки «Вперед». (См. «Пр. Рев.» № 5(40), 1925 г., стр. 28, 29). Примеч. Д. К.

² Т. е. извещение об открытом выступлении БКБ, в качестве Орг. комитета по созыву III съезда. Прим. Д. К.

³ К сожалению, этого письма в нашем распоряжении нет, но о нем упоминается в указанном выше письме А. М. Стопани Ленину (См. «Прол. Рев.» № 5(40), 1925 г. стр. 33).

⁴ «Прол. рев.», № 5 (40), 1925 г., стр. 32.

сутствии чувства общепартийной жизни»¹ и тут же приводит образчик следующих рассуждений некоторых членов Кавказского комитета: «ЦК бездеятелен—это так, но все таки... это ЦК. Он может помочь *нашему кружку*» (Комитету). И автор письма с грустью добавляет: «Такие то формы принимает централизм в атмосфере неизжитой еще кружковщины».

К каким же тактическим выводам приходит А. Бекзадян после того, как он констатировал наличие в кавказской организации оппортунистических элементов, без достаточной «партийной выдержки и воспитания»? «И мы все более убеждаемся в том,—читаем мы далее,—*что бойкот ЦК, как такового, нам будет невозможно почти провести* (подчеркнуто нами—Д. К.), покуда мы не сможем обещать и сделать всего того, что обещает (пока только обещает) ЦК, т. е. 1) помощью постоянных объездов держать всякий местный комитет au courant (в курсе.—Д. К.) российской и заграничной жизни... и 2) доставлять литературу».² Отсюда зарождается у Бекзадяна следующий тактический лозунг поведения в отношении примиренческого ЦК: «нам надо конкурировать с ЦК в области практического обслуживания местных нужд».³ Этот лозунг, как мы увидим ниже, и лег в основу деятельности не только значительной части местных большевистских практиков, но и большинства членов БКБ, работавших в России.

Тактика Кавказского комитета по отношению к ЦК была ему (комитету) насильственно навязана меньшевистско-примиренческой демагогией, сущность которой сводилась к утверждению, будто большевики занимаются лишь дрязгами и никакой положительной работы не ведут. Подобными демагогическими приемами меньшевикам и примиренцам иногда удавалось увлечь за собой малосознательные и не искушенные во всех тонкостях внутрипартийной борьбы рабочие массы. «Пока меньшевикам удалось,—пишет, например, о своей петербургской практике т. Гусев,—благодаря неумелости и безусловным ошибкам наших предшественников, оттянуть за собой часть рабочих (вероятно, половину), которые жаждут объединения партии и фактической работы и поэтому пойдут буквально за всяким красиво-болтающим примиренцем. На этой то струнке и наигрывают меньшевики, доказывая рабочим, что большинство положительной работы не ведет, а занимается дрязгами и расколами».⁴

А. Бекзадян точно так же свидетельствует, что тактика ЦК базировалась на «затушевывании разногласий и апеллировании к так называемой «положительной» работе». Признавая, что «подобная тактика необходимо потерпела бы поражение в истинно партийной атмосфере», но может иметь шансы на успех в «реакционных элементах нашей партии», А. Бекзадян приходит к защите следующей, по его мнению единственной правильной, тактики, которой он рекомендует придерживаться в отношении

¹ Там же, стр. 30, 1-я строчка сверху.

² Там же, стр. 30, 6-я строка сверху.

³ Там же, стр. 31, 3-я строка снизу.

⁴ «Пр. рев.», № 2, 1925 г., стр. 21—22.

примиренцев: «надо итти за ними (примиренцами. Д. К.), бить их в их сфере».¹

Не надеясь на успешность проведения бойкота ЦК, Кавказское бюро естественно должно было прийти к мысли, что официальному ЦК нельзя на первых порах противопоставить неофициальный центр—БКБ: «И я полагаю,—пишет А. Бекзадян,—что, хотя мы покуда и не в силах сделать это бюро *формально* партийным учреждением, но в борьбе формально-партийного, по духу же кружкового ЦК и формально-непартийного, по духу же истинно-партийного, центрального бюро, победит последнее».²

Подобная точка зрения была однако глубоко ошибочна. Вместо того, чтобы вступить на путь прямого и открытого разоблачения антипартийного поведения ЦК, смелого и беспощадного вскрытия его меньшевистского перерождения (как это советовал Ленин),—кавказские товарищи предпочли плестись в хвосте отсталой партийной массы, не порывая к тому же еще окончательно веры в «лояльность ЦК, партийность его позиции вообще».³ «Нужно противопоставить нынешнему ЦК,—пишет А. Бекзадян,—равную по авторитетности (для местных работников), осведомленности и всероссийскому размаху силу, т. е. что-нибудь вроде Центрального бюро «большинства».⁴ Эту же силу, по мысли автора письма, БКБ и могло приобрести лишь постепенно, став на путь «соревнования» с ЦК в положительной работе».

Недаром в письме Н. К. Крупской Л. М. Книпович (Чухне) от 8—1—05 г. слышится тон тревоги: «Беспокоит несколько Кавказ. Они там как на луне живут и все еще питают нежные чувства к ЦК».⁵ Мы можем привести доказательства тому, что кавказской конференцией была принята даже специальная резолюция, в которой говорится о необходимости сохранить лояльные отношения с ЦК. В самом деле: в январе 1905 г. Бакинский комитет от имени Кавказского союза подает в ЦК РСДРП официальное заявление, которое начинается следующими словами: «До последнего времени отношения Бакинского комитета к ЦК определялись той частью первой резолюции (пункт 2-ой)⁶ конференции комитетов Кавказского союза, где говорится о готовности комитетов следовать за ЦК по вопросам практической работы (подчеркнуто нами. Д. К.)».⁷

¹ «Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г. стр. 30 (16 строка снизу) и 31 (14 строка снизу).

² Там же, стр. 31, 3 строка сверху.

³ Взятая в кавычки фраза дословно заимствована из «Заявления Бакинского к-та ЦК РСДРП» (январь 1905 г.), в котором Бакинский комитет в таких именно выражениях характеризует прошлую позицию Бакинского комитета в отношении примиренческого ЦК «Пр. рев.», № 5 (40) 1925 г., стр. 55, 16 строка снизу.

⁴ «Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г., стр. 30—31.

⁵ «Пр. рев.», № 6 (41), 1925 г., стр. 24.

⁶ Отсюда следует, что кавказская конференция вынесла не одну, а несколько резолюций. Прим. Д. К.

⁷ «Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г., стр. 54. Опportunистический характер этой резолюции заключается в механическом противопоставлении практики и теории. Теоретически — можно и нужно бороться с примиренчеством ЦК, практически — рекомендуется следовать

Последний же пункт (3-й) «Заявления» прямо говорит о «лояльном в некоторых вопросах отношении к ЦК, условно принятом конференцией представителей Кавказского союза (подчеркнуто нами.—Д. К.)».¹

Едва только Ленин получил резолюции Кавказской конференции, он немедленно же счел нужным реагировать на политически неверный и опасный шаг навазских товарищей: 2 декабря 1904 г. он шлет Кавказскому союзу письмо (мы его цитировали уже выше), в котором со всей присущей ему страстностью стремится рассеять у кавказских товарищей вредные иллюзии: «Вы еще не знаете далеко всех документов и всех гадостей Совета и ЦК. Нет ни малейших сомнений, что они уже сорвали третий съезд и теперь расколют все комитеты».²

Загипнотизированность Кавказского союзного комитета «положительной» работой ЦК, по всему вероятно, и заставила Ленина поторопиться с опубликованием своей брошюры «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией»,³ разоблачающей те «гадости Совета и ЦК», о которых он пишет Кавказскому союзу. Действительно, уже 8 января 1905 г. Н. К. Крупская сообщает Л. М. Книпович (Чухне): «Завтра выйдет вызов Лениным на третейский суд Международной социал-демократии ЦК,—при чем печатаются документы, изобличающие всю гнусность ЦК».⁴

Предупреждение Ленина, содержащееся в его письме Кавказскому Бюро («они... теперь расколют все комитеты»), говорит о его большой политической прозорливости: еще 2 декабря 1904 г. он предугадал всю последовавшую затем «практику» примиренцев-цекистов в отношении большевистских комитетов. Уже в ответ на письмо Ленина Кавказскому союзу Ван Стурра, по поручению Кавказского бюро, сообщает об объезде представителем ЦК, Глебовым, кавказских комитетов, объезде, превратившемся в широкую агитацию против съезда. Попутно В. Стурра сообщает сведения о попытке Глебова отколоть Тифлисский комитет от Кавказского союза.

Эта попытка и удалась впоследствии меньшевикам, успешно завершившим дело, начатое Глебовым. Конкретные данные о расколе цекистами большевистских комитетов на местах и образовании параллельных меньшевистских организаций приводятся Н. К. Крупской в ее письме на

за ЦК в его «положительной» работе. О подобных же оппортунистических настроениях части членов Кавказского союза повествует А. Бекзаян, хотя и делает отсюда неправильные тактические выводы. Говоря о комитетатах Кавказского союза, А. Бекзаян высказывает серьезные опасения, что они «будут теоретически согласны с нами, подхватывать наши лозунги, а практически поддерживать ЦК». («Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г., стр. 30, 16-я строка сверху).

¹ Там же, стр. 56. Из этого же «Заявления» можно подчеркнуть косвенное указание на существование другой резолюции, принятой кавказской конференцией, трактующей об «отношении кавказских комитетов к Кавказскому союзу и союзному комитету» см. стр. 55 там же, строка 11-я сверху).

² «Лен. сб.» V, стр. 140.

³ Ленин. «Собр. соч.», т. V, стр. 511, изд. 1924 г.

⁴ «Пр. рев.» № 6 (41), 1925 г., стр. 24. Об этом же сообщает Крупская и в другом письме от 11/1—05 г. (см. там же, стр. 26).

имия Кавказского союзного комитета от 5/II—05 г.: «Воронежскому комитету предложено слиться с Акимовским,—пишет Н. К. Крупская,—или же быть распущенным (Воронежский комитет высказался за съезд). Затем ЦК всюду стал утверждать особые «группы ЦК». Такие группы утверждены уже в Питере и Одессе, их «Искра» всячески рекламирует и, несомненно, все они получают право голоса на съезде. Теперешний ЦК поставил себе целью сжить со света большевистские комитеты».¹ Далее идет подробное описание того, как сплоченная группа 14 меньшевиков, съехавшись со всех сторон в Одессу, сперва проникла в Одесский комитет, ошибочно допустивший меньшевиков к работе, а затем взорвала комитет изнутри, объявивши себя от имени ЦК самостоятельной «группой» при нем.

Раскольнический образ действий ЦК развеял наконец (хотя и не окончательно) иллюзии Кавказского союзного комитета насчет лояльности позиции ЦК. В середине января 1905 г. А. М. Стопани пишет Ленину: «Теперь единодушие в Кавказском бюро полное; от имени Кавказского бюро будет послано заявление».²

«Заявление», о котором здесь идет речь, действительно было послано ЦК. Оно составлено было Бакинским комитетом, с которым, по всему вероятно, солидаризировался и весь Кавказский союз. Что же мы читаем, однако, в этом «Заявлении»? Признавая, что Бакинский комитет «все время стремится сохранить с ЦК вполне лояльные отношения», несмотря на то, что расходится с ЦК «по вопросу о созыве экстренного партийного съезда и о средствах водворения в партии единства», Бакинский комитет вынужден, однако, констатировать, что у него «с некоторых пор возникло сомнение» насчет действительно миротворческих намерений ЦК. Далее, в трех пунктах перечисляются факты, свидетельствующие об антипартийной деятельности члена ЦК, Глебова, приехавшего на Кавказ и пытавшегося своим образом действий внести раскол в большевистские комитеты. Перечисленные факты не служат, однако, Бакинскому комитету достаточно веским доводом в пользу немедленного организационного разрыва с ЦК. «В виду этого,—так заканчивается «Заявление»,—главным образом, в виду возникшего сомнения у БК (Бакинского комитета.—Прим. Д. К.) относительно лояльности ЦК, партийности его поведения вообще, БК, до получения от ЦК удовлетворительных разъяснений на поставленные выше вопросы, решил *на это время прекратить с ним сношения*, о чем и доводится до сведения всех входящих в БК организаций».³

¹ «Прол. рев. № 5 (40), 1925 г., стр. 40.

² См. «Заявление Бакинского комитета ЦК РСДРП». «Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г. стр. 54—56. В этом заявлении еще не говорится, однако, об окончательном разрыве с ЦК, а лишь о временном — впредь до ответа ЦК на поставленные ему вопросы. Впрочем, пять товарищей в своем особом мнении настаивают на окончательном разрыве с ЦК. С этим «Заявлением» мы уже встречались выше. Письмо А. М. Степанова в «Пр. рев.» № 5 (40) 1925 г., стр. 34.

³ «Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г., стр. 54—55.

В письме А. М. Стопани Ленину, которое мы цитировали выше, содержатся, однако еще иного рода данные, проливающие свет на взаимоотношения Кавказского бюро с Бюро комитетов большинства. Ставя в известность Ленина о том, что после посещения Кавказа Глебовым в оценке антипартийности его (Глебова) поведения, как представителя ЦК, «единодушие теперь у Кавказского бюро полное»,—А. М. Стопани все же считает необходимым предупредить Ленина, чтобы БКБ при своем констатировании считалось с мнением местных комитетов и не становилось бы на путь прямого назначения «сверху». «Советовал бы,—пишет А. М. Стопани,—Всероссийскому бюро все время считаться и согласоваться с мнениями российских комитетов и не выдвигать непопулярных у нас лиц; не следует забывать, что на будущем съезде наше большинство должно быть согласованно, сплоченно, и будет большая беда, если тени разногласий лягут на съезде и среди него (т. е. нашего большинства). Вот почему следует быть крайне осторожным».¹

Корни подобного рода боязни «централистического зажима» сверху, несомненно, кроются в остатках «кружковой психологии» у членов кавказской организации, в отсутствии у них «паритетного воспитания», как об этом свидетельствует А. Бекзадян.² Меньшевики искусно играли на этой слабой струнке кавказских товарищей, распространяя всяческие легенды о «сверх-централистическом» партийном режиме большевиков, о «попирании» ими элементарных основ внутрипартийной демократии. Вот, например, описание Н. К. Крупской тех демагогических приемов меньшевиков, которые пускались ими в оборот с целью добиться раскола Кавказского союза:

«Тифлисский комитет,—пишет Н. К. Крупская,—оказавшись в «меньшинстве», вышел из Кавказского союза. Отношения между большевиками и меньшевиками самые обостренные. Рабочие, оказавшись под руководством «меньшинства», не хотят разбираться в разногласиях и, натравливаемые меньшевиками, не хотят даже в кружки (пропаганды и агитации) пустить большевиков. Местные работники объясняют это тем, что среди тифлисских рабочих всегда существует известный консерватизм. Из периферии самые случшие силы на нашей стороне, но пока мы здесь остаемся штабом без армии... Меньшевики, конечно, ничем не брезгают в борьбе против нас: они привлекают на свою сторону рабочих обещаниями выборного начала, самого широкого демократизма и т. д., и т. д. Начинается такая анархия, что даже меньшевики отшатнулись от плодов, которые принесла их демагогия. Один рабочий в ответ большевику, указавшему на интерес партии, сказал: плевать мне на партию».³

Неудивительно, что в обстановке усиленной травли меньшевиками кавказских большевистских комитетов при недостаточной партийной стой-

¹ «Пр. рев.», № 5 (40), 1925 г., стр. 34.

² См. его письмо выше.

³ Там же, стр. 48.

кости последних, иной раз создавалась реальная угроза подорвать доверие Кавказского союзного комитета к руководству заграничного большевистского центра. В письме Вана Стуруа Крупской (о нем шла речь выше), приводится, например, случай «выражения недоверия ко всем заграничникам», вынесенного в конце ноября 1904 г. тогдашним составом Кавказского бюро. В. Стуруа уведомляет поэтому Н. К. Крупскую о том, что на своем последнем заседании Кавказское бюро (очевидно, в новом составе) постановило вышеуказанное ноябрьское «Заявление» «не считать за документ ют Кавказского бюро».¹

Нельзя сказать, чтобы Кавказский союзный комитет, находившийся, как мы видели выше, под гипнозом примиренческого ЦК, отнесся с полным и безусловным доверием к БКБ, сформировавшемуся в основном своем составе на северной конференции. В том же письме Ван Стуруа задает Н. К. Крупской 12 вопросов, которые, хотя и свидетельствуют о неосведомленности Кавказского бюро о положении дел за границей и о законном желании его быть в курсе дела, но все же говорят о переоценке кавказскими товарищами роли чисто формальных моментов (выборность «снизу») при решении вопроса о конституировании БКБ.

Интересно поэтому сопоставить отношение Ленина к принципу «выборности» и «назначения» со взглядами на этот счет Кавказского бюро, взглядами, разделявшимися, как мы увидим ниже, и некоторыми членами БКБ. Почти одновременно с письмом Кавказскому бюро Ленин шлет письмо Литвинову, в котором поднимает вопрос о том, какой способ конституирования БКБ («сверху» или «снизу») является *при данных конкретных исторических условиях* наиболее целесообразным.

«Спорный вопрос между нами,—пишет Ленин,—касается лишь частности и надо ее обсудить хладнокровно, именно: конференция ли комитетов или прямое образование «бюро комитетов большинства»... с тем, чтобы это бюро признали сначала несколько, а потом все комитеты большинства. Вы стоите за первое, мы за второе. Будь возможна конференция за границей, я бы был всецело за нее. В России же это дьявольски опасно, волокитно и малопроизводительно... Не лучше ли,—продолжает Ленин,—провести выборы кандидатов через Ригу, С.-Петербург—Москва, затем тотчас же заявить об этом публично (посылаем проект извещения), затем поскакать в Северный комитет, на Кавказ, в Саратов, Нижний и пр., прося их присоединиться и дополняя бюро по возможности либерально парой-другой *их* кандидатов (хотя это не очень вероятно, чтобы присоединяющиеся комитеты потребовали больших дополнений состава бюро). Я решительно не представляю себе, чтобы у нас встретились затруднения из-за состава бюро». Заканчивает свое письмо Ленин вторичным предложением «сразу и немедленно выступить с извещением от бюро, ибо насчет личного его состава мы легко столкнемся и конфликты на этой почве неве-

¹ «Пр. рев.», №5 (40), 1925 г., стр. 28.

роятны». А раз бюро заявит о себе, его быстро признают и оно начнет говорить от имени всех комитетов».¹

Это письмо Ленина дает основание к следующим выводам: 1) оно написано еще до созыва конференции северных комитетов, примерно, в конце ноября—в начале декабря 1904 г. Во всяком случае, Ленин еще не был в курсе дела² относительно предпринятых т. Землячкой шагов к созыву тех большевистских северных комитетов, которые были уже предварительно объединены деятельностью Северного бюро и куда входили, наряду с Петербургом, Москвой и Ригой (о которых упоминает в первую очередь Ленин) также Северный комитет, Нижегородский и Тверской (о котором Ленин не упоминает вовсе). 2) Факт избрания БКБ только тремя крупнейшими комитетами—Москвой, Петербургом и Ригой—Ленин считает вполне достаточным для того, чтобы БКБ могло открыто объявить себя организационным комитетом по созыву III съезда. 3) Ленин считает вопрос об открытом выступлении БКБ настолько спешным, что тут же посылает, в качестве проекта, текст этого открытого выступления.³ 4) Упоминание Ленина о Кавказе, куда нужно было поехать, с целью добиться признания избранного Москвой, Петербургом и Ригой БКБ, лишний раз подтверждает наше утверждение, что конференция кавказских комитетов выборов в БКБ не производила.

План Ленина заключался, таким образом, в немедленном и открытом выступлении БКБ, так как только такое выступление гарантировало пресечение той подрывной антипартийной работы, которую вел примиренческий ЦК. В военное время нужно было действовать по военному: быстро и решительно.⁴ Такова была тактика Ленина. Всякое промедление

¹ «Ленинский сборник» V, стр. 137, 138, 139.

² Из-за плохой и несвоевременной информации уполномоченных заграничного большевистского центра, совершавших поездку большевистских комитетов на местах.

³ В «Лен. сб.» V (стр. 184—188) помещены более поздние документы Ленина (проект извещения бюро и предварительные тезисы этого извещения), а не тот, о котором идет речь в письме Литвинову, ибо в проекте, помещенном в «Лен. сб.» V, говорится уже о состоявшейся конференции северных комитетов, первоначальный же проект повидимому послан был Лениным, как это явствует из всего предыдущего, вместе с письмом Литвинову еще до созыва конференции. Текст этого наиболее раннего проекта Ленина еще не найден. На основании письма Н. К. Крупской Землячке (Демону) от 17/I—05 (Н. К. Крупская указывает, что «тоже написано 16/I Рахметову (А. Богданову) и Феликсу (М. Литвинову)», в котором прямо говорится: «посылаю вам проект заявления бюро», — мы можем утверждать, что документы, помещенные в «Лен. сб.» V, относятся по времени их написания не «к первой половине декабря 1904 г.», как ошибочно констатирует редакция «Лен. сб.», а к первой половине января 1905 г. (Письмо Н. К. Крупской см. в «Прол. рев.» № 3 (38), 1925 г., стр. 36). Упомянутый в нем «проект заявления» помещен в «Прол. рев.» № 6 (41), 1925 г., стр. 61 («Приложение к переписке»). Сличая этот документ с тем, который помещен «Лен. сб.» V на стр. 186—188, мы можем наглядно убедиться в их полной идентичности.

⁴ «Съезд должен быть [по военному] прост, [по военному] короток, [по военному] немногочислен. Это — съезд для организации войны» — так писал Ленин Богданову (Рахметову) и Гусеву (Харитону) 11 февр. 1905 г. (См. «Лен. сб.» V, стр. 151).

могло лишь сыграть на руку ЦК, который искусно использовывал малейшие колебания и медлительность местных комитетов и под прикрытием авторитета официального партийного центра продолжал тактику разгрома комитетов, стоявших за созыв III съезда. Вот почему Ленин считал, что выигрыш времени при создавшихся условиях отвечал гораздо в большей степени подлинным интересам партии, нежели соблюдение во что бы то ни стало формальных требований партийной демократии (выборность «снизу»). Стремительный удар по примиренческому ЦК—вот что было тогда главной задачей, и на этом именно участке фронта внутрипартийной борьбы Ленин считал нужным, не теряя ни минуты, сосредоточить огонь. Борьба за III съезд, как общий тактический лозунг, был уже пройденным этапом борьбы. Нужно было выдвинуть и формулировать более конкретные и непосредственные цели борьбы, соответствующие новой обстановке поля битвы. «Фактически же,—пишет Ленин в том же письме Литвинову,—я отвожу теперь десятое место съезду, а первое—органу и русскому центру». Ниже мы увидим, что этой тактики Ленина не понимало не только Кавказское бюро, но и большинство действовавших в России членов БКБ.

Отклик на приведенное выше письмо А. М. Стопани Ленину мы находим в письме Н. К. Крупской Землячке (Демону) от 17/1 05 г.: «Посылаю Вам проект заявления бюро¹ и заявление Кавказского бюро,—² пишет Крупская: «Мы им уже написали, что тут недоразумение, что ни о каком назначении не может быть и речи, вообще постарались их успокоить, но из заявления вы увидите, что там дела не совсем ладны, надо поэтому, чтобы немедленно кто-нибудь туда съездил. *Русалка*³ уже выехала, ее лучше всего будет послать. Без их участия бюро не может конституироваться».⁴

На основании этого письма мы можем сделать вывод, что БКБ к 17/1 05 г еще не было окончательно сконструировано. Это не мешало, однако, непрерывному функционированию БКБ, первоначальный состав которого, намеченный на конференции «22-х» (или же вскоре после него) был утвержден Южной конференцией в сентябре 1904 г. Только к началу марта 1905 г. Гусев, в письме Ленину, сообщает, что «с Кавказским бюро дело улажено, его представитель кооптирован в наше бюро».⁵ Гусев имеет в виду Л. Б. Каменева («Юрия»), участника Кавказской конференции,⁶ с которым Ленин вел переписку еще в декабре 1904 г., при-

¹ Бюро комитетов большинства.—Прим. Д. К.

² Имеются в виду «Заявление Бакинского комитета ЦК», к которому присоединилось кавказское бюро. Об этом «Заявлении» речь шла выше.—Прим. Д. К.

³ М. Н. Лядов.—Прим. Д. К.

⁴ «Пр. рев.», № 3 (38), 1925 г., стр. 36.

⁵ «Пр. рев.», № 2 (37), 1925 г., стр. 52. Дата письма (начало марта 1905 г.) установлена нами на основании упоминания Гусевым о текущем событии: рескрипте царского самодержавия министру внутренних дел Булыгину о думе (3 марта 1905 г. н. ст.).

⁶ Об этом см. воспоминания В. Тарату, приведенные в моей статье в № 10 «Пролетарской революции» за 1929 г., стр. 92—93.

глашая его сотрудничать в «Вперед».¹ Несомненно, что уже на конференции кавказских комитетов обсуждался вопрос о посылке за границу специального делегата от Кавказского союза (имелось в виду послать Л. Б. Каменева) для «устранения взаимных недоразумений». Возможно также, что этот момент нашел свое отражение и в соответствующей резолюции Кавказской конференции, так как 2 декабря 1904 г. Ленин пишет Кавказскому бюро: «Непременно осуществите также поскорее Ваш прекрасный план—послать сюда своего специального делегата. Без этого действительно крайне трудно, почти невозможно сговориться толком, устранить взаимные недоразумения. Между тем в настоящий момент это крайне необходимо».²

Итак, мы можем считать вполне установленным тот факт, что Кавказская конференция в своих резолюциях не пошла дальше принципиального одобрения общего плана политической кампании за созыв III съезда (что, как мы видели выше, было в условиях данного политического момента далеко не достаточным), не выделила из своей среды представителей в БКБ, и, продолжая стоять еще на позиции лояльности в отношении ЦК, считала несвоевременным официальное выступление БКБ в качестве Организационного комитета по созыву съезда. Свою санкцию на создание литературного органа «большинства»—«Вперед» Кавказское бюро дало позднее, в связи с письменными директивами Ленина от 2 декабря 1904 г., изложенными в его письме на имя этого бюро (причем из 4-х директив Ленина Кавказское бюро сочло своевременным и возможным выполнить тотчас же лишь одну, касающуюся поддержки литературного органа «Вперед»).

Южные большевистские комитеты проявили к вопросу о немедленном формировании заграничного большевистского центра и его решительном выступлении против примиренческого ЦК гораздо больше партийной поддержки и сознательности, нежели Кавказский союз. В предыдущей статье³ мы уже указывали, что один из виднейших деятелей Южного бюро, объединявшего как раз те комитеты, которые участвовали на южной конференции,—т. Воровский еще в конце июля—в начале августа 1904 г. (т. е. еще до заграничной конференции «22-х») пишет в Мюнхен письмо, в котором высказывает уже мысль о необходимости созыва III съезда по воле самих комитетов и *вопреки воле официальных центров*.

Мы поэтому можем с полным основанием утверждать, что созданная спустя 2—2½ месяца т. Землячкой конференция южных комитетов, благодаря всей предшествовавшей деятельности Южного бюро, пришла уже к сознанию необходимости немедленного разрыва с примиренческим ЦК и открытого выступления за созыв III съезда от имени «Организационного комитета», полномочия на образование которого она поручила «конференции 22-х».

¹ См. письмо Ленина Л. Б. Каменеву от 14 декабря 1904 г. «Лен. сб.» V, стр. 142.

² См. там же, стр. 140.

³ См. «Прол. рев.» № 10, 1929 г., стр. 85.

Принятая южанами резолюция вполне соответствовала тактическому плану Ленина—избежать излишней формальной волокиты и непосредственно «поручить» определенные политические функции той заграничной коллегии, которая, в качестве намеченных членов БКБ, образовалась на конференции «22-х» (либо вскоре после нее). «Конференция поручает выбор ОК конференции 22-х»—таково было содержание одной из резолюций, принятой южанами.¹

В своем письме Литвинову Ленин, передавая содержание этого важнейшего постановления южной конференции, вполне солидаризируется с выраженным в нем принципом конституирования БКБ и дает инструкции т. Литвинову руководствоваться этим же принципом при проведении кампании среди местных комитетов за избрание БКБ, в качестве неофициального большевистского центра. В письме на имя Одесского комитета («Осипу») ² от 12 дек. 1904 г. Ленин вновь подтверждает тот же организационный принцип. По мнению Ленина, БКБ, как всероссийский большевистский центр, формально созданный по почину южной конференции, должен быть признан *уже функционирующим*, хотя бы состав этой центральной коллегии и пополнялся постепенно возможными новыми кандидатурами, выдвигаемыми последующими конференциями. «Коллегия практического руководства и организации сложного дела распространения агентуры и пр. и пр.,—пишет Ленин,—составится (*отчасти составила уже*) на основании прямого поручения известных функций известным товарищам целым рядом русских комитетов (Од., Екат., Ник., 4 кавказских ³ и несколько северных, о которых вы вскоре узнаете обстоятельно)».⁴

Следуя директивным указаниям Ленина, М. М. Литвинов, присутствовавший на северной конференции в качестве делегата от Рижского комитета, настаивал в переговорах с т. Землячкой на том, чтобы северная

¹ См. там же, стр. 88.

² Одесский краевой исторический архив. Фонд О. О. Дело № 389, т. 1, 1904 г. стр. 305—311. Аналогичное письмо было послано и другим товарищам.

³ Причисляя 4 кавказских комитета к «ряду русских комитетов», которые выборы в БКБ проводили по принципу «поручения известных функций известным товарищам», Ленин во-первых, этим самым выражает уверенность, что директива его Кавказскому союзу, данная в письме его от 2 декабря 1904 г. («...необходимо немедленно 1) образовать бюро комитетов большинства, 2) передать ему все дела о съезде и все руководство комитетами...») будет выполнена; во-вторых, полагает, что происходившая в то время конференция северных комитетов в вопросе о конституировании БКБ будет следовать тому же принципу. Что касается того, что к 12 дек. (дата письма) конференция северных комитетов еще происходила (или только созывалась), то на этот счет в письме к «Осипу» имеется двойное указание Ленина: 1) говоря о «коллегии практического руководства» (т. е. о БКБ), Ленин констатирует, что эта коллегия еще только «составится», хотя «отчасти составила уже» (имеются в виду выборы южн. конф.); 2) о конференции северных комитетов Ленин не сообщает окончательных сведений, а лишь отмечает, что об этой конференции «вы вскоре узнаете обстоятельно».

⁴ Одесский краевой исторический архив, Фонд О. О. Дело № 389, т. 1, за 1904 г., стр. 305—311.

конференция не проводила новых выборов в БКБ, а лишь утвердила список членов БКБ, намеченный в Женеве и одобренный южной конференцией. «Предполагалось,—пишет Литвинов,—что бюро считается существующим по инициативе южной конференции и что оно будет санкционировано северной».¹ Между тем у Литвинова с Землячкой возникли на северной конференции по этому поводу разногласия. «Хотя в течение 10 дней,²—пишет М. М. Литвинов,—я ежедневно встречался с Землячкой, она не обнаруживала никакой склонности столкнуться со мной, хотя и знала, что не во всем мы с ней согласны. Понял я это в том смысле, что мы оба свободны в своей агитации, а потому я счел себя в праве голосовать по собственному убеждению в качестве делегата, не связанного никакой коллегиальностью (бюро)».³

Из этого письма видно, что т. Литвинов присутствовал на северной конференции не только как член Рижского комитета, но и как делегат БКБ. Присутствие его на конференции в качестве делегата БКБ говорит за то, что его кандидатура в БКБ, выдвинутая (в числе других) руководящей большевистской группой в Швейцарии, считалась утвержденной, согласно резолюции южной конференции.

Разногласия с т. Землячкой по вопросу о принципе конституирования БКБ характерны в том отношении, что точка зрения т. Литвинова, проводившего в этом вопросе директивную линию Вл. Ильича, не совпадала с точкой зрения т. Землячки, отражавшей тот уклон в сторону переоценки формально-демократического принципа выборности, который имелся и у кавказских товарищей. «К моему изумлению,—пишет М. Литвинов,—конференции было предложено *выбрать* бюро. Таким образом в бюро совершенно неожиданно для всех нас очутился новый коллега (Алексей).⁴ Я лично ничего против него не имею и сам голосовал за него, *но мог же попасть к нам и менее желательный кандидат*. (Подчеркнуто нами.—Д. К.). Если каждой конференции (предполагается еще и восточная) предлагать новые выборы—какова-то будет коллегия!»⁵

Родство позиции, занятой т. Землячкой с позицией Кавказского союзного комитета, обнаружилось еще и по вопросу об отношении к примиренческому ЦК. В то время как т. Литвинов решительно отстаивал на се-

¹ «Прол. рев.» № 2, (37) 1925 г., стр. 75.

² Если принять 12 дек. 1904 г. (дата письма Ленина «Осипу») за приблизительную дату начала северной конференции, то указание М. М. Литвинова, что он «в течение 10 дней ежедневно встречался с Землячкой, прямо говорит за то, что конференция продолжалась 10 дней, закончив свои работы к 22 декабря (приблизительно). Так как конференция происходила в Колпино, то вполне вероятно, что к 25 декабря т. Литвинов мог вернуться обратно в Ригу и в день своего приезда написать письмо В. И. Ленину (дата письма: 25 дек. 1904 г.), начинающееся следующими словами: «Дорогой друг! *Только что вернулся*» (подчеркнуто нами.—Д. К.) с конференции Северных комитетов» («Прол. рев.», № 2 (37), 1925 г., стр. 75).

³ См. там же.

⁴ А. И. Рыков.

⁵ «Прол. рев.» № 2 (37), 1925 г., стр. 75—76.

верной конференции необходимость резкого и окончательного разрыва с ЦК и открытого выступления БКБ,—т. Землячка не считала возможным идти на немедленный разрыв с ЦК, предпочитая придерживаться того метода «соревнования в положительной работе» с ЦК, которому следовали кавказские комитеты. В письме М. М. Литвинова Ленину от 25/XII 04 все эти моменты разногласий с т. Землячкой и нашли свое отражение.

«Главное мое расхождение с Землячкой,—пишет М. М. Литвинов,—это по вопросу о соотношении задач бюро. Я выдвигал на первый план подготовку и организацию съезда (помимо ЦК), придавая выполнению бюро общепартийных функций лишь значение подготовительной работы, которой должен будет воспользоваться наш будущий ЦК, ибо все согласился со мной, что съезд должен состояться в ближайшие 2—3 мес. (или никогда), а за такой короткий срок вряд ли удалось бы бюро развить значительную деятельность и вызвать уже готовые результаты. Землячка же серьезно думает, что бюро еще до съезда сможет соперничать успешно с ЦК в смысле положительной работы. Я считаю это утопией. Как бы ни был недееспособен ЦК, у него все же имеется вполне налаженный и действующий технический аппарат, а нам надо начинать сначала. Так вот у меня явилось опасение, что бюро отвлечется от выполнения своей главной задачи, устройства съезда, в сторону так называемой положительной работы».¹

Вопрос об отношении к ЦК весьма остро стоял на конференции. Усилия М. М. Литвинова добиться того, чтобы этот вопрос был обсужден на конференции, оказались тщетными. Тов. Землячка, которая играла руководящую роль на конференции,² твердо стояла на своем и конференция так и не обсудила этого вопроса. «Я настаивал,—пишет М. М. Литвинов,—чтобы непременно был разобран стоявший на очереди вопрос о нашем отношении к меньшинству, к ЦК и к лояльности, вопрос жгучий, волнующий все наши комитеты и неодинаково ими решаемый. Не разрешить этого вопроса значило не выполнить одной из важнейших задач конференции. Землячка же в своем стремлении показать уже положительную работу бюро, его идейное руководство («Бюро—это раньше всего идейный руководитель»—как это звучит гордо, не правда ли?) заставила нас в течение двух заседаний выслушивать длиннейший и скучнейший доклад Румянцева о теперешнем историческом моменте и о наших лозунгах...»³

Не меньше разногласий вызвал и другой вопрос, тесно связанный с предыдущим: об открытом печатном выступлении бюро с извещением о созыве им III съезда через головы официально существующих центров—ЦК, ЦО и Совета партии. Мы видели уже выше, что Ленин неоднократно настаивал на этом в своих письмах М. М. Литвинову и Кавказ-

¹ «Прол. рев.» № 2 (37), 1925 г., стр. 76.

² «Пока делами бюро фактически распоряжается единолично Землячка»,—пишет М. М. Литвинов в другом письме от 7/I—05 (см. «Прол. рев.» № (37), 1925 г., стр. 80).

³ См. там же, стр. 76.

скому союзу.¹ В письме Литвинову, которое мы цитировали выше, Ленин упоминает о том, что им даже послан специальный проект извещения БКБ об открытом («публичном») выступлении последнего. Тем не менее северная конференция, подобно кавказской, предпочла действовать выжидательно и на открытое выступление против официального ЦК от имени неофициального большевистского центра не решилась. В своем письме М. М. Литвинов так передает сущность разногласий по этому вопросу между ним и т. Землячкой:

«По моему мнению, нам можно и должно сейчас же выступить открыто, не скрывая бюро, не цепляясь за лояльность, заявлять, что при настоящих ненормальных условиях, при существовании незаконных блюстителей и толкователей закона, строго лояльным быть не можем, тем более, что наше поведение одобряется всей партией, что нас толкнули на революционный путь. Рекомендуемая же Землячкой тактика сводится к копированию меньшинства, которое божилось и уверяло, что действует в рамках устава, на каждом шагу им нарушаемого при помощи разных адвокатских уловок».²

К сожалению, в своих письмах М. М. Литвинов нигде не упоминает о персональном составе членов БКБ, избранных на северной конференции. На основании имеющихся в нашем распоряжении документов мы можем, однако, пролить некоторый свет на историю конститутирования персонального состава БКБ. В письме «Валерии» («Землячки»³) от 7(2) октября 1904 г. говорится, что южная конференция «поручает выбор Орг. К. конференции 22-х».⁴ В ответ на это поручение Ленин выдвигает 7 кандидатур в БКБ, о чем и ставит в известность Одесский и Петербургский комитеты («...пишет об этом в Одессу и С. Петербург»)⁵. Таким образом эта семерка на основании полномочий южной конференции и представляла собой состав действительных членов БКБ (кавказская конференция, как мы знаем, своих кандидатур в БКБ не выдвинула и своего отношения к нему окончательно не выявила). Однако этот перво-

¹ Об этом же писал Вл. Ильич и Землячке 3-го и 10 декабря 1904 г., т. е. еще до созыва ею северной конференции. К сожалению, этих писем пока в нашем распоряжении не имеется, но о них не только упоминает т. Землячка в своем письме Ленину от 26 дек. 1904 г. (н. ст.), но даже приводит следующую выдержку из одного такого письма: «Если бюро не выступит сейчас печатно...», то «мы все здесь махнем рукой и бросим дела» («Прол. рев.», № 3 (38), 1925 г., стр. 14 в конце). Открытый и немедленный разрыв с ЦК Вл. Ильич считал задачей настолько важной, что счел даже необходимым свои директивные указания русской части БКБ выразить в такой же ультимативной форме, к которой он прибегнул 13 лет спустя, во время переговоров о Брестском мире по отношению к «левой оппозиции» внутри руководящего состава нашей партии.

² «Прол. рев.», № 2 (37), 1925 г., стр. 77.

³ Согласно предположениям тт. Ольминского и Гусева, это — псевдоним «Землячки».

⁴ Одесский краевой исторический архив. Фонд О. О. Дело № 285, за 1924 г. стр. 224, 225, 261.

⁵ См. «Лен. сб.» V, стр. 137. Вот перечень этой «семерки»: «Русалка» (М. Н. Лядов), Феликс (М. М. Литвинов), Землячка, Павлович (П. И. Красиков), Гусев, Алексеев, Барон (Э. Э. Эссен).

начальный список «семи» был подвергнут с течением времени изменению. Ключ к анализу этих изменений дает нам тот же самый документ (письмо «Валерии»). Действительно: в нем говорится также о том, что «Одесский комитет на собрании вынес решение сообщить конференции «22-х» желание его видеть в составе его (т. е. БКБ. (Прим. Д. К.) Р-ого («Рядового» — А. Богданова), 3-у (Землячку.—Прим. Д. К.) и Ник. (И. Х. Лалаянца. Прим. Д. К.)».¹

Так как деятельность Одесского комитета протекала в тесном контакте с южным большевистским бюро, распущенным примиренческим ЦК, но затем вновь восстановленным при содействии т. Землячки на южной конференции,—то естественно, конечно, было рассматривать желание Одесского комитета как выражение прямой воли всех большевистских комитетов юга (Одессы, Николаева, Екатеринослава), которых объединяло Южное бюро. Вот почему т. Крупская, считаясь с этим фактом, в своем письме от 5/II 05 на вопрос Вана Стуруа о личном составе БКБ сообщает ему об *избрании* южной конференцией трех лиц: Землячки, Рядового и Лидина (Лядова) с правом кооптации. Что касается того, что вместо И. Х. Лалаянца здесь фигурирует кандидатура т. Лидина (Лядова), то есть основание предполагать, что и эта кандидатура (Лядова) была выдвинута по инициативе Одесского комитета взамен т. Лалаянца, находившегося в то время под арестом. Основанием для нашего утверждения служит письмо (очевидно написанное Крупской) от 23 декабря (н. ст.) 1904 г., адресованное Одесскому комитету («Осипу»): в этом письме идет речь об изменениях, которым подвергся список членов БКБ, выдвинутый одесситами. «Относительно изменений в списке оно, кажется, и выйдет так, как вы хотите,—пишет Н. К. Крупская.—В этом смысле высказывались и другие».² В этом же письме говорится об «отстранении от дела Барона», кандидатура которого была выдвинута руководящей группой заграничных большевиков в Швейцарию в связи с конференцией 22-х.

Таким образом уже к 12 декабря 1904 г.—приблизительная дата созыва северной конференции—состав БКБ был подвергнут следующим изменениям по сравнению с намеченными в Женеве кандидатурами: место отстранившегося от дел Барона (Э. Э. Эссена) занял, очевидно, А. Богданов, фигурирующий в списке одесситов,³ место Лалаянца—Лядов, фигурирующий вместе с «Бароном» в женевском списке. Отсюда ясно, почему в сообщенном Крупской Кавказскому бюро (т. В. Стуруа) списке членов БКБ, избранных южной конференцией, в числе 3-х кандидатур (Лядов, Богданов и Землячка) имеется одна (А. Богданов), не включенная в первоначальный женевский список, и другая (М. Лядов), не значащаяся в списке, упоминаемом «Валерией». Это обстоятельство, стало быть, ни в

¹ Одесский краевой историч. архив. Фонд О. О. Дело № 285, 1904 г. стр. 224, 225, 261. Об этом же см. мою предыд. статью в «Прол. рев.», № 10, 1929 г., стр. 88.

² Окр. арх. г. Одессы, фонд № 389. Т. 1, 1904 г., стр. 305—311.

³ А. Богданов в это время находился в России, выполняя возложенное на него поручение заграничного большевистского центра по сбору средств на орг. «Вперед».

какой степени не идет в разрез с предыдущим нашим свидетельством, что южная конференция не выдвигала своих собственных кандидатур, поручив это большевистскому центру («конференции 22-х») и согласовав с ним свое желание иметь в числе членов БКБ тех или иных лиц.

Северная конференция, по сообщению Крупской, избрала тех же лиц, что и южная, присоединив к ним тт. Литвинова и Рыкова. В отношении т. Литвинова северная конференция подтвердила лишь формально, путем выборов, те фактические его полномочия, которые он имел, на основании постановления южной конференции. При этом Н. К. Крупская тут же говорит о состоявшейся кооптации в БКБ Ленина и предстоящей кооптации представителя Кавказского союза. Таким образом первоначальный женевский список «7-ми», по окончании северной конференции, претерпевает следующие изменения: Лядов, Литвинов, Землячка и Богданов (вместо «Барона») остаются и в новом списке; вместо же остальных трех членов первоначального женевского списка избирается т. Рыков и кооптируется Ленин, а впоследствии и Каменев (как представитель Кавказского союза).

Однако и этот состав БКБ из 7 лиц (в том числе и кооптированные) подвергся впоследствии изменениям: т. Рыков, по неизвестным пока нам причинам (возможно, вследствие ареста), не вступил в исполнение своих обязанностей и вместо него в состав БКБ вошел т. Гусев, фигурировавший еще в старом женевском списке. Тов. же Литвинов, из-за разногласий с т. Землячкой и с теми членами БКБ, которые были с ней солидарны по вопросу о лояльности в отношении ЦК, выступил из состава БКБ¹, куда вошел другой член Рижского комитета П. П. Румянцев, присутствовавший в качестве делегата на северной конференции и выступавший там с докладом. Таким образом окончательный состав БКБ был следующий: Землячка, Лядов, Богданов, Гусев, Румянцев и двое кооптированных: Ленин и Каменев.

Кроме трех конференций, созданных т. Землячкой (южной, кавказской и северной), предполагалось еще созвать восточную конференцию. Сведения о попытках созыва этой конференции крайне скудны. В своем письме от 25—XII—04. (н. ст.) т. Литвинов выражает опасение, что на восточной конференции, созыв которой предполагался еще в декабре 1904 года, будут вновь проведены выборы в БКБ, вместо того, чтобы предложить этой конференции утвердить тот состав БКБ, который был уже избран на южной и северной конференциях. Подтверждение сведений т. Литвинова о восточной конференции мы находим в письме Землячки Ленину и Крупской от 8/1 05 (н. ст.), в котором т. Землячка сообщает: «На Урал едет теперь один человек, с которым посылаю документы. Не-

¹ См. об этом свидетельство самого Литвинова в его письме Ленину от 25—XII—04: «...Я решил выступить из Бюро, если окажется, что большинство членов Бюро солидарно по спорным вопросам с Землячкой» («Прол. рев.» № 2(37), 1925 г., стр. 78).

обходимо устроить поскорее конференцию восточных комитетов; сделаем этой сейчас же по приезде сюда людей».¹

Однако, по приезде в Россию Лядова и Гусева, предполагавшийся немедленный созыв восточной конференции был отсрочен ввиду того, что тт. Землячка и Лядов смогли выехать на вторичный объезд местных комитетов лишь к началу февраля 1905 г., к каковому времени вопрос о самостоятельном выступлении БКБ в качестве организационного комитета по созыву III съезда был наконец решен в положительном смысле. Имелось в виду, что одновременно с выполнением агитационной задачи: добиться присоединения русских комитетов к «Извещению» Бюро удастся созвать и восточную конференцию комитетов большинства. Действительно, в конце февраля 1905 г. т. Гусев в своем письме Ленину извещает его, что З-ка (Землячка.—Прим. Д. К.) и Р-ка («Русалка», Лядов.—Прим. Д. К.) объезжают комитеты. М-н² поехал в Сибирь, спешно организуется восточная конференция».³

Стремление членов БКБ в спешном порядке созвать восточную конференцию нам станет понятным, если мы примем во внимание следующие два обстоятельства. Мы видели уже выше, что Ван Стуруа просит т. Крупскую информировать его о том, что собой представляет БКБ и пользуется ли оно достаточным удельным политическим весом среди местных комитетов.⁴ В числе 12 вопросов имеется один следующего рода: «Каковы отношения уральских, сибирских и некоторых других большевистских комитетов к бюро комитетов большинства?»⁵

Ясно, что отрицательную позицию Кавказского бюро к вопросу о желательности и своевременности открытого выступления БКБ в качестве Организационного комитета по созыву III съезда, можно было значительно поколебать, завоевав на свою сторону восточные комитеты, отношение которых к БКБ так интересует Вана Стуруа. Подтверждением правильности нашего предположения служит письмо Ленина Гусеву от 16—III—05. В этом письме Ленин, возмущаясь почти полным отсутствием сведений о восточных комитетах, между прочим пишет: «Есть маленькие зацепочки к Казани, Сибири, Курску, Полесью, Саратову, но все это гадательно. А между тем, будь на съезде все эти пять плюс Урал, тогда полнейшая законность съезда, даже по расчету «Искры», несомненна».⁶ Из этого же письма,

¹ Н. К. Крупская имеет в виду ожидавшийся в недалеком будущем приезд в Россию двух членов БКБ — Лядова и Гусева («Прол. рев.» № 3 (38), 1925 г., стр. 26.)

² Не удалось расшифровать. Возможно, что имеется в виду Маевский (если считать опечаткой окончание на «н» вместо «ий»), который, как мы увидим ниже, был автором неудачной прокламации «Рабочие массы и поп Гапон», выпущенной комитетами восточного района.

³ «Прол. рев.» № 2(37) 1925 г., стр. 43.

⁴ Ленин, вероятно, намекает на это письмо Вана Стуруа, когда в своем письме Гусеву и Богданову от 11—II—05 причисляет Кавказ к «тем русским комитетам», которые «считают бюро совсем мифом» («Лен. сб.», V, стр. 152).

⁵ «Прол. рев.» № 5(40), 1925 г., стр. 28.

⁶ «Прол. рев.» № 2 (37), 1925 г., стр. 66.

а также из аналогичного письма Н. К. Крупской Лядову от 17—III—05¹ мы узнаем, что Землячка объезжала Урал, а Лядов был в Саратовѣ и что среди восточных комитетов было даже налажено издательство с.-д. листов, выходивших за подписью «Комитеты Восточного Района».²

Если конференцию восточных комитетов в конце концов и не удалось созвать, то во всяком случае борьба за завоевание этих комитетов между большевиками и меньшевиками была ожесточенной. Так, например, Гусев в середине марта 1905 г. сообщает Ленину: «С объездом комитетов еще не покончено. Посмотрим, что ответят меньшевики. Не во все комитеты мы сможем попасть. Заранее исключены Астраханский и Казанский, вероятно не попадем и в Курск... В Сам. комитете меньшевики, но представителем будет «большевик».³ О Самарском комитете Гусев приблизительно к тому же самому времени пишет: «Ура! Еще один К.—Самарский!!! Дела идут отлично».⁴

С 10 по 28 марта 1905 г. позиция двух восточных комитетов—Астраханского и Сибирского—оставалась неизвестной, хотя в течение этого промежутка времени удалось завоевать Урал, Казань, Самару и Саратов. Действительно, в письме от 10—III—05 Крупская сообщает: «...Из Саратова пишут, что они за съезд (резолуции мы еще не имеем); совершенно неизвестно, как смотрят на дело Урал, Сибирь, Астрахань, Самара».⁵ Но уже через две недели, в письме от 28—III—05, сведения т. Крупской становятся более благоприятными: «...За съезд,—пишет она,—высказались комитеты: Уральский, Тульский, Воронежский, Полесский, Казанский, Самарский и Саратовский. Как смотрят на это дело комитеты: Курский, Орловский, Астраханский и Сибирский—неизвестно».⁶

Такова история конституирования БКБ, его постепенного организационного оформления, тесно переплетенная с борьбой за партию, за ее сплоченность и монолитность. В дальнейших наших статьях мы дадим конкретный исторический очерк развернутой кампании за созыв III съезда, которую повело Бюро комитетов большинства, после того как в первую очередь был разрешен вопрос о его собственном оформлении в интересах твердого и уверенного руководства предстоящей кампанией. Организационное сплочение руководящего ядра всероссийского объединения боль-

¹ «Прол. рев.» № 4 (39) 1925 г., стр. 33.

² Один из таких листов, под заглавием «Рабочий класс и поп Гапон» перепечатан в № 12 (35) «Прол. рев.» за 1924 г. (стр. 97—100). Этот листок, написанный В. А. Гутовским (Евг. Маевским) и направленный против Гапона, вызвал возмущение некоторых поволжских и уральских организаций. В своих письмах Ленин и Н. К. Крупская называют этот листок «глупым», а на заседании Центрального Комитета 11 мая 1905 г. (после III съезда) было вынесено даже специальное постановление, в котором т. Крупской предлагается: «относительно Восточного бюро написать, чтобы не издавали сами прокламаций» (об этом см. «Лен. сб.», V, стр. 281 и 283; прим. 6).

³ «Прол. рев.» № 2 (37) 1925 г., стр. 64.

⁴ См. там же, стр. 58.

⁵ «Прол. рев.» № 5 (40), 1925 г., стр. 46.

⁶ Там же, стр. 52.

шевиков происходило в обстановке упорной и непримиримой борьбы против явных и тайных дезорганизаторов партии, всю тяжесть которой приходилось выносить на своих плечах Ленину, совместно с немногочисленным еще в то время кругом его ближайших единомышленников.

Рассматриваемый нами период является в то же время яркой иллюстрацией борьбы Ленина за основные большевистские кадры, за создание того железного костяка, вокруг которого концентрировалось все наиболее стойкое, честное и преданное делу революции в российском рабочем движении. Подготовка этих кадров шла под знаком зоркого и неусыпного руководства Ленина, под знаком преодоления им шаг за шагом тех шатаний, колебаний и примиренчества (лояльность в отношении ЦК), которые обнаруживались иной раз даже в тесном кругу его собственных единомышленников. Молчаливые свидетели далекого прошлого—многочисленные страницы писем Ленина и Крупской к местным большевистским комитетам—живым и ярким языком повествуют нам об огромной энергии, проявленной Лениным в его борьбе за партию, вводят нас в лабораторию его напряженной мысли вокруг проблем организационного партийного строительства.

Разумеется, собранный нами документальный материал далеко не дает еще исчерпывающей проработки затронутой нами проблемы. Надо надеяться, что непосредственные участники этого великого пути созидания первых кадров боевой ленинской гвардии своими воспоминаниями пополнят те невольные пробелы, которые имеются в нашем очерке, и уточнят набросанные нами общие контуры изучаемого процесса.

Д. Кардашев

ВОСПОМИНАНИЯ

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПОТРЕПАННОЙ КНИГИ

(Из воспоминаний о Ленине)

Перебирая свои книги, я обнаружил среди них старый экземпляр «Азбуки коммунизма», принадлежавший когда-то Владимиру Ильичу. На его оторванной обложке рукою Владимира Ильича крупными буквами сделана надпись: «ЛЕНИН». Внутри на заглавной странице почерком Бухарина написано: «Дорогому Владимиру Ильичу накануне второй годовщины нашей революции. Н. Бухарин».

Последняя надпись сделана какими-то серыми, теперь, почти совсем выцветшими чернилами. Надпись Ленина—твердым чернильным карандашом, которым, повидимому, нужно было сильно нажимать. Вот он—наш бедный голодный и холодный девятнадцатый год!

Эта случайно попавшаяся на глаза книга мне живо напомнила один эпизод из жизни Владимира Ильича, о котором стоит пожалуй рассказать несколько подробнее.

* * *

Зимой 1919—1920 года, когда я состоял секретарем ИККИ, мне нередко приходилось водить к Владимиру Ильичу иностранных товарищей, приезжавших в Москву.

По сравнению с позднейшими годами такие гости попадали к нам тогда не так уж часто. Продолжалась интервенция и блокада, мы были почти полностью отрезаны от внешнего мира, связи с заграничными компартиями были только «нелегальные» и поэтому довольно слабые. Зато каждый иностранный коммунист, которому удавалось проникнуть к нам через кольцо враждебного капиталистического окружения, был для нас всегда жданным и дорогим гостем. Все приезжавшие заграничные товарищи естественно стремились попасть первым делом к Владимиру Ильичу. Среди вопросов, которыми они нас засыпали, одним из первых всегда был такой: «А когда можно будет поговорить с товарищем Лениным?»

С другой стороны, Вл. И. сам, следя чрезвычайно внимательно за работой молодого и еще не окрепшего Коминтерна, всегда горел желанием лично говорить с приезжавшими товарищами. Зная колоссальную перегруженность В. И. работой и считаясь с его слабым здоровьем, мы прилагали немало стараний к тому, чтобы освободить его от лишних, как нам казалось, разговоров и сводить их к возможному минимуму. Но В. И.

всегда настаивал на этих свиданиях и, помнится, не раз выражал свое недовольство мною или т. Клингером за то, что мы к нему не привели того или другого из «иностранцев».

Как-то приехал из Соединенных Штатов член революционно-синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира». То был молодой парень, выходец из России или Польши, еще кое-как говоривший по-русски. Нервный, болезненный, он горел революционным энтузиазмом и жгучей ненавистью к буржуазии, но в идейном отношении у него была невероятная путаница. Он с первого же слова заявил себя противником политической борьбы, решительно отрицал необходимость всяких политических партий, в том числе и коммунистических. Говорил он путано, но с большим задором. Он ярко отличался от тех иностранных рабочих, которые являлись к нам с горячим желанием учиться у большевиков, как нужно строить революционную партию рабочего класса и руководить классовой борьбой пролетариата. Чувствовалось, что этот наивный юноша приехал с целью «исправить большевизм» и убедить Коминтерн в необходимости перейти на точку зрения аполитичного синдикализма.

Много у нас было споров с этим гостем. Помню какие-то горячие схватки его с покойным Джоном Ридом, нудные разговоры, тянувшиеся иногда целыми часами подряд...

Понятно, что мне не очень хотелось вести этого товарища к Вл. И., но я не мог скрывать от него самый факт приезда американского синдикалиста. Как-то, будучи у Вл. И., я в разговоре мельком упомянул ему об этом. Вл. И. сразу насторожился, блеснул глазами:

— Как? Представитель «Ай-Даблю-Даблю»?¹ Так что же вы его не приводите ко мне?

Я стал объяснять, что разговор будет бесполезен, только трата времени, что наш гость не представляет никакой организации, приехал по личному почину, что он произносит скучные речи, повторяет надоевшие азы синдикализма, что коммуниста из него не выйдет...

Вл. И. слушал, лукаво щурился, и засмеялся:

— Вы что это, боитесь, чтобы он меня не совратил в синдикализм?.. Обязательно приведите его.

Приходим в условленный час.

Вл. И. пытливо вглядывается в посетителя, жмет ему руку, усаживает. Начинает расспрашивать: когда приехал, где устроился, не боится ли нашей зимы... Говорит ласково, с неподдельной заботой.

— Вам что, трудно по-русски? Так давайте говорить по-английски, я еще немного могу... Но вы сами из России? Сколько вам лет? А когда эмигрировали? Почему?.. Вот как, значит, родители вывезли еще мальчиком... Ну, а где вы жили в Америке?..

Вопросы сыплются быстрой чередой. Собеседник явно смущен, он

¹ Так, по первым буквам английского названия (Industrial Workers of the World) обычно сокращенно именуется организация «Индустриальные Рабочие Мира».

не ожидал такого приема. Он думал, что Ленин сразу же начнет с ним серьезные политические разговоры, будет спорить с ним, и он заранее приготовился к отпору. А тут его, революционного деятеля, расспрашивают о всяких житейских «пустяках»...

Но Вл. И. достаточно прощупал своего посетителя.

— Так, значит, вы член «Ай-Даблю-Даблю»?.. Мне уже говорили, что вы не признаете политики. Ну, рассказывайте.

Собеседник, наконец, чувствует твердую почву под ногами, начинает излагать свои взгляды. Говорит длинно, путанно, сбиваясь с русского языка на английский и обратно. Ленин дает ему наговориться, слушает внимательно, терпеливо, изредка задает вопросы, вставляет короткие замечания. Потом, наслушавшись вдоволь, он в каком-то месте круто прерывает оратора:

— Вот, про социалистов вы правильно сказали, они—сволочь, только обманывают рабочих. За это мы, коммунисты, и кроем их. Но насчет политики вы неправы. Без политической борьбы нельзя. Как же вы думаете свергнуть буржуазию? Одними только экономическими стачками? Не выйдет это дело. Политика нужна, но политика классовая, пролетарская. Вы, должно быть, совсем не знаете, как большевики вели политическую борьбу против буржуазии...

Говорит он ясно и просто, короткими фразами—в такой живой беседе речь его льется куда легче и более плавно, чем с трибуны. Заметно, что он уже хорошо знает своего «противника», видит его насквозь, понимает, что ему доступно, и что нет.

Противник волнуется, перебивает, начинает защищать «Ай-Даблю-Даблю», рассказывать, как она борется. Уцепившись за какое-то замечание его, Вл. И. говорит:

— Так, что же вы утверждаете, что ваша организация—против политики! То, что вы делаете, это уже политическая борьба. Вы думали: политика делается только в парламентах? Ошибаетесь. Ваши митинги, демонстрации, столкновения с полицейскими—это все политика. Но только у вас политическая борьба выходит примитивная, случайная, вы действуете без плана, без программы. В этом ваша слабость. Да и организация ваша не годится для широкой и серьезной борьбы. Нужна политическая партия, которая могла бы руководить борьбой. А в партии нужна централизация, дисциплина. В Америке больше всего требуется создать такую партию, настоящую массовую коммунистическую партию. И в этом должна участвовать и ваша организация, «Ай-Даблю-Даблю». Нужно только отбросить ваши предрассудки относительно политики и партийной дисциплины...

Вл. И. говорит с увлечением. Замечая, что противник начинает колебаться, он напирает еще сильнее. Он резко критикует социалистов, но не впадает и «Ай-Даблю-Даблю».

Разговор тянется долго. В кабинет начинает уже заглядывать Лидия Александровна (тов. Фотиева, секретарь Совнаркома). Она боится,

что В. И. переутомится, делает мне какие-то знаки, что пора прекратить свидание. Но это дело нелегкое, спорщики увлеклись, мои дипломатические попытки положить конец разговору удаются не сразу...

Наконец В. И. говорит:

— Вы, товарищ, мало знаете о большевиках. Вам нужно почитать наши книги. По-русски читать можете? Вам т. Берзин даст подходящую литературу... А то—вот что, заберите у меня кое-какие книжки.

И Вл. И. начинает рыться на своих полках, подбирает книжки, за некоторыми ходит к себе на квартиру. Я прошу его не заботиться об этом, уверяю, что мы в Коминтерне найдем всю необходимую литературу, но В. И. уже увлекся этим делом, и его не остановишь.

— Все равно, я тут уже отобрал. У меня много всяких дубликатов напрасно валяются. Почитайте, товарищ, а перед отъездом еще взгляните, поговорим о прочитанном.

Набралась порядочная кучка книжек, главным образом популярных. Был, помнится, среди них экземпляр «Государства и революции»—в очень скверном издании, на какой-то сероватой бумаге.

— Эта плохо напечатана, трудно будет прочесть, но авось разберете что-нибудь...

И ушел американский синдикалист, нагруженный большевистским багажом.

Так вот, среди этих книг была также упомянутая в начале «Азбука коммунизма»,—тот самый экземпляр, который я теперь нашел у себя. Как же он попал ко мне?

Дело в том, что американский синдикалист в скором времени простудился и серьезно заболел. Его свезли в больницу, а книжки В. И. он забрал туда с собою. Хворал он долго, а когда поправился, то, кажется, очень скоро уехал за границу. Книги он оставил в больнице, и оттуда их прислали мне. Получив их, я звонил Вл. И. по телефону, спрашивал его, что делать с ними. От ответил:

— Оставьте их у себя, пригодятся для других приезжающих.

Нужно еще добавить, что узнав о болезни американского синдикалиста (фамилию его я так и не могу вспомнить), Вл. И. проявлял о нем много забот. Помню, что при встречах со мною он спрашивал о его здоровья, звонил по телефону и мне и тов. Клингеру, напоминал, чтобы мы не забывали о больном.

Что потом стало с американским синдикалистом, я не знаю. Смутно помню, что до отъезда в Америку он не расстался со своими синдикалистскими убеждениями и не стал коммунистом. Но видно, что «Азбуку коммунизма» он в больнице читал, на книге видны следы его работы.

Нужно полагать, что сам Вл. И. не читал этого экземпляра: на нем нет ни одной из его характерных пометок.

Я. Берзин

ЛЕНИН В ШО-ДЕ-ФОНЕ 18 МАРТА 1917 Г.

Еще задолго до Февральской революции небольшая группа большевиков, членов шодефонского интернационального рабочего союза (J. A. V.), стоявшая на точке зрения Ленина, задумала организовать для членов союза реферат Ильича с возможно более широким привлечением членов Швейцарской с.-д. партии и всей русской эмигрантской колонии.

Несколько слов об J. A. V. Существует он очень давно и организован был, видимо, первыми рабочими-социалистами, эмигрировавшими из Германии и попавшими в Шо-де-Фон после 1848 г. Характерно, что среди эмблем и знамен J. A. V. находилось знамя 1848 г. не то из Дрездена, не то из другого центра, где тогда происходили баррикадные бои. Официальным языком союза остался немецкий, несмотря на то, что во время войны 1914—1917 гг. членами союза, кроме немецких товарищей, была небольшая группа из русской эмигрантской колонии (некоторое время членами союза, кроме нас—ленинцев, были и несколько меньшевиков и эсеров), а также значительное количество прибывших с фронтов и из революционного подполья итальянцев. Несмотря на то, что большинство этих последних называло себя анархистами, они были очень хорошими революционными товарищами, более близкими нам по духу, чем самые левые из швейцарских с.-д. Более сознательные из них говорили, что ленинцы им ближе, чем русские анархисты, и что если государство понимать так, как его понимают ленинцы, то они не прочь за такое государство бороться. Состав немецких товарищей был преимущественно из старого поколения эмигрантов Германии и Австрии; среди них было много ремесленников-одиночек, небольшое число акклиматизировавшихся рабочих местных фабрик и очень незначительная группа молодых рабочих, дезертировавших с немецких и австрийских фронтов 1914—1917 гг.; среди последних было несколько независимцев, несколько анархистствующих и несколько оппозиционно настроенных беспартийных рабочих (уже самый факт дезертирства с фронта говорил о некоторой оппозиционности).

Вот этот-то шодефонский союз, придерживавшийся полугрютлийанского¹ направления, влачивший до войны жалкое существование, с притоком в него молодых, свежих сил обратил на себя наше внимание сначала как место, где можно было вести агитацию за ленинский лозунг

¹ Грютлийанцы—это правое шовинистически-националистическое крыло оппортунистической с.-д. партии Швейцарии.

превращения империалистической войны в войну гражданскую, а затем и как база организации группы левых циммервальдистов. Мы начали свою работу в этом союзе, регулярно собираясь кружками, большими группами. Читали мы газетные статьи, выдержки статей из журналов (в частности статьи из цюрихского журнала «Vorbote»), книжку Г. Гортера «С.-д. и война»,¹ которую Ильич тогда похваливал, как шаг вперед по сравнению с позицией остальных социал-демократов. На наши собрания приходили члены с.-д. партии, понимающие по-немецки, и на ломаном немецком языке мы обсуждали, разъясняли, спорили и по-одиночке, по горсточке вербовали людей.

От времени до времени (правда, с очень большими промежутками) нам удавалось устраивать общие собрания и рефераты с участием местных товарищей. Осенью или зимою 1916 г. у нас в качестве представителя германской «левой» читал реферат о революционном и антивоенном движении в Германии и о деятельности германских левых² Карл Радек. Радек читал на немецком языке и привлек большую аудиторию; кроме шодефонцев, на реферате присутствовала часть товарищей из Нейшателя. Реферат оставил хорошее впечатление; помнится, что после него замечалось более живое посещение собраний; во время реферата продали много революционной литературы, открыток и пр.

После этого реферата у нас и появилось желание пригласить Ильича. Осуществлению нашего желания могло помочь и то, что среди нас был тов. Александр А., который был хорошо знаком с Владимиром Ильичом и знал его еще с Женевы. Он же был парторганизатором и нашей маленькой шодефонской группы и поддерживал письменную и личную связь с Ильичом.

Тов. А. и списался с Ильичом о его приезде к нам, но за неимением времени Владимир Ильич свой приезд к нам оттягивал. Наконец он написал, что приедет ко дню Коммуны 18 марта и предупредил при этом, что в тот же день должен уехать обратно. Мы и приготовились использовать Ильича в этот день на все 100%.

День, как помнится, был воскресный, нерабочий. Ленин приехал 18 марта утром поездом из Цюриха и с вокзала направился прямо в рабочий клуб, где было много народа. Кроме нашей группы, его окружила группка швейцарцев во главе с «вождем» швейцарских с.-д. Полем Грюбером. Все обратили внимание на наше оживление. Подошел председатель рабочей кооперации Гейман и спросил: «Что это за пилот?» (В своем обтрепанном пальто и кепи Ленин произвел на него впечатление пилота.) На ответ товарища, что этот пилот еще высоко полетит, последовали возгласы: «Это Ленин!», «Неужели Ленин?» «Неужели?».

Идем в зал, народу много. В сборе находится вся русская колония,

¹ Herman Gorter: «Der Imperialismus, der Weltkrieg und die Sozialdemokratie». Есть русский перевод М. Ульяновой: Герман Гортер, «Империализм, мировая война и социал-демократия», Гиз 1919 год.

² Точного названия реферата не помню.

члены J. A. V. и члены нейшательской с.-д. организации. Немецкая группа присутствует во главе с секретарем этой организации—типичным швейцарским бюргером, идеалом политической ограниченности, любящим свои горы, долины, озера и свою демократию, знающим все о своей стране, но почти не имеющим представления о всем том, что творится за пределами Швейцарии.

До выступления Ильича на французском языке выступил Поль Грюбер; он говорил о 48 годе, об отдельных эпизодах Коммуны, говорил горячо, с пафосом, но бессодержательно. Ленин сидел в сторонке и, судя по выражению его лица, был очень недоволен выступлением Грюбера. На наш вопрос о выступлении Грюбера он пренебрежительно заметил: «Много фраз, горячая речь, история с картошкой и только».

Реферат свой Ленин читал по-немецки, по заранее написанному тексту. На наше предложение читать реферат не придерживаясь написанного, он никак не соглашался. Когда мы заявили, что, по сравнению с ним, мы немецкого языка почти не знаем и все-таки выступаем на собраниях Рабочего интернационального союза по-немецки и нас понимают,—Владимир Ильич наотрез отказался: «Вы,—заявил он,—можете, а я не буду», и весь свой реферат от начала до конца он читал по написанному тексту. Реферат был посвящен памяти Парижской коммуны.

Основным содержанием его была не история Парижской коммуны. Это—считал Ильич—аудитория знает. Он говорил о значении Коммуны, о том, как смотрели на Коммуну Маркс и Энгельс (произведения их он очень много цитировал). Много раз он подчеркивал, вдавливал, указывал на те ошибки, которые были допущены руководителями Коммуны, на те причины, которые способствовали ее поражению, и на те уроки, которые нужно из нее извлечь. Говорил о том, что главный нерв народного хозяйства—банки—были оставлены в руках буржуазии, что дома и дворцы остались в руках врага, а семьи, дети защитников баррикад—без крова, что восставшие сразу же изолировали себя, не связавшись с крестьянством и т. д. и т. п.

В конце же он с сугубой осторожностью анализировал события, которые происходят в России. Основная мысль этой части доклада, что *«началось!»*, что нам, последователям Маркса—Энгельса, русским большевикам, нужно полностью использовать опыт предшествовавших революций и в особенности опыт Коммуны для того, чтобы, избежав прежних ошибок, по-настоящему победить, вырвать власть из рук врага.

Рукопись своего реферата Ленин оставил у А. с тем, чтобы напечатать и издать этот реферат от имени J. A. V., но А. уехал, и, судя по тому, что рукопись до сих пор не напечатана, она, очевидно, затерялась.

Еще до реферата мы просили Ленина устроить с нами закрытое собеседование (только для русской политической эмиграции) по вопросам переживаемого момента и о перспективах русской революции. Он согласился на это с большой охотой. Собеседование мы договорились устроить вскоре после реферата с тем, чтобы Ильич в тот же день мог уехать

в Цюрих. После реферата мы на некоторое время остались в зале, обменявшись мнениями о прослушанном реферате. Характерно, что при одобрительных отзывах о теоретической глубине и содержательности доклада даже со стороны наших непримиримых врагов—российских оборонцев, швейцарские товарищи (нейштательский актив немецкой организации с.-д.) во главе со своим секретарем остались докладом недовольны и, наоборот, хвалили выступление Грюбера. Это приходится объяснить тем, что Ленин читал реферат, учитывая повышенный состав аудитории, между тем как актив нейштательской организации стоял по развитию на уровне своего секретаря (его характеристику см. выше). Поскольку же Маркс и Энгельс не были швейцарцами, постольку и знакомство с их учением было для них необязательным. Реферат этим бюргерам казался скучным и неинтересным.

Тут же, во время обмена мнениями по поводу реферата, Владимиру Ильичу показали в местной с.-д. газете «La Sentinelle» телеграмму, что в Москве, не дожидаясь Учредительного собрания, прокламирована демократическая республика. Он не поверил, говоря, что, по его мнению, это неправдоподобная газетная утка; но попросив открытку, он все же написал об этом в Берн (интересно было бы узнать об этой открытке у т. Шкловского или Зиновьева; у кого-нибудь из них она должна была бы сохраниться).

Собеседование политэмигрантов было устроено в помещении ЦК революционной организации молодежи Романской Швейцарии. Шодефонская организация молодежи и ее центральный орган (также находившийся в Шо-де-Фоне) почти с самого начала ее возникновения занимала революционную позицию, и у нас—одиночек-большевиков—с нею установились очень хорошие отношения. Мы в ней имели большое влияние и до прихода Эмбер Дро и при нем.¹ Наше собеседование с Лениным мы поэтому устроили у них в помещении, которое они для этого собрания предоставили нам с большой радостью. «Ведь к ним приехал,—говорили они,—Ленин!»

Состав этого собрания был, помнится, следующий. Наша группка—большевиков, состоявшая всего из 5 человек: Александра А., пишущего эти строки, 2-х братьев Рошаль (работают ныне в качестве рабочих в Москве) и «Темы» (Кимеля—до войны много лет был меньшевиком-плекановцем, примкнул к нам во время войны; в Питере одно время был руководителем каких-то музеев, погиб на юге в борьбе с контрреволюцией в 1918 г.); сочувствовавший нам эстонец Венцель, бежавший зимою во время войны по Финскому заливу из школы прапорщиков (впоследствии убит в Питере белогвардейцами, как руководитель красной гвардии); групп-

¹ Эмбер Дро был секретарем ЦК организации молодежи еще задолго до того, как он стал марксистом; вначале он был анархистом-христианином, не признающим насилия, и высказывался, конечно, против всяких восстаний и террора; затем он постепенно эволюционировал к нам, к марксистам. Сейчас же по приезде из Лондона он стал во главе руководства ЦК организации молодежи.

ка оборонцев (из них, трое—меньшевики, несколько эсеров-оборонцев, в том числе содержатель небольшой фабрики часов), 2 меньшевика-интернационалиста (один из них бундовец—Раков, которого мы в 1921 г. выслали из Минска в Среднюю Азию вместе с группой других меньшевиков за контрреволюционную работу), одна интернационалистка—«нашесловка», еще несколько человек и наконец трехлетний ребенок Мими, ныне уже комсомолка с многолетним пионерским стажем.

Собеседование началось еще до формального открытия собрания в ожидании, пока все придут. Быть может, в сотый раз начали спорить о войне, об оборонцах, о Временном правительстве и пр. Ильич сидит, внимательно прислушивается и сосредоточивается. Мы, по обыкновению, кроем, никого не жалея. Сначала, помнится, спор шел о том, есть ли для нас, для русского рабочего класса, разница между царским и гучковско-милюковским правительством? Наконец, кто-то предложил выбрать председателя. Мы предлагаем выбрать председателем собрания Ленина; кто-то поддерживает; оборонцы молчат. Ильич спрашивает: «А может быть, товарищи предложат другого?» (оборонца: ведь, их же было громадное большинство!). Мы настаиваем, оборонцы не возражают. Ленин председательствует. Бундовец Раков ставит вопрос, как смогут большевики прийти к власти, как мы эту власть удержим и как мы в России, в этой отсталой стране, дойдем до социализма. Один из нас начал отвечать, говоря, что в то время, как Временное правительство, все меньшевики и эсеры ведут и поддерживают войну, мы, большевики, боремся за мир... Но Раков и с ним еще кто-то прервали оратора, заявляя: «Я—ва мы достаточно слышали, мы хотим, чтобы ответил Ленин»,—и Владимир Ильич действительно ответил. Он начал с того вопроса, который задел Я—в.

«А я бы сказал, не за мир мы постоим, а за войну, за войну гражданскую» и, упершись взглядом в одну точку, весь сконцентрированный, весь ушедший в себя, Ленин—с перерывом на реплику в связи с плачем ребенка—продолжал говорить минут 25—30. Казалось, что перед нами величайший архитектор, строитель, защищает свой проект, свой план. Весь сосредоточенный, весь поглощенный, он, как бы не замечая аудитории, видя перед собой рабочий класс России, развернул перед нами свое творение, свое создание, свой труд, план своего нового, не бывшего еще в истории человечества советского государства, советского строя.

Говорил он, насколько помнится, о гучковско-милюковской власти, о том, что война, уменьшив значение кадрового офицерства, приблизила победу революции, что в стране имеется двоевластие, что ни буржуазия, ни мелкая буржуазия власти не удержат; что ни хлеба, ни земли, ни мира они народу не дадут, и власть неминуемо перейдет в наши руки; что когда мы власть возьмем, мы ее удержим; что нас поддержит европейская революция, что, если надо будет, мы не остановимся перед тем, чтобы повесить на фонарях Петербурга человек 800 буржуев и помещиков. Потом он говорил о методах строительства; много, очень много говорил он о трудовой повинности; говорил, что мы устроим 3 смены по 5 часов, что

то, что Европа делала машинами, нам первое время придется делать руками, и еще о многом, многом... Это был сгусток мыслей, выраженных во многих и многих последующих его трудах. Заканчивая, он добавляет: «Да... они не в силах будут дать народу ни землю, ни мир, а мы дадим и мир и землю через гражданскую войну». Кончил. Сидит с улыбкой, с ильичевским взглядом, сидит уверенный, могучий.

Это был первый раз в моей жизни, когда я так близко столкнулся с Владимиром Ильичом. От реформистских, оппортунистических, националистических и других иллюзий я уже давным давно освободился, регулярно читал и кажется неплохо усваивал идеи «Социал-Демократа» (органа ЦК РСДРП(б)), понял и полностью усвоил ленинское «пораженчество», агитировал и пропагандировал ленинский лозунг—превращение войны империалистской в войну гражданскую, сознательно дрался с меньшевиками и анархистами всех мастей. Но только тут, на этом собеседовании, на этом небольшом собрании я понял все и понял, чем является Ильич для революции, для рабочего класса. Все, о чем мы мечтали за годы войны, все приблизилось. Все то, что мучило, что еще было туманным, стало ясно. Вот он дает все в ясной форме, все до конца продумано, и чувствуешь, что это он—наш мозг, что это у него в голове все, чем живет пролетариат, что только он может отчетливо выразить все то, о чем смутно думает рабочий класс. Еще раз проверил свои мысли, еще раз убедился, что Ленин—сконцентрированный мозг пролетариата, его воля, энергия и живая мысль.

Времени до отхода поезда осталось мало. Владимир Ильич кое-что перекусил, ответил еще на несколько вопросов и поехал на вокзал, едва поспев к поезду. Уехал, оставив радость у группки революционеров и озадачив оборонцев-меньшевиков и эсеров, которые не в состоянии были понять, откуда у человека такая уверенность в победе.

После отъезда Ленина мы, по поручению тов. Карпинского (последнему это поручил Владимир Ильич), издали и распространили на французском языке прощальное письмо Ленина к швейцарским рабочим, где он говорил, что «...русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран... Объективные условия империалистской войны служат порукою в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция не ограничится Россией».¹

Уехал. А через несколько недель он уже в Петербурге читает—своим на удивление, а меньшевикам на страх—исторические апрельские тезисы о перспективах русской и международной революций, тезисы, некоторые положения которых мы имели счастье слушать 18 марта в Шо-де-Фоне.

Я. Быкин

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 68 и 70.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Я встречался с Лениным несколько раз и всегда по делам. Поскольку каждый раз я от него получал важные уроки (все их значение я осознал лишь позднее), я чувствую потребность поделиться своими воспоминаниями о нем и с другими товарищами.

Был 1905 год. В первых числах ноября в Финляндии происходила игра в генеральную забастовку. Эту забастовку, к сожалению, приходится называть игрой, так как она происходила без серьезных столкновений с силами царизма и задержала поэтому революционное развитие финляндского пролетариата и его партии.

После объявления забастовки оконченной мы—некоторые провинциальные деятели рабочего движения—собрались в одной из гостиниц в Гельсингфорсе. Мы обсуждали положение и собрались ехать каждый на свое место, когда к нам пришел Виктор Смирнов, лектор университета, говоривший по-шведски. С Смирновым был незнакомый человек, оказавшийся Лениным. Ленина мы тогда мало знали. Я с ним беседовал довольно долго. Говорили о забастовке, о социал-демократической партии и вообще о рабочем движении в Финляндии. Подробности разговора из памяти исчезли, но одно впечатление из беседы с ним осталось навсегда. Я чувствовал, что с этим человеком невозможно обойтись одними фразами. Он так ставил свои вопросы и так смотрел на своего собеседника, что ему приходилось рассказать все, как есть.

Он и с другими беседовал. И когда он позже жил пару недель у двух товарищей в Гельсингфорсе, он свои впечатления о них выявил в короткой фразе: «не настоящие социал-демократы»; это было совершенно правильной характеристикой вождей финляндского рабочего движения.

К сожалению, мы его критику тогда не вполне усвоили. Ни один из нас не стал большевиком. Было у нас более умеренное и радикальное крыло; мы были готовы к революционным действиям, ожидая, что Питер даст сигнал к выступлению. Но так как этого не было, мы не действовали и даже в дни Свеаборгского восстания (в июле 1906 г.), мы остались на полпути,—одоблив всеобщую забастовку в Гельсингфорсе, но не распространив ее по всей Финляндии и, главное, не приняв энергичных мер к тому, чтобы воспрепятствовать прибытию в Гельсингфорс верных царизму войск.

С дискуссиями в РСДРП мы немного ознакомились через газеты.

На Стокгольмском съезде представитель Финляндской социал-демократии высказался за большевистское предложение бойкота выборов в Госдуму (у нас тоже партия бойкотировала выборы в сословный сейм), но вопрос, к кому мы примыкаем—к большевикам или к меньшевикам, в нашей партии не был поставлен. Мы издали в это время перевод «Истории РСДРП» т. Лядова, но для «большевизации» нашей партии это особого значения, конечно, не имело.

В 1910 г. мы встретились с Лениным в Копенгагене на международном социалистическом конгрессе. Накануне открытия датская партия для прибывших товарищей устроила ужин в одной пригородной гостинице. Я сидел рядом с т. Лениным. Когда я получил от соседа графин с водкой, я налил себе и спросил: «Угодно Вам?»

— Моя партия не запрещала,—последовал ответ т. Ленина.

Не помню, выпил ли он рюмку, или нет. Это я забыл, но меня поразило его ответ. Откуда же он знает, думал я, что съезд финляндской с.-д. партии в 1906 действительно высказался за полное воздержание партийных деятелей от употребления алкогольных напитков, и почему он об этом напоминает? Только значительно позже я понял смысл замечания т. Ленина. Он хотел мне сказать: ты должен вспомнить решения своей партии и безоговорочно их выполнить. Тогда сознание необходимости строгой дисциплины было только у русских большевиков-ленинцев.

Помню, что во время Копенгагенского же конгресса Ленин раз задал мне вопрос, интересуюсь ли я философией. Он недавно издал свою книгу: «Материализм и эмпириокритицизм» и хотел узнать, какого мы о ней мнения. К сожалению, я не мог вступить в разговор на эту тему, так как «Материализм и эмпириокритицизм» читал только 10 лет спустя. У нас, в финляндской партии, не интересовались философскими вопросами; преобладала «практика». Это пренебрежение теорией отомстило за себя потом, в период революции. Вопрос товарища Ленина вызвал у меня чувство стыда: как будто он меня допрашивал: почему же вы не следите за важнейшими вопросами времени? Его книга против эмпириокритиков имела целью борьбу с идеологическим ядом, который во время реакции отравлял не только умы учащейся молодежи, но частью даже и сознание рабочих. Ленин был глубоко убежден в том, что только неуклонный и последовательный, диалектический материализм должен служить идеологической основой партии пролетариата.

Копенгагенский конгресс был одним из самых слабых конгрессов II Интернационала. У меня сложилось впечатление, что вожди социалистических партий большей частью были противниками марксизма, хоть очень редкие из них в этом сознались. На конгрессе не обсуждали вопроса, который тогда был самым жгучим в ряде передовых стран—вопроса о массовом движении; под этим названием в то время фактически подразумевалась революция, о которой по цензурным соображениям открыто нельзя было говорить. Когда угрожала «опасность», что будет принята

резолуция, внесенная Вайяном и Кэйр Гарди об объявлении, в случае возникновения войны, всеобщей забастовки, Вандервельде поспешил предложить оставить вопрос «для подготовки» Международному социалистическому бюро. Зато на такие вопросы, как кооперация, было затрачено много времени. Высказывался в комиссии по этому вопросу и Ленин. Я был в другой комиссии, и его выступления не слышал, но в личном разговоре со мной он к работе комиссии отнесся критически. Помню, например, как он критиковал выражение из внесенной резолюции «демократизация и социализация производства и обмена», которое связывалось с ролью кооперации в капиталистических странах.

Летом 1917 года мне несколько месяцев приходилось проживать в Стокгольме. У меня была задача представлять с.-д. партию Финляндии на международных совещаниях и в то же время пропагандировать идею независимости Финляндии. Представителями большевиков были Радек, Воровский и Ганецкий. Ясно стало, что только у них были определенная линия и сильные аргументы. Иногда мы встречались на совещаниях циммервальдистов.

Помню, что я как-то раз получил нелегальным путем шифрованное письмо из Финляндии, ключ к которому был во втором письме. Когда Радек прочитал небольшую записку, он обрадовался и заскакал по комнате.

«Ленин, он никогда не потеряет головы»,—сказал он.

Был период, когда после июльских дней Ленин жил в Гельсингфорсе и все время посылал руководящие письма товарищам в Россию и на Запад. Эти письма давали надлежащую линию на поворотах и служили для товарищей оживляющим толчком в их тяжелой работе. Я завидовал этим товарищам, имевшим такого вождя.

В середине октября я прибыл в Финляндию. Со мною приехала одна большевичка. На станции купили большевистскую газету, где была помещена статья Ленина «Кризис назрел». И опять я увидел в глазах товарища, что значил Ленин для «своих».

Октябрьская революция произошла в напряженное для Финляндии время. Новый сейм, где мы больше уже не были в большинстве, обсуждал проблему верховной власти в Финляндии (буржуазные партии предлагали директорию, мы предлагали непосредственным носителем верховной власти сделать сейм). Генерал-губернатор Некрасов уехал в Петроград за директивами Керенского, но не вернулся. Октябрьская революция смела прочь всякого рода «губернаторов». В Финляндии вспыхнула всеобщая забастовка, которую революционные пролетарии поняли как начало пролетарской революции.

Меня еще с одним товарищем отправили в Петроград с приветствием правительству. По грязным улицам мы шли в Смольный. Слышно было, как с Гатчинской стороны гремели пушки. Смольный был укреплен орудиями и пулеметами. Тщательно проверялись документы. Зал Совнаркома представлял оригинальный вид. Нигде я не видал такой коллекции

различных стульев. Ленин вместе со Сталиным находился в «кабинете» (небольшая комната, где за перегородкой видны были примитивные постели).

— Нет,—сказал Ленин,—поздравления пока преждевременны, Керенский еще не побежден.

И он начал говорить о делах:

— Как у вас? Будете брать власть?

Мы ответили, что захват власти принципиально решен... (позже оказалось, что власти мы не захватили—сдрейфили). Потом говорили о возможности получения продуктов (масла, молока и пр.) из Финляндии. Простились и вернулись домой.

Из книги Линдгагена, бургомистра Стокгольма, о его поездке в Россию я уже позже узнал, что Ленин спустя несколько недель с резкой критикой отозвался о руководителях рабочего движения Финляндии.

Белые писатели утверждают, будто революция в Финляндии (в январе 1918 года) была «решена» в Петрограде и проведена финскими «большевиками». К сожалению, мы не были большевиками; если бы мы ими были, мы бы лучше руководили революцией. Гражданская война в Финляндии была начата белыми, и рабочий класс очутился в оборонительном положении (по Марксу это губительно для революции).

Несколько раз мы во время нашей революции были у Ленина, но времени для принципиальных разговоров не было. Говорили только о делах. Переговоры о договоре между обоими красными правительствами велись товарищем Гюллингом. Я в них не участвовал. В связи с этим вопросом Ленину приходилось бороться как против великорусского, так и против финского шовинизма.

После поражения, когда мы очутились в Петрограде, т. Ленин уже был в Москве. «Как дела у финских товарищей, станут ли они коммунистами»,—такие вопросы он задавал финско-русским рабочим—большевикам. Летом 1918 г. мы с т. Куусинен могли ему сообщить, что мы намерены создать коммунистическую партию. Мы обсуждали проблемы организующейся партии, и в дальнейшем он всегда помогал нам советом и делом.

В конце августа у нас был учредительный съезд Финляндской коммунистической партии, мы ждали приезда Ленина к нам. Но в тот же день произошло покушение на его жизнь. Когда мы получили известие о происшедшем, мы решили послать ему приветствие в форме открытого письма. Через несколько дней мы приняли составленный т. Куусинен проект документа, в котором после резкой критики наших ошибок был освещен опыт финляндской революции и даны те принципы, которые были положены в основу работы нашей партии. Мы признали, что прав был Ленин, когда он осенью 1917 г. призвал финских товарищей к захвату власти, и выражали желание еще долго видеть его во главе революционного движения пролетариата и трудящихся всего мира. Те-

перь он стал для нас дорогим вождем, каждое слово которого открывало нам новые горизонты.

Снова мы встретились на учредительном съезде Коминтерна в 1919 г. Как странно, что еще в 1915 г. Циммервальдская левая охватывала только 4—5 групп, и кроме большевиков едва ли какие-либо другие представители этих групп были настоящими марксистами, что только спустя год с лишним после Октябрьской революции могла быть организована международная конференция единомышленников Ленина. Затруднения по созыву I конгресса были не только технические (хотя и эти затруднения были довольно велики). Главным препятствием являлось то, что на Западе не было достаточного количества отдельных товарищей и целых групп, которые хотя бы немного были подготовлены теоретически и организованию. Тогда в марте 1919 г. нас собралась небольшая группа, но так как представитель германской партии колебался, Ленин серьезно задумался над вопросом, можно ли уже немедленно поставить вопрос о создании коммунистического интернационала. Конференция все-таки объявила себя учредительным съездом Коминтерна, и скоро стало ясным, что это решение было правильным.

Мы жили в каких-то пустых комнатах,—говорили, что это были бывшие помещения великих князей. Находились там прибывшие из-за границы (из Германии, Норвегии, Швеции, Австрии, Голландии) товарищи, которые уже некоторое время жили в России как эмигранты. Все они были «левые», на различных стадиях «большевизации». Все они называли себя коммунистами. Но вряд ли они давали себе полный отчет о том, что собою этот коммунизм представляет. Нас посещали многие деятели российской революции, они давали нам объяснения по отдельным вопросам и сами отвечали на наши вопросы.

В один из вечеров к нам пришел т. Ленин. Пил чай и разговаривал о разных вещах. Скоро он ударил по больному месту: как с крестьянским вопросом? Ответы были неопределенные. Стало ясно, что об этом раньше недостаточно думали. Все чувствовали—как это обыкновенно бывало при беседах с ним,—что вопросы его поставлены так, что мы должны на них уметь ответить. Но ответить как следует мы не смогли. Он поручил нам дать ему короткие письменные объяснения, в каком состоянии находится аграрный вопрос в наших странах, и какие там встают задачи и проблемы в этой области. Каждый из нас решил про себя тщательно изучить этот вопрос.

Один из наших переводчиков пришел однажды вечером домой и с восторгом показал тезисы, которые он получил для перевода. «Старик» их писал в предыдущую ночь. Это были знаменитые тезисы «о буржуазной демократии и о пролетарской диктатуре», которые стали одним из основных документов Коминтерна.

10 апреля 1920 г. Ленину исполнилось пятьдесят лет. За несколько дней перед этим была партконференция, и близкие товарищи решили его немножко «чествовать». Заседание приближалось к концу, и слово дали

т. Преображенскому, который об этом чествовании известил собрание. Но когда Каменев начал свою речь, кто-то из канцелярии принес Ленину бумаги. Несмотря на возгласы «просим», «просим», он указал на бумаги и сказав: «дела»!—ушел. Когда дела требовали, никто и ничто его не могло удержать. Каменеву пришлось заявить: «Пусть уходит, легче говорить о нем». Раздался смех. Когда краткие речи были окончены, т. Ленин возвращается в зал и просит слово. Его встречают аплодисментами. Но он вносит деловое предложение о переводе одного из кандидатов ЦК в члены. В конце концов его невозможно было чествовать. Он не стеснялся и не отговаривался, но он себя вел таким образом, что «торжества» не получилось.

Весной этого же года из Стокгольма приехал т. Гюллинг по делам о создании Карельской автономной республики. Мы были у Ленина, он нас очень подробно расспрашивал, что мы знаем о Карелии, и что мы предлагаем в отношении нее провести.

— Вы верите, что это дело пойдет?

Я признался, что у меня есть сомнения: мало рабочих, национального же пролетариата вообще нет. Мало работников. Но т. Гюллинг верил и был готов приняться за дело. Он был уверен в том, что автономия будет служить толчком для рабочих и крестьян Карелии и возбудит их к усиленной деятельности за культуру и советскую власть. Тов. Ленин внимательно слушал. Он видел человека, у которого есть положительная идея и который готов работать для ее осуществления. Таким товарищам надо дать возможность себя проявить. И через несколько дней, в течение которых дело всесторонне разбиралось, у товарища Гюллинга было на руках постановление президиума ВЦИКа о создании Карельской трудовой коммуны. Он уехал на место работы, и скоро стало ясным, что идея осуществления Карельской автономии была правильна.

Я был у т. Ленина, когда только что было сломано острие денкинского наступления. Он получил сведения об этом по телефону. Когда раздался сигнал, он взял карту, развернул ее и с интересом принял сообщение о продвижении нашей конницы. Показав мне на карте соответствующие места, он кратко передал последние новости. Видно было, как зорко он следил за событиями и как тщательно проверял выполнение задания. Потом он стал спрашивать, как идет изучение опыта Финляндской революции; хотел знать, что писал о ней шведский полковник Ялмарсон, который служил в белой армии. Я кратко передал.

— А по-немецки имеется что-нибудь?

— Да, писал свои мемуары и граф фон-дер Гольц, командующий немецкими войсками в Финляндии.

Тов. Ленин высказал пожелание ознакомиться с этой книгой; я ее приобрел для него. Так подробно знакомился он с опытом гражданской войны. Непонятно только, как он находил на все это время.

Очень характерный случай был как-то раз, когда, в самое тяжелое время, я опять находился в его кабинете. Телефон звонил почти беспре-

рывно—позже звонок был заменен электрической лампочкой. Говорили о топливе; я слышал только ответы т. Ленина. Черты его лица становились строгими. Он диктовал кратко, как будто издавал декрет или приказ.

— Задание должно быть выполнено полностью. Без вознаграждения. Не можем сейчас.

Эти краткие приказания закаляли волю какого-то колеблющегося комиссара. Только Ленин был в состоянии требовать сверхчеловеческого напряжения. Так, и только так, была спасена великая революция.

Последний раз я видел т. Ленина осенью 1921 г., он вызвал меня к себе, чтобы узнать о тех американцах—финах, которые были во главе концессии Кузбасса, и о тех, которые их рекомендовали. Никогда не забуду его взгляда, когда он закрыл один глаз, кажется левый, и другим пронизывал меня. Я чувствовал, что лучше говорить о делах так, как они есть. Казалось, если не все говоришь, он все-таки то, что ему нужно, узнает. Он подчеркивал, что дело очень важное и что на это потрачено много средств. Необходимо, чтобы люди, которым мы доверяем это дело, были вполне надежные.

Потом мы говорили о высказываниях Маркса и Энгельса по вопросам диктатуры пролетариата и революции. Некоторые из них в его книге «Государство и революция» не освещены. Я хотел узнать его мнение о них. Он наметил высказывания, которые следовало бы еще прокомментировать. На этом и закончилась моя, к сожалению, последняя беседа с т. Лениным.

Ю. Сирола

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

В яркое морозное утро 26 октября 1893 г. я приехала в Питер. Наконец-то сбылось то, к чему я стремилась в течение многих лет. Я— в Питере, на Высших курсах. И это не сон. Сердце билось от радости, я прямо не верила своему громадному счастью... На вокзале меня весело встретила сестра Зина.¹ Поехали на Васильевский Остров, на Малый Проспект. Зина жила со своей однокурсницей—Аполлиной Якубовой. Чудесный была человек Аполлинария. Умница, стойкая, решительная, необыкновенно правдивая. Неискренность была совершенно чужда ее кристально-чистой натуре. Работала она страшно настойчиво и упорно. Она была одной из лучших учительниц в воскресной школе для рабочих за Невской заставой (вместе с Н. К. Крупской, Л. М. Книпович и др.). Она выбирала оттуда рабочих для кружков по революционной пропаганде. Позднее она же была одним из самых деятельных преданных членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с его основания. Широкая в плечах, с крепко посаженной русой головой, с небольшими блестящими карими глазами и ярким румянцем—она казалась олицетворением здоровья. От нее так и пахло свежестью полевых трав. Мы звали ее «черноземной силой». Умерла она безвременно от туберкулеза в мае 1914 г.

Хотя Аполлинария с моим приездом ушла жить на другую квартиру (комната у сестры была небольшая), но мы все трое были постоянно вместе. Вошла я на Высшие курсы, как в какое-то святилище, ожидая получить ответ на все те вопросы, которых так много было в голове. Но, конечно, все ценное и лучшее получила я не от курсов. Передо мной болезненно ярко выступили все недочеты в моих знаниях. Работать, читать, учиться целые дни—вот, что я должна делать прежде всего. Я прекрасно видела, как далеко в своем развитии ушли от меня Зина и Аполлинария, которые были уже на последнем курсе. Три года питерской жизни очень развили их во всех отношениях. Я же все эти годы прожила в глухой провинции, где не было ни надлежащих книг, ни авторитетного руководства, и я чувствовала себя совершенно дичком.

В начале ноября, недели через две после моего приезда, Зина объявила мне, что в комнате у нас вечером будет очень интересное собрание.

¹ Зинаида Павловна Невзорова-Кржижановская.

Придут знакомые технологи, о которых я слышала от сестры и Аполлинарии, а с некоторыми уже и познакомилась. С ними должен притти и недавно приехавший из Самары В. И. Ульянов, очень умный, необыкновенно образованный человек. Так все тогда говорили о нем. Будут читать статью о рынках, написанную Германом Красиным. Вопрос о рынках очень интересовал тогда всех молодых марксистов в Питере.

С того вечера прошло уже 36 лет, но как сейчас помню нашу небольшую в одно окно длинную комнатку с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит этот новый интересный человек. Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года. Свет лампы освещает его большой, крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг значительной уже лысины, худощавое лицо с небольшой бородкой. Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные: всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, чернобровый и черноглазый Мальченко, высокий красивый П. Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижной Сильвин. На кровати сидят Зина и Апполинария, а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий с большим лбом Герман Красин. В стороне на столике шумит самовар, стоят стаканы, хлеб, масло. Хозяйничаю я. Владимир Ильич кончил читать. Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, возражают Старков, Ванеев и др. В. И. молчит, внимательно слушает, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец он берет слово, и сразу наступает тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как В. И. опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему. Не помню сейчас его доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их. Я видела тогда В. И. первый раз в жизни. И сразу он принес с собой что-то яркое, живое, новое, неотразимое. Я, дикая провинциалка, была прямо потрясена этим вечером. Целый вихрь мыслей кружился в голове. И так живо и ясно встает в памяти вся картина этого вечера. Как будто вчера, а не 36 лет назад стоял В. И. в нашей комнате в своем черном с мерлушковым воротником пальто. Слегка сгорбившись и надвигая поглубже мерлушковую шапку на уши, он так заразительно молодо смеялся и шутил, уходя одним из последних из нашей комнаты.

Воспоминания встают отдельными яркими картинами...

Вот второй год моей жизни и занятий на курсах—1894/95 год. В этот год, как и всегда, денег у меня было очень мало, поэтому я поселилась с одной своей однокурсницей в бесплатной маленькой комнате Анненского отделения¹ в громадном доме, в одной из Измайловских рот.

¹ Это был громадный дом, занятый сплошь всевозможными благотворительными учреждениями. В одном из этажей часть комнат были отданы под бесплатное общежитие курсисткам из всех учебных заведений Питера, главным образом слушательницам акушерских и фельдшерских курсов.

Это было очень далеко от Васильевского Острова. Приходилось тратить массу времени и сил на переход пешком на курсы. Поэтому я в эту осень главным образом работала в Публичной библиотеке, которая была гораздо ближе от меня. Сидела я в библиотеке обыкновенно целыми днями вплоть до ее закрытия. Уходила с тяжелой усталой головой, голодная, но очень довольная и удовлетворенная: первый раз в жизни я так много работала для себя. Очень часто видела я здесь Владимира Ильича, который, окружив себя целой горой книг, много и усердно читал и главным образом писал. Из-за груды книг, бывало, виднелась только его голова, с большим прекрасным лбом. Иногда мы с ним вместе возвращались из библиотеки: нам было по пути, он жил в Казачьем переулке недалеко от Измайловских рот. Помню, раз мы бежим быстро по Невскому, мимо Анничкина Дворца. Это было в начале декабря. Он прищурил свои острые блестящие глаза, посмотрел на дворец и весело, шутливо смеясь, говорит: «вот бы сюда хороший апельсинчик бросить!»

Подходили рождественские каникулы—я с Ваневым (кличка его была «Минин») собиралась ехать на целый месяц в Нижний. Перед самым отъездом я себя чувствовала не совсем хорошо, и наш курсовой врач прописал мне аспирин. В аптеке, очевидно, перепутали лекарство: вместо аспирина мне отпустили атропин. Ничего не подозревая, я приняла порошок и со мной сделалось скверно. Напугала я очень всех живущих со мной курсисток, которые притащили ко мне нескольких врачей постановивших немедленно отправить меня на длительный отдых, плюс усиленное питание. И вот на другой день после посещения врачей сижу я в своей маленькой комнате, завернувшись в теплый платок. Сил совсем еще мало. Вдруг отворяется дверь и входит В. И.,—я была прямо поражена. А он берет стул, садится рядом со мной и так хорошо и тепло расспрашивает меня о моем здоровье, о моем самочувствии, о моей поездке в Нижний. До сих пор так ясно помню его милое, ласковое лицо. Глубоко тронуло меня его товарищеское внимание. Он тогда много работал, был очень занят и все-таки нашел минуту забежать к больному товарищу.

Воспоминания бегут дальше... Так как кружок наш работал нелегально, то из-за полицейских соображений группами не сходились, но решено было хоть разок собраться всем вместе и молодо, весело провести вечер. Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький трактирчик, где можно было остановиться, попить и поесть. Были предприняты всевозможные предосторожности. Выехали с различных вокзалов и различными путями. Но тем не менее об этой поездке стало известно в жандармском управлении и впоследствии многих из нас допрашивали о ней. В большой отдельной комнате трактира веселой гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, вернулись опять в комнату, пели, плясали русскую и казачка. Особенно мастерски плясал Петр Запорожец, а около него меланхолично, но старательно выплясывал Мих. Названов. Владимир Ильич был очень весел,

шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор. На вейках и по жел. дороге небольшими группами вернулись мы все обратно в Питер. Было морозно, снежно, небо усыпано звездами. Молодо и бодро чувствовали мы себя все тогда!

Вскоре после этой нашей веселой поездки, а именно в марте месяце Владимир Ильич захворал воспалением легких в тяжелой форме. За ним (пока не приехала его мать Мария Александровна) некому было ухаживать. И вот мы, по очереди, забегали к нему и делали все нужное: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами и т. д. И все спешили сделать ему что-нибудь приятное. За полтора года, которые он прожил в Питере, все так искренно полюбили и ценили его. Да иначе и быть не могло.

Едва поправившись, еще сидя в кровати, он ни одной минуты не терял даром: все время читал и писал. Мне помнится, он тогда читал III том К. Маркса.

Ко всем этим крохотным отрывкам хочется прибавить еще один наиболее ярко сохранившийся в памяти момент. Конец мая 1900 г. Владимир Ильич кончил срок своей ссылки в Сибири, вернулся в Россию и некоторое время жил под Москвою в Подольске со своей семьей. Я в это время жила под гласным надзором в Боброве—глухом скверном городишке Воронежской губернии. Я только что встала с постели: перенесла жестокую родильную горячку после второго ребенка. И вот получается телеграмма от В. И. с приглашением приехать поскорее в Подольск. Я с мужем тотчас собралась и в первых числах июня была уже в Подольске, в небольшом домике, в котором тогда жила Мария Александровна с дочерьми Анной и Марией.

Владимир Ильич встретил нас бодрый, жизнерадостный, полный планов. Пробыли мы в Подольске полтора дня. Весь первый день прошел в жарком споре по поводу «Рабочего дела». Рабочедельцы тогда очень энергично снабжали своей литературой главным образом провинцию, и мы, находясь в центре такой черноземной крестьянской губернии, как Воронежская, за неимением другой литературы широко пользовались ею. Владимир Ильич жестоко разбил уклонения и ошибки рабочедельцев. Расстались дружески. Решено было принять участие в органе, который предполагал организовать Владимир Ильич. Для этой будущей большой работы он и стягивал к себе со всех концов России прежних своих товарищей.¹

Как сейчас помню наше прощание. Чудный жаркий июньский день. Владимир Ильич и муж только что выкупались в реке. Мы стоим в маленьком садике перед домом. Владимир Ильич, заложив руки в карманы, и пронизывая своими зоркими глазами нас обоих, дает нам свои поручения в Нижний. Дело в том, что из Подольска я с мужем решили ехать в Нижний повидаться со своей матерью, а Владимир Ильич должен был

¹ Об этом нашем свидании с Владимиром Ильичом в Подольске упоминала как-то Анна Ильинична в одном из своих воспоминаний о Владимире Ильиче.

ехать по Волге и дальше, кажется, для свидания с Надеждой Константиновной, которая, не окончив еще срок своей ссылки, жила в это время в Уфе. Владимир Ильич просил нас до его приезда в Нижний повидать по возможности всех проживавших там товарищей и устроить ему свидание с ними. Через несколько дней после нашего отъезда из Подольска приехал в Нижний и Владимир Ильич вместе с Анной Ильичиной. Собрание с нижегородцами состоялось в квартире моей матери на Полевой ул. в д. Пятова. И нижегородцы впоследствии были одни из первых аккуратных и постоянных сотруди́ков «Искры».

В своих воспоминаниях я не описываю социал-демократическую работу Владимира Ильича в Питере 90-х годов. Об этом за последнее время много ценного написано и сказано другими товарищами.

Моя страничка воспоминаний—только маленькая деталь к чудесному образу этого великого человека, необыкновенно дорогого для всех, кто его знал.

С. Невзоро́ва-Шестернина

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА-БОЕВИКА

К десятилетию со дня смерти т. П. К. Штернберга (22/III 1865 г.—
31/I 1920 г.

«Революция—вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся». К этой чеканной формуле, так ярко выражающей в немногих словах исполинскую силу революции, надо прибавить еще несколько слов для того, чтобы до конца передать всю глубину мысли, вложенной в это изречение; надо сказать: «и увлекающий за собою все живое». Именно этой непреодолимой, стихийной силой революции пролетариата и глубочайшей социальной справедливостью борьбы рабочего класса, захватывающей каждого человека, способного глубоко и последовательно мыслить и не связанного непосредственно с эксплуатацией трудящихся, можно объяснить себе, почему так, казалось бы внезапно превращаются в революционеров-большевиков такие люди, как покойный т. Штернберг.

Не молодым, увлекающимся юношей вошел он в ряды партии рабочего класса и не случайным гостем оказался он в ней. Он пришел к коммунизму сорокалетним, вполне сложившимся человеком. Более того: он был к этому времени уже определившимся ученым и притом не ремесленником от науки, а настоящим ученым, который мог сказать свое собственное слово в избранной им области. Более чем полтора десятка лет отдал он уже к этому времени научной работе, и не как профессии, дававшей достаточный заработок, а как делу жизни, захватившему его безраздельно. Что это было именно так, об этом говорят его письма, относящиеся ко временам студенчества и к первым годам после окончания университета.

Восемнадцатилетним юношей в 1883 г. он поступил в университет и уже в декабре 1883 г. он занимается в обсерватории и ведет наблюдения под открытым небом. И в том же декабре известный астроном Бредихин дает ему первое поручение, чтобы «проверить, годится ли он в астрономы». А летом 1884 г., он, только что перешедши на второй курс, так проводит свои каникулы: встает в 6 часов утра; наблюдает с 9 ч. утра до 8 ч. вечера, а вечером до часу ночи приводит в порядок наблюдения и делает вычисления. Он не чувствует потребности ни в каких развлечениях; лишь два-три раза в неделю он в течение двух часов играет в студенческом оркестре на кларнете. Точно так же и после окончания

П. К. ШТЕРНБЕРГ

1865 — 1920

университета научная работа является главным содержанием его жизни. От нее он урывает лишь минимальное необходимое время для преподавательской деятельности и редкие часы для музыки и шахмат. К 1905 г. его жизненный путь совершенно определился. Наука—вот дело, которому он служит, во имя которого он живет. После некоторых исканий он определяет основной предмет своей научной деятельности; он работает над применением фотографии к точным измерениям в астрономии.

Как далеко от земли и человечества, от его страданий и его борьбы уводит Павла Карловича его научная работа! Над двойными звездами и законами их движения, над туманностями и новыми звездами, над вопросами силы тяжести на земном шаре—вот над чем работал его мозг. И если тем не менее он не походил на человека не от мира сего, то это объясняется тем, что он происходил из немецкой семьи, у которой за плечами стоял длинный ряд поколений ремесленников, и в которой поэтому ручной труд был всегда в большом почете. Еще дед его был мастером по лакировке кож, а отец прошел годы ремесленного ученичества как москательщик, хотя и сделался впоследствии подрядчиком по поставке строительных материалов; дома же он постоянно занимался ручным трудом. Поэтому и Павел Карлович, избравший своей специальностью отвлеченнейшую из наук, с большой охотой спускался всегда в обсерваторские мастерские и работал на токарном или сверлильном станке или обстругивал какую-либо деревянную часть для подставки к какому-либо измерительному инструменту. Пальцы его с одинаковым успехом умели владеть напильником и натягивать тончайшие нити микрометра, а в свободную минуту бегали по клавишам рояля: музыкальные способности были также отличительным свойством этой немецкой семьи, передававшимся по наследству. Если к этому добавить необычайную доброту и мягкость характера при большой физической силе, всегда веселый нрав и склонность к добродушному подтруниванию, то фигура ученого астронома, каким был П. К. Штернберг к началу первой русской революции, может считаться совершенно законченной. Весной 1905 г. он получил от университета научную командировку за границу и уехал из России на полгода.

Кому в этот момент пришло бы в голову, что этот мирный ученый, все мысли которого были направлены к звездам, вернется непримиримым революционером, страшным большевиком?! Как над сумасшедшим смеялись бы над тем, кто вздумал бы предсказать, что этот веселый, добродушный, насквозь мирный человек возьмет на себя в партии работу по технической подготовке вооруженного восстания; что он, рискуя виселицей, будет вести эту работу даже в пору начинающейся реакции; что он будет одним из главных организаторов Красной гвардии в Москве, будет руководить боевыми действиями рабочих отрядов на одном из ответственных участков московского вооруженного восстания 1917 г. и что он умрет комиссаром Красной армии первой республики труда!

Преобразование действительно почти невероятное. Но в революцион-

ные эпохи невозможное становится возможным и невероятное делается фактом действительности, которая превосходит всякое воображение.

Однако и за границу т. Штернберг уехал не таким уже безучастным к вопросам общественно-политической жизни, как это могло бы показаться поверхностному наблюдателю. Уже в 1904 г., под влиянием событий японской войны, разрастающегося рабочего движения и все выше и выше поднимающейся революционной волны, он начинает интересоваться вопросами революционного движения. Но политические взгляды его в эту пору еще очень неопределенны. Он, вероятно, даже нетвердо разбирается и в отличиях между революционными партиями. Зимой 1904—1905 годов он в силу ряда случайностей сближается с группой учащихся социал-демократов. Но не только их влияние сыграло роль в определении их политических симпатий. Научность и строгая последовательность мировоззрения социал-демократической партии в отличие от беспомощного эклектизма и простого революционного восторга социалистов-революционеров оказали решающее влияние на его математический, воспитанный на точных науках ум. Это обстоятельство в особенности сказалось за границей во время научной командировки, когда, не обремененный преподавательской деятельностью, он мог свободное от научных занятий по астрономии время отдавать изучению марксизма и в первую очередь «Капитала», «Капитал» покорила его математическую голову. За этой книгой он понял, что революционная работа это не занятие праздных людей, потерпевших неудачи в полезной деятельности, как считалось общепринятым думать в ученой среде, в которой он вращался. Он понял, что это есть применение глубоко продуманной научной теории к практической деятельности по освобождению трудящегося человечества от рабства, бессмысленного тяжелого труда, от нищеты и страданий.

За границей же он ознакомился со всей основной марксистской литературой и внимательно следил за революционной печатью. Октябрьские дни и последующие события 1905 г. он провел также за границей и следил за ними по революционной прессе. При первых известиях о вооруженном восстании в Москве он двинулся в Россию и приехал в Москву непосредственно после разгрома восстания, когда на улицах стояли патрули, обыскивавшие прохожих, а по вечерам было темно и кое-где постреливали. Он приехал определившимся социал-демократом — это бесспорно. Но кем: большевиком или меньшевиком? По имеющимся материалам и на основании воспоминаний ответить на этот вопрос в данный момент затруднительно: одно несомненно: сохранившиеся в Москве остатки той группы учащихся социал-демократов, с которой он был связан год назад, привели его к большевистской организации.

Вопрос о характере работы, которую он мог бы выполнять в организации, несомненно был очень трудным не только для него, но и для руководящих товарищей. Для него выбор работы был труден потому, что он любил всякую работу, за которую брался, выполнять тщательно, добросовестно и со знанием дела. Поэтому он не решался взяться ни

за агитационно-пропагандистскую, ни за лекторскую работу: свои знания в области общественно-политических вопросов он считал совершенно недостаточными. Для него было ясно также, что для быстрого пополнения их у него не будет времени. Поэтому он решил остановиться на работе организационно-технической. Не менее труден был этот вопрос и для секретаря Московского комитета, который должен был дать ему подходящую работу и которым в то время, если память не изменяет, был Таратута («Виктор»). Не только с точки зрения существа дела, но и с внешней стороны его нелегко было разрешить: наружность у этого человека была слишком примечательна и его нужно было использовать так, чтобы он благодаря своей внешности не провалился. Виктор решил направить его в рабочие районы. Но там его внешность немедленно обратила бы на себя внимание шпиков. Для первого раза ему дали работу в финансовой комиссии МК; вскоре он был уже представителем большевиков в Красном кресте. Однако эта работа его не удовлетворяла: он считал, что он может сделать больше для партии. И вот весной 1906 г. он связывается также с работой Московского военно-технического бюро. Он еще не порывает с финансовой комиссией и выполняет и ряд других поручений МК, но он считает, что настоящим его делом является военно-техническая работа. Для нее у него достаточно знаний и ее он может выполнить вполне удовлетворительно. С этой работой он остается связанным все время вплоть до зимы 1907—1908 г., когда было постановлено ликвидировать военно-техническое бюро при МК. К этой же работе он возвращается вновь в 1917 г. немедленно после Февральской революции.

Ни личные воспоминания, ни имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы не освещают одинаково всех участков этой его работы. Так, например, совершенно неосвещенным оказывается 1906 г. Известно, что с весны 1906 г. он уже был связан с деятельностью Московского военно-технического бюро, известно, что именно к этому периоду относится начало его знакомства с одним из организаторов военно-боевой работы в Москве—Вычегодским. Но в настоящий момент невозможно установить, что он там делал, какую работу выполнял в 1906 г.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что материалы его биографии за период 1906—1908 и 1917 гг. являются прекрасной иллюстрацией к вопросу об отношении партии большевиков к вооруженному восстанию. Всем известно, что вопрос об отношении к вооруженному восстанию был одним из основных разногласий между нашей партией и меньшевиками. Начало этих разногласий относится еще к III съезду нашей партии, параллельно которому работала «конференция» меньшевиков. Но наибольшую остроту они получили после московского вооруженного восстания. По-разному отнеслись к этому событию большевики и меньшевики и разные выводы они из него сделали. Меньшевики пришли к выводу, что «не нужно было браться за оружие» (выражение Плеханова) и что «бороться против современного войска нельзя, нужно, чтоб войско стало революционно» (этими словами характеризует меньшевист-

скую точку зрения т. Ленин в своей статье «Уроки московского восстания»). Диаметралью противоположно было отношение нашей партии. Вопрос о переходе к вооруженному восстанию наша партия рассматривала не как вопрос технический: «нужно» или «не нужно братья за оружие», а как вопрос огромной политической важности. Смысл его заключался в том, что к декабрю революция прошла уже все исторически-неизбежные этапы, что все выдвинутые ею ранее формы массовой борьбы (демонстрации и всеобщая стачка) изжили себя и начали стихийно перерастать в высшую форму борьбы, в восстание. Этим и объясняется то обстоятельство, что перехода к вооруженной борьбе на предшествовавшей восстанию московской городской конференции нашей партии требовали именно представители рабочих ячеек. «Перемену в объективных условиях борьбы, требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители».¹ Но, прибавляет т. Ленин,—«практика, как и всегда, шла впереди теории», и наша партия оказалась неподготовленной к руководству вооруженной борьбой. Она не сумела вовлечь всю массу в активные действия... У нее не было, да и не могло, конечно, быть разработанной тактики партизанской войны. Только практический опыт, опыт московского восстания мог дать необходимый материал для такой разработки. Поэтому-то важнейшей задачей дня было не отмахнуться от этого опыта, как, в сущности, и делали меньшевики своей постановкой вопроса о восстании, а извлечь из него действительные уроки, могущие подготовить партию к повторению его. В той же своей статье Ленин так формулировал важность этой задачи: «Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему,—того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции».² Практический вывод, который партия сделала из уроков декабрьского восстания, заключался в том, что она поставила себе задачей выработку тактики и организацию сил для восстания. Она признала необходимой организацию из членов партии мелких боевых отрядов: десятков, пятков и троек, обучение их уменью владеть оружием, тактике уличного боя и уменью в нужный момент превращаться в руководителей боевых действий самой массы. В своей цитированной выше статье Ленин ставит перед партией еще более сложную техническую задачу: «воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями».³ Эта тактика большевистской партии шла навстречу стихийной тяге масс к вооружению и стремилась организационно

¹ Ленин. «Уроки московского восстания». Цитируется по сборнику «Пятый год» Гиз. 1926 г., стр. 433.

² Там же, стр. 435.

³ Там же, стр. 436.

оформить ее, а отнюдь не была выдумкой заговорщиков, как это утверждали меньшевики.

Что же касается войска и его роли в восстании, то и в этом вопросе наша партия резко критиковала меньшевистскую точку зрения, ибо эта точка зрения обрекала партию на пассивность, на бездействие. Партия выдвигала задачу не простой работы в войсках, которая подразумевалась сама собой, а борьбы за войско. Эту борьбу за войско партия должна вести в процессе восстания, используя в этой борьбе его колебания. Но именно в этом вопросе партийная организация в Москве сделала одну из основных своих ошибок, не сумев достаточно развить этой борьбы и позволив правительству опередить себя в этом отношении.

Анализ опыта московского восстания заставил партию поставить перед собой, как непосредственную практическую задачу, организацию технической подготовки к восстанию. И вот то, что можно рассказать о работе П. К. Штернберга за указанный выше период, блестяще доказывает, что в устах партии это не было пустой фразой, моментом теоретического разногласия со своими политическими противниками, что она не только сформулировала, но и фактически приступила к разрешению этой задачи. Работа Штернберга показывает также, что практическая работа партии по технической подготовке к восстанию была настолько основательна, что этого трудно было ожидать от подпольной организации. [Маркс писал, что восстание есть искусство.] После декабрьского восстания Ленин усиленно напоминал об этом забытом оппортунистами определении Маркса. А партия в своей практической работе доказала, что она может научить свои кадры овладеть этим искусством.

Нужно признать, что этот участок партийной работы, военно-техническая деятельность партийных организаций, до сих пор еще ждет своего историка. Здесь у нас очень большой пробел, ибо работа большевиков по технической подготовке восстания представляет собой неотъемлемую и притом чрезвычайно ответственную часть революционной деятельности нашей партии, и на опыте этой работы могли бы и должны были бы учиться коммунистические партии других стран. Этот материал должен быть во что бы то ни стало систематизирован в самом непродолжительном времени. Эти страницы партийной истории должны быть во что бы то ни стало освещены научно-историческим исследованием, ибо они доказывают, что в споре со своими противниками наша партия оказалась права и в этом вопросе и что восстание есть действительно искусство и что партия, желающая победить, должна научиться им владеть. Биография П. К. Штернберга, конечно, не может считаться даже и попыткой такого исследования. Надо лишь надеяться, что она докажет всю назревшую важность такового.

К 1907 г., с которого в моем распоряжении имеется материал, характеризующий работу Штернберга, Военно-техническое бюро МК представляло собой уже довольно сложную организацию. Кроме бюро, в собственном смысле этого слова, т. е. комиссии МК, состоявшей из не-

скольких товарищей, оно имело несколько подсобных организаций, каждая из которых была очень законспирирована, действовала независимо от других и связывалась с бюро через руководившего ею товарища, члена Военно-технического бюро. Одна из таких организаций занималась составлением и изданием брошюр по военно-техническим вопросам. Некоторые из них тогда же увидели свет и были довольно широко распространены в наших организациях. К их числу принадлежит известная брошюра Вычегодского «Тактика уличного боя». Другая группа товарищей работала над изготовлением взрывчатых веществ и ручных бомб. Третья занималась доставкой оружия. К Военно-техническому бюро примыкала и боевая организация, задачей которой являлось образование в районах боевых дружин, их вооружение, обучение обращению с огнестрельным оружием и даже рытью окопов и другим приемам массовой борьбы. Такой же подсобной и, пожалуй, тщательнее других законспирированной организацией являлась и та группа товарищей, организация и руководство которой были поручены П. К. Штернбергу. Это была группа разведчиков по топографическому обследованию районов Москвы. Задачи этой группы очень хорошо передает тщательно разработанная «Инструкция разведчиков», несколько гектографированных экземпляров которой сохранились в архиве Музея революции СССР. Эта инструкция так определяет значение работы:

«а) будет собран материал, необходимый для выработки плана на случай вооруженного восстания и ориентировки в самый момент вооруженного восстания;

б) работники приобретут навык в разрешении военно-технических вопросов».

Далее инструкция разъясняет, что содержанием работы является выяснение *проходимости домов и пригодности зданий к обороне*. Это первая и основная часть работы. Вторая часть направлена к реализации пункта «б», и заключается она в разрешении «задачи на походное движение в связи с обороной» на основании материала обследования данного квартала. Схема задачи дана общая для всех кварталов. Эта схема настолько интересна, что мы приводим ее полностью:

«300 дружинников двигаются от окраины к центру, где расположены главные силы противника. Небольшие отряды неприятеля до 300 человек могут появиться отовсюду во всякий данный момент.

1 задача

а) Как расположить силы дружины для движения (использовать проходимость дворов);

б) на каких боковых улицах возвести баррикады для предупреждения внезапных нападений противника;

в) на какое расстояние вперед и в стороны послать дозоры и где поместить наблюдательные пункты.

II задача.

Наметить лучшую позицию для обороны по пути наступления дружин.

а) Какие занять здания, где возвести проволочные заграждения и окопы;

б) какими силами занять дома и окопы;

в) оговорить, откуда взять нужные строительные материалы;

г) наметить расположение сторожевых постов вокруг всей позиции на расстоянии 300 шагов днем и ночью;

д) наметить дома, защищенные от прицельного артиллерийского огня, удобные для расположения резерва».

Таков смысл и характер, как его очерчивает инструкция. Смысл работы, порученной Павлу Карловичу военно-техническим бюро, таким образом заключается в том, чтобы составить стратегическую карту Москвы на случай вооруженного восстания, с одной стороны, и подготовить некоторый кадр командного состава для руководства боевыми действиями рабочих отрядов в момент вооруженного восстания—с другой. Только наша партия, революционная массовая партия рабочего класса, могла поставить себе такую задачу и практически работать над ее разрешением.

В дальнейшем инструкция дает подробные технические указания разведчику, которые я кратко изложу, чтобы показать, насколько тщательно ставилась работа.

Инструкция указывает, что каждому разведчику дается план местности масштаба 50 саж. в дюйме. Далее указываются условные обозначения, которыми должен пользоваться разведчик при заполнении плана, например:

ворота,

забор, проходимый без помощи каких-либо вспомогательных орудий, лестниц и т. п.

Забор, проходимый лишь при помощи орудий, совсем непроходимый забор: высокая стена каменного дома и т. п.,

участок,

и т. д.—целая таблица условных знаков.

Инструкция дает и примерный чертеж такого заполненного плана местности и ряд дополнительных технических указаний к составлению его. Из этих технических указаний наибольший интерес представляют следующие два:

1. Наносятся лишь наиболее высокие и прочные здания.

2. Наносятся здания, представляющие интерес в каком-либо другом отношении, напр.: склады оружия, учреждения и т. д.».

Далее инструкция требует, чтобы к плану была приложена объяснительная записка, «в которой отметить общий характер местности, зданий и ответить на вопросы:

а) есть ли в квартале склады строительных материалов и каких (указать дома);

- б) склады инструментов (лопат, мешков и т. д.);
- в) склады оружия;
- г) склады аптекарских товаров и пиротехнических материалов;
- д) здания, где помещаются караулы, полицейские команды и т. д.).

Наконец, инструкция дает указания по части соблюдения конспирации, а именно: во время работы на улице «не иметь при себе инструкции и плана квартала, а лишь схематический чертеж к обследуемой улице. По приходе домой перечертить план начисто».

Не менее, а еще гораздо более, чем эта инструкция, интересна организация этой работы, целиком принадлежащая как по инициативе, так и по выполнению Павлу Карловичу. Совершенно ясно, что если бы эта работа по топографическому обследованию Москвы проводилась с начала до конца как работа нелегальная, она вскоре бы провалилась, во всяком случае провалы были бы многочисленны; по этим провалам довольно быстро добрались бы и до руководителя работ и выудили бы его вместе со всем архивом. Для большей успешности работы надо было придать ей легальную видимость. Здесь надо прибавить, что это стремление к легализации было отнюдь не случайным, ибо при развертывании массовых форм борьбы подпольные рамки во всех областях революционной работы обрели ее на кустарничество. Легальные возможности мы стремились использовать и в других областях, чтобы придать работе более широкий размах и более организованный характер. Павел Карлович решил использовать для этого свое положение преподавателя астрономии и геодезии Московского университета. В качестве такового он организует студенческие работы по измерению аномалии силы тяжести. По сообщению одного из участников этой работы Н. Ф. Преображенского (партийная кличка «Микроскоп»), предварительно в круглом зале Моск. университета был организован диспут по докладу Штернберга о возможности и целесообразности измерения аномалии силы тяжести путем нивелир-теодолитной съемки. В результате этого диспута какой-то из университетских органов управления (не то совет факультета, не то ректор) вынес решение провести такие работы в виде опыта. На основании этого решения П. К. самолично выхлопывает у градоначальника и губернатора разрешение на производство этих работ с указанием полиции оказывать содействие. Затем он организывает группу товарищей боевиков, в большинстве своем состоящую из студентов Московского университета и обучает их элементарным приемам нивелир-теодолитной съемки. Эту группу он разбивает на подгруппы по 5 человек в каждой; руководителя подгруппы он обучает уметь обращаться с инструментом, причем из всей подгруппы только он один и допускается к инструменту—необходимая предосторожность в целях сохранения инструмента. Каждая подгруппа получает для обследования квартал; у каждого члена подгруппы на руках схематический чертеж одной из ближайших улиц. И в то время, когда руководитель подгруппы, установив где-либо инструмент, возится около него, делая вид, что наблюдает, остальные рассыпаются по дворам и производят топогра-

фическую съемку, якобы помогая тому, кто стоит около инструмента. По словам т. Преображенского, за все время работы не было ни одного случая столкновения с полицией, хотя разговоры приходилось вести даже и с приставами. Но разрешение губернатора, непонятные слова насчет аномалии силы тяжести и хитрые инструменты, которыми так ловко вертят студенты, немедленно устраняли всякие сомнения.

Организованная таким образом работа велась в течение всего 1907 г. и закончилась лишь после постановления военно-технического бюро о своей ликвидации, которая, по утверждению участников, состоялась в декабре 1907 г.

Что же практического дала эта работа? Была ли она использована партией в 1917 г.? Или она бесследно пропала и представляет собой лишь любопытный штрих в истории нашей партии, не оставивший, однако, никаких практических результатов?

Попытаемся ответить на этот вопрос, хотя бы с некоторым приближением. Прежде всего, какие конкретные результаты дала сама работа? Чем она закончилась? Удалось ли составить, хотя бы отчасти, стратегическую карту Москвы?

Ответ на этот вопрос я попытаюсь найти путем изучения архива Павла Карловича, относящегося к этому периоду и хранящегося в Музее революции СССР. Этот архив содержит в себе любопытные материалы. Поэтому я дам их краткую характеристику.

Особое внимание обращают на себя следующие документы:

1. Листок почтовой бумаги, писанный чернилами, от руки, но печатными буквами. Он описывает характер телефонного соединения полицейских частей и казарм, управления коменданта и окружного штаба. Указаны пункты, где стоят «колодцы» (тумбы), ведущие к соответственным частям. В конце сказано: «Все колодцы (тумбы) чугунные, серой окраски, отвинчиваются на боку (винт) *отверткой*, после чего снять верхушку и будут видны провода, которые—обрезать». В середине записки очень любопытна еще одна отметка: «Арбатская и Пресненская колодцев не имеют; вся линия провода под землей. Сделать ничего нельзя, разве только раскопать где-либо по линии; если будет нужно, можно узнать, где идет кабель».

2. План входа кабеля телеграфных проводов в здание телеграфа.

3. План Рублевской насосной станции.

4. План Румянцевского музея (очевидно, как одного из наиболее высоко расположенных зданий Москвы).

5. План Петровских казарм.

6. Планы дома московского обер-полицеймейстера.

7. План гор. Москвы, на котором рукою П. К. написано: «План конно-железных, трамвайных и будущих трамвайных сообщений».

Что же касается материалов, относящихся непосредственно к съемочным работам, то они оказались не очень обильными. Сюда относятся прежде всего несколько папок с небольшими кусочками кальки, с начер-

ченными на них планами отдельных кварталов, все сплошь из рабочих районов. Планы, очевидно, были приготовлены для работы отдельных товарищей, но не заполнены.

Кроме того, сохранилось несколько чертежей на листках бумаги, а не на кальке, и несколько записей (без чертежей и с чертежами), в которых используются условные обозначения, указанные в инструкции. Все чертежи и все записи относятся к улицам, расположенным на рабочих окраинах и в большинстве идущим от отдельных фабрик и заводов, напр. завод Дангауэра, Невский стеариновый завод, фабрика Дюфурмантель, Ронталера и т. д. Всюду в записях сделаны указания, где имеются склады аптекарских припасов, железных балок, лесные склады и пр.

Из этого состояния архива можно сделать два вывода: или работа не дала никаких практических результатов и к тому же велась настолько хаотически, что все материалы остались на руках у разведчиков, не перечерчивались начисто и не сдавались руководителям; или же из архива в 1917 г. были изъяты все материалы, которые могли быть использованы.

Какой из этих двух выводов правилен? Ответить на этот вопрос помогает нам книга т. Пече «Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь». Рассказывая о работе центрального штаба Красной гвардии, созданного МК в мае 1917 г. над разработкой плана восстания, т. Пече говорит: «В здании МК (бывшая гост. Дрезден) было отведено две комнаты. Все стены этих комнат были увешены планами Москвы и области, военными картами, добытыми из Главного топографического управления и из кабинета бывш. ген.-губернатора Москвы, с точным определением рельефа местности, с обозначением всех войсковых частей и милицеских участков, с указанием телеграфной и телефонной связи между ними. Кроме этих карт были также карты окрестностей Москвы и расположения военных складов, были и карты МВО.

К картам и планам мы присоединили *свою карту и план, разработанные для вооруженного восстания еще в 1905 г. План принес т. Штернберг, сохранивший его с 1905 г. в одной из астрономических обсерваторий.* (Курсив мой.—В. Я.)

Тов. Пече приводит неверную дату разработки плана и карты, относя ее к 1905 г. Это естественно: он не участвовал в этой работе и узнал о ней лишь в 1917 г. со слов Павла Карловича. Тем ценнее это свидетельство третьего лица, никак не заинтересованного в рекламировании прежней работы. Верно в этом свидетельстве т. Пече и то, что материалы съемочных работ П. К. хранил в астрономической обсерватории, где он знал каждую щель и которую он широко использовал для хранения всякой нелегалщины. Обсерватория со своими вышками, башнями, многочисленными надворными строениями, чердаками, сараями и обширным садом была очень удобна в этом отношении. Без чужой, провокаторской помощи там ничего нельзя было найти. Достаточно сказать, что наиболее секретные вещи П. К. хранил в трубе большого рефрактора.

Итак, я полагаю, что это свидетельство т. Пече позволяет устано-

вить, что архив, находящийся ныне в Музее революции, в 1917 г. был основательно опустошен самим П. К. и представляет собой лишь остатки полного архива съемочных работ.

Таким образом, через группу разведчиков, работавших под руководством т. Штернберга, тянется нить непосредственной практической связи от Военно-технического бюро МК 1906—1907 гг. к центральному штабу Красной гвардии при МК 1917 г. Работа, начатая на основе опыта неудачного восстания, была использована для организации победоносного вооруженного восстания в октябре 1917 г.

Однако, наличие преемственности между Московским военно-техническим бюро и Центральным штабом Красной гвардии выражается не только в этом факте. Те материалы, которые приводит в своей книге т. Пече по вопросу об организации и деятельности Красной гвардии и его руководящего центра, с полной несомненностью говорят, что в основу работы Центрального штаба Красной гвардии легли те основные идеи в области технической подготовки вооруженного восстания, которые были разработаны Московским военно-техническим бюро и изложены им в ряде документов, главными из которых являются «Тактика уличного боя» Вычегодского, «Тезисы» М. в.-т. бюро», помещенные в № 14 «Пролетария» и помеченные 4 марта 1907 г., и статья того же Вычегодского «О подготовке к вооруженному восстанию», помещенная в № 11 «Пролетария» от 7 января 1907 г. И опять-таки эта преемственность особенно ярко иллюстрируется данными об участии т. Штернберга в работе по организации Красной гвардии.

Но прежде несколько слов о периоде жизни П. К. с 1908 по 1917 г. В эти годы П. К. сохраняет связи с партийной организацией, оказывает ей всяческое содействие, участвует в работе легальных организаций, читая популярные лекции в профсоюзах, клубах и пр. Однако активной работы в подполье он в этот период не ведет. Он в это время снова возвращается к науке и усиленно работает в этой области. За это время ряд его работ в области применения фотографии к изучению небесных явлений обращает на себя внимание за границей. Его имя становится европейски известным. В это же время, ввиду болезни проф. Церасского, он является фактическим директором астрономической обсерватории. Это было время тягчайшей реакции. В этот период и такая связь с партией, какую поддерживал Павел Карлович, была подозрительна для полиции и оканчивалась обычно арестом и прочими карами. Чем же объяснить, что П. К. удалось уцелеть? Что полиция держала его на учете, доказывают обыски и частая слежка за ним. Это доказывается и сохранившейся перепиской между Астраханским губ. жандармским управлением и Московским охранным отделением еще в 1914 г. Основной же причиной этого его «благополучия» является то обстоятельство, что среди товарищей, державших постоянную связь в ту пору с П. К., был крупнейший провокатор в большевистской организации—Романов. Провалить П. К. для Романова значило провалить себя, навлечь на себя подозрения. Кроме того связь с П. К.

была для него ценна в том отношении, что через него он имел безопасную возможность следить за рядом связанных с П. К. партийцев.

Вернемся теперь к данным о работе т. Штернберга в 1917 г.

Тов. Пече в своей книге отмечает, что П. К. присутствует на совещании в МК в конце марта 1917 г. по вопросу о «боевой организации нашей партии с учетом боевого опыта 1905 г.». Здесь же, по словам т. Пече, «обсуждался также вопрос о названии рабочих вооруженных отрядов», причем остановились на названии «Красная гвардия». Собрание пришло к заключению о необходимости «организовать Красную гвардию в первую очередь на заводах Москвы и в важнейших стратегических пунктах провинции, главным образом на оружейных заводах и складах». Результаты этого совещания должны были быть апробированы МК. Однако этот вопрос под наименованием «О милиции» попадает прямо на повестку дня московской общегородской конференции от 4/IV 1917 г. Докладчиком по вопросу выступает на конференции П. К. Штернберг. В сохранившемся в архиве МК протоколе конференции имеется запись этого доклада. Конечно, это не стенограмма; это секретарская запись «своими словами», не проверенная докладчиком. Поэтому, несмотря на свою относительную подробность, она очень сумбурна и носит на себе все следы спешки.

На основании этой записи можно составить следующую схему доклада (чтобы не приводить всей записи целиком):

«Контрреволюция организуется. Она может опереться на две силы: армию и милицию.

На армию у буржуазии надежды плохи, в лучшем случае ей останутся верны лишь некоторые части войск.

Хуже обстоит дело с милицией. Ее буржуазия сможет организовать из верных ей элементов. Комитет общественных организаций и Московский комитет уже поставили себе эту задачу. Мы должны им помешать. Для этого нам надо входить в эту милицию и добиваться, чтобы лучшее оружие доставалось нашим товарищам.

Но кроме того нам вообще нужно создание военных кадров. Поэтому в районах при партийных клубах надо ставить организацию стрелковых и спортивных кружков и обучать членов партии владеть оружием».

Далее протокол говорит, что в заключение своего доклада докладчик вносит 2 предложения, запись которых я привожу дословно по протоколу:

«а) члены партии должны входить в милицию;

б) в районах надо организовывать стрелковые и спортивные общества».

Начиная от самого названия «О милиции», вся структура этого доклада изобличает его сходство с установками Московского военно-технического бюро, с введением к брошюре «Тактика уличного боя» и с указанными выше «тезисами», первые два из которых звучат следующим образом:

«1) каждый член партии является в то же время милиционером войск

рабочего народа и обязан обладать элементарными сведениями по военному делу;

2) все члены партии для обучения боевому делу группируются в кружки, в рамках существующих политических партийных организаций».

Однако Московская конференция не выносит никаких решений по этому вопросу и после прений передает его на разрешение Московского комитета, который обязывает разработать проект резолюции к следующей конференции.

Во исполнение этого поручения МК ставит этот вопрос под тем же названием «О милиции» на повестку заседания 14/IV, и докладчиком выступает тот же Штернберг. После краткого доклада, очевидно, того же содержания, П. К. вносит следующие 4 предложения, которые затем и принимаются МК большинством всех против одного:

«1. Вступать товарищам в Красную гвардию.

2. Через Совет раб. деп. обратиться в Комитет общественных организаций с предложением, чтобы предпочтение отдавалось если не членам партии, то рабочим.

3. Необходимо учредить заводские дружины, которые явились бы охранителями заводов. Таким образом фабриканты должны были бы приобретать оружие.

4. Организовать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия».

Таким образом, и в этих предложениях, ставших 14/IV постановлением МК, сквозит та же схема Моск. воен.-техн. бюро.

Доклад этот состоялся в половине апреля, а в мае уже сформировывается центральный штаб Красной гвардии, который составляется из представителей районов, являвшихся начальниками районных штабов Красной гвардии и двух представителей МК: Штернберга и Пече. Несколько позднее из состава центрального штаба была выделена руководящая пятерка в составе: Штернберга, Пече, Зимина, Ведерникова и Добрынина.

Далее т. Пече рассказывает, что одной из своих главных задач центральный штаб считал задачу вооружения рабочих. В этих целях он старался «организовать и сосредоточить в руках рабочих при заводах Москвы как можно больше маленьких арсеналов вооружения». В тех же целях,—рассказывает т. Пече,—в Замоскворецком районе мы с т. Штернбергом создали пункт выделки ручных гранат. Завод Михельсона, «Мотор» и Телефонный завод служили нам местом изготовления разных частей ручных гранат. Таким образом, таких гранат, по сообщению т. Пече, было изготовлено совсем готовых 600 штук и наполовину приготовлено 3 000 штук. Эта работа была прекращена только тогда, когда связи с московским гарнизоном укрепились настолько, что он мог явиться поставщиком ручных гранат. Когда читаешь этот рассказ т. Пече, то перед глазами невольно всплывают строки статьи Ленина «Уроки московского восстания», где он указывает на необходимость в процессе подготовки

к восстанию воспользоваться усовершенствованием военной техники и специально останавливается на изготовлении ручных бомб.

Еще более интересна та часть рассказа т. Пече, в которой он сообщает, что «в июле под руководством Штернберга, Петрова и моим был организован весьма конспиративно оперативный штаб, который занялся изучением стратегических пунктов и составлением плана вооруженного восстания, исходя из «Тактики уличного боя» Вычегодского и боевого опыта 1905 г.».

Рассказ т. Пече о работе оперативного штаба настолько интересен, что я привожу его полностью. Когда его читаешь, то кажется, что в лице оперативного штаба возродилась к жизни, в развернутой форме, группа разведчиков 1907 г. Вот этот рассказ:

«От каждого районного штаба Красной гвардии были взяты по 3—5 представителей, которые также работали в оперативном штабе над составлением плана восстания и должны были основательно изучить стратегические пункты своего района, *чтобы руководить восстанием самостоятельно на случай потери связи*. Представителям штабов, организованных на оружейных заводах и складах, была поручена разработка планов захвата оружия. Были определены и установлены места для рытья окопов и постройки баррикад. *Во время Октябрьского переворота все это было проведено в жизнь главным образом под руководством товарищей, работавших в оперативном штабе...* Этот план восстания по районам знали только 3—5 человек по районам и те товарищи, которые работали в оперативном штабе над составлением плана».¹

Следующей стадией была «более систематическая работа по изучению каждого района в отдельности», которая велась, согласно сообщению т. Пече, под руководством т. Штернберга, Усиевича, Малькова, Ведерникова и Пече. Тов. Пече утверждает, что разработанный таким образом план вооруженного восстания в октябрьские дни «послужил основой для наших боевых действий».

Надо полагать, что на деле все это проходило менее организованно, чем проходит теперь по воспоминаниям т. Пече. Однако несомненно, что в результате работы центрального штаба Красной гвардии созданся необходимый кадр боевиков² и руководителей, которые не только умели владеть оружием, но и были достаточно ориентированы в тактике партизанской войны и в стратегическом профиле своего района. Если прибавить к этому работу центрального штаба по снабжению оружием, то можно утверждать, что «Уроки московского восстания» в большей или меньшей степени были практически использованы. Что работа эта дала свои несомненные результаты, видно также из того обстоятельства, что в октябрьские дни районы Москвы проявили гораздо больше решительности в наступлении на противника, чем штаб Военно-революционного комитета.

¹ Курсив везде мой. — В. Я.

² Тов. Пече сообщает, что к Октябрю в рядах Красной гвардии состояло 12 000 человек да еще 13 000 человек насчитывалось содействующих.

и все время давили на последний, добиваясь от него большей решительности.

Что же касается фигуры т. Штернберга, то она отчетливо вырисовывается на фоне работы центрального штаба Красной гвардии, как фигура одного из главных организаторов Красной гвардии и технической подготовки октябрьского восстания вообще. Кроме того в его лице как бы находит свое живое воплощение связь между работой московской организации большевиков периода 1906—1907 гг. и февраля—октября 1917 г. по организации технических сил и средств восстания.

К этому надо добавить, что в октябрьские дни он руководил боевыми действиями в Замоскворецком районе, который благодаря расположению своему по отношению главных боевых пунктов в центре из всех районов играл самую значительную роль. Начиная с 27 октября (ст. ст.), П. К. стоит в центре всей партизанской войны района, в острые моменты бросая штаб и отправляясь на место боевых действий. Вместе со всеми товарищами из районного военно-революционного комитета он негодует на медлительность и нерешительность действий Центрального военно-революционного комитета. В районах, уже организовавшихся и развивших партизанские действия, и самой рабочей массе и руководящим органам было особенно ясно видно, что всякая затяжка борьбы на руку противнику, так как позволяет ему скапливать свои силы и оправляться от причиненной ему дезорганизации. Интересна написанная рукою П. К. и находящаяся в витрине Музея революции бумажка (направленная в центр) следующего содержания:

«Дальнейшее промедление и малая решительность может весьма гибельно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предполагает начать работу 6-дюймовых орудий и просит высказать свое мнение Временный Революц. К-т по этому поводу. Предварительно предлагает сдать ся юнкерам и в случае отказа с их стороны начнет свои действия с 10 ч. утра.

П. Штернберг».

Работой орудий в районе руководит опять-таки Штернберг вместе с т. Гописом, причем ввиду отсутствия необходимых частей на орудиях, оба они пускают в ход свои математические познания, чтобы правильно навести пушку.

После октябрьских дней наступает временный перерыв в военно-боевой работе Штернберга.

Он работает некоторое время председателем Замоскворецкого ревкома. Затем Совнарком назначает его московским губернским комиссаром, а при формировании нормальных советских органов он входит в состав президиума Московского губисполкома и заведует отделом управления. В марте 1918 г. он по совместительству с губернской работой назначается членом коллегии Наркомпроса, где он ведает отделом высших учебных заведений и ведет работу по реформе высшей школы. Нет на-

добности останавливаться особо на этом периоде. Он слишком краток и не он характерен для революционной работы Павла Карловича.

События гражданской войны снова возвращают его к военно-боевой работе, хотя и в другой форме. В дни, непосредственно следовавшие за убийством Урицкого и покушением на Ленина, в дни, когда Колчак подходит к Казани, и ЦК собирает всех членов партии, способных к руководству боями на фронтах гражданской войны, он мобилизует и Павла Карловича. Менее чем в 24 часа после постановления ЦК он выезжает уже на восточный фронт в качестве комиссара 2-й армии.

П. К. приходит в Красную армию в самый тяжелый момент. В это время армия в сущности находится еще в периоде организации; нет еще постоянных кадров; не выработана еще революционная военная дисциплина. Организуя армию, как боевую единицу, как сложный технический аппарат, приходится бороться с анархическими тенденциями внутри ее. В эту пору и руководящие коммунистические кадры армии были еще до крайности слабы, с небольшим опытом, в огромном большинстве с умением руководить боевой работой лишь в масштабе мелких единиц. В этих условиях армия неизбежно должна была терпеть поражения и лишь на них учиться и строиться. Именно в таком положении находились и те войсковые части, которые должны были войти в состав 2-й армии. В момент ее организации прибыл на фронт т. Штернберг и пробыл с ней до июля 1919 г., когда, по постановлению ЦК, он должен был выехать в отпуск для лечения вследствие сильного кровохаркания. Вскоре после его отъезда 2-я армия была расформирована. Таким образом, он пробыл со 2-й армией в сущности все время ее существования и проработал с ней весь период формирования Красной армии вообще. Этот период нашел довольно яркое отражение в одном из его писем из Вятских Полян от 23/XI 1918 г. «В настоящее время 2-ю армию мы организовали, получается, что-то похожее на армию. Настроение в войсках уверенное, бодрое, и мы начинаем наступление. Последние два дня были для нас днями значительных волнений, так как пришлось приводить к одному знаменателю матросов, показать им, что всем управляет единая сила, одна власть, власть товарищей, которым поручено данное дело, перед которой они должны склониться. Обстоятельства так обострились, что могло произойти кровопролитие. Но несмотря на то, что мы арестовали двух любимых начальников, Бабкина и Бородина, нам с Гусевым удалось подчинить матросов своему влиянию, и сегодня утром два боевых судна отправились по нашему приказанию к устью Камы».

Со 2-й армией П. К. проделал всю ее боевую работу; с ней он совершал и наступления и отступления. Он был единственным из ее комиссаров, членов Реввоенсовета, не менявшимся почти в течение всего периода ее деятельности. Военные люди говорят, что значение отдельных лиц в армии особенно определяется во время отступлений. Только тот, кто умеет организовать отступление, кто умеет во время отступления поддержать настроение и боеспособность армии, кто умеет подготовить ее

к новому наступлению,—только тот может считаться коренным ее организатором и добиваться в ней авторитета и уважения. По отзывам всех второармейцев именно таким заслуженным авторитетом пользовался во 2-й армии т. Штернберг и не только среди командного состава, но и среди широких кругов красноармейцев.

Последние месяцы своего пребывания во 2-й армии П. К. работал совсем уже больной. Когда в марте 1919 г. Троцкий приехал во 2-ю армию, во время одного из заседаний у П. К. пошла горлом кровь. Этим объясняется, что уже в апреле ЦК предложил Штернбергу взять отпуск для лечения. Это были тяжелые недели для 2-й армии. Она только что под ударом Колчака откатилась снова назад. Надо было готовить наступление, и П. К. остается в армии до конца июня. Он в последний раз организует самую важную для армии работу—подготовку к наступлению. Ее он продельывает с энергией, упорством и своей обычной скромностью и уезжает больной.

В августе 1919 г. он снова возвращается на Восточный фронт на этот раз в качестве члена Реввоенсовета Востфронта. Там на фронте он и заболевает. Тяжко больного его привозят в Москву, где он и умирает 31 января 1920 г.

Он свалился тогда, когда контрреволюция в Сибири была уже сломлена, когда Колчак бежал под натиском революционных войск, когда победа революции яркой зарей загорелась на горизонте. И именно там, в Сибири, под Омском, при взятии его он и заболел, схватив воспаление легких. Подходила к концу военно-боевая работа. Революция подкатывалась к грани, за которой начиналась эпоха мирного строительства. Но именно в этот момент Павел Карлович и сходит со сцены жизни. Это кладет как бы последний, завершающий штрих на его необычайную в революционном движении фигуру: близящийся конец гражданской войны как бы завершает дело и его личной жизни.

Высококультурный человек, человек науки—да еще такой далекой от непосредственных классовых битв, как астрономия—человек необычайной доброты и мягкости, музыкант по натуре,—такой человек в эпоху социалистической революции не только превращается в революционера, но и берется за самое острое оружие борьбы. Образ этого революционера-ученого, ученого-боевика с необычайной яркостью подчеркивает ту истину, что через кровавые жестокости классовой борьбы и гражданской войны пролетариат освобождает человечество от веками длившихся страданий и ведет его к счастью свободного труда, что эта жестокость есть выражение величайшей любви к человечеству.

В. Яковлева

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ В СВЕТ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

ПИСЬМА К МАТЕРИ И СЕСТРЕ А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 1908 И 1909 ГГ.

Предисловие

После переписки из Сибири в сохранившихся у меня письмах В. И. оказывается довольно большой перерыв — на целых 8 лет. Половина его, — от 1900 до 1902 и затем от 1905 до 1907 г., — объясняется тем, что мы жили с ним вместе или за границей поблизости. Правда, за границей в 1900 — 1902 гг. мы переписывались тоже, ибо жили по большей части не в одном с ним городе, и переписка вследствие более свободных условий была там большой и интересной, но писем, понятно, от тех двух лет не сохранилось у меня вовсе, ибо при возвращении в Россию я, конечно, не могла взять их с собой, если бы даже не ехала на верный почти арест, как в тот год. От 1905 до 1907 г. В. И. жил в Питере или под Питером, в Куоккале, и мы отдыхали от переписки.

В промежутке между этими двумя сроками отсутствие писем объясняется тем, что сначала мне пришлось много кочевать, у меня не было определенного местожительства, и мы и переписывались реже, и хранить письма было менее удобно; первую половину 1904 г. я сидела в тюрьме. Последний год перед революцией — с осени 1904 по осень 1905 г. — переписка наша, главным образом деловая, «химическая», опять очень оживилась, но писем от того времени тоже не сохранилось.

Более правильная переписка шла у нас опять с 1908 г. Она частью сохранилась, — а именно у меня уцелело 8 писем от 1908 и 17 писем от 1909 г.

Здесь опять, как в Сибири, она была правильной, так как в основе ее лежало дело — устройство издания второй большой книги В. И. «Материализм и эмпириокритицизм», — переговоры о ней, поручения, корректуры и т. п.

Как видно из писем В. И. с осени этого года ко мне в Москву, перспективы тогда насчет издателя были очень плохие. Он пишет, что надежды на Граната надо, видимо, оставить, ибо тот купил «историю меньшевиков, т. е. там взяли верх меньшевики». Он просит меня списаться со «Знанием», с Бончом, хотя и говорит: «На само Знание

я почти вовсе не надеюсь: «хозяин» его, давший полуобещание Анюте, большая лиса и, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется». («Хозяин», т. е. заведывавший тогда делами «Знания» — К. Пятницкий.)

Современному читателю непонятны такие затруднения при устройстве издания научной книги. Но то было время реакции после первой нашей революции. Из высыпавших, как грибы после дождя, издательств, многие были закрыты правительством, с привлечением издателей и авторов к ответственности, другие закрылись сами. При массе возникших тогда литературных дел, с наложением тяжелых взысканий, издатели стали, понятно, чрезвычайно осторожны с приемом новых книг, прежде всего взвешивая, не придется ли отвечать за них. Особенно боязливо относились они к предложениям со стороны писателей, стоявших на крайнем левом крыле, имея все основания опасаться разных полицейских кар даже за легальную как будто бы книгу такого автора. Ильин был тогда широко известен как прямолинейный революционер. Вот почему так мудро было пристроить его книгу даже на философскую тему. И вот почему меньшевики находили себе гораздо легче издателя.

Поэтому В. И. пишет, что пойдет на всякие цензурные уступки и говорит: «Если издателя нет, посылай немедленно Бончу, — хотя он издает в долг, и неизвестно, получу ли я что-нибудь, но все же издает». «Имей в виду, — писал Ильич 27/X, — что я теперь не гонюсь за гонораром, т. е. согласен пойти на уступки (какие угодно) и на отсрочку платежа до получения дохода от книги, — одним словом, издателю никаких рисков не будет. Насчет цензуры тоже пойду на все уступки, ибо в сущности у меня безусловно все легально, и разве отдельные выражения неудобны».

В том же письме В. И. сообщил, что рукопись готова: «вышло 24 печ. листа, в 40 000 букв, т. е. около 400 страниц». Затем он просил хороший адрес для отправки ее. Я дала ему адрес нашего близкого знакомого, санитарного врача Левицкого, жившего в Подольске, где познакомился с ним и В. И. в 1900 г., перед отъездом за границу. Ему и была отправлена рукопись, как В. И. сообщает иносказательно в письме от 17/XI. И в этом и в следующем — от 26/XI — письмах он нервничал, запрашивая, получена ли рукопись. «Я смертельно боюсь, — писал он, — пропажи большущей, многомесячной работы».

Получив известие, что работа дошла в целости, Владимир Ильич сообщает мне, что по поводу издания книги он писал уже в Питер и напишет еще. «Конечно, если что-либо подвернется тебе, то отдавай и вообще распоряжайся сама, но шансов, по всему видно, мало». (26/XI).

Я искала, и в результате этих поисков мне подвернулась возможность выпустить книгу в издательстве эсера Крумбюгеля «Звено», просуществовавшем недолго в Москве.¹ Из письма В. И. от 10/XII видно, как дово-

¹ Помнится, что направил меня в это издательство Ив. Ив. Скворцов-Степанов.

лен был он, мало надеявшийся при сложившихся условиях устроить скоро издание книги, теми предложениями Крумбюгеля, которые я ему сообщила. Он дал мне телеграмму о немедленном принятии 2-го условия, а в письме сообщил, что «в крайнем случае пошел бы *entre nous* и на первое условие, но второе так выгодно и возможность издать сразу и в Москве так завлекательна, что надо эту возможность ловить обеими руками».

Я не могу уже вспомнить теперь, в чем состояла разница между этими двумя условиями. Кажется, что по первому автор получал чистую выручку, а по второму известный полистный гонорар, и что В. И. предпочел второе. Но наверное вспомнить не могу. Знаю только, что в договор было вставлено, по настоянию Ильича, обязательство со стороны издателя выпустить книгу к определенному сроку, с неустойкой в случае невыполнения его. Ведь попытки ревизии марксизма со стороны философии, возглавляемые у нас Богдановым и Луначарским, возмущали В. И. не меньше, чем с политико-экономической — Бернштейном. Для борьбы с этим течением засел он за изучение философии, писал свою книгу. Поэтому так волновали его всякие задержки и затяжки в издании, поэтому торопил он его так. «Если можно, то в договор надо бы внести *немедленное издание*». (Письмо от 10/XII 1908 г.)

Останавливает также Вл. Ильича вопрос, на чье имя составлять договор. В письме от 10/XII он пишет: «Кстати. При подписи договора советую Ане быть осторожнее, т. е. не давать по возможности своего имени, чтобы не быть ответственной по законам о печати (и не отсидеть в случае чего; об этом надо посоветоваться с знающими людьми). Нельзя ли договор на мое имя написать, а Анюту обойти вовсе, т. е. не упоминать совсем?»

Не могу вспомнить теперь точно момента подписания договора. Но так как совсем невероятно, чтобы возможно было составление такого договора на лицо, находящееся вне пределов досягаемости, как Владимир Ильич, и другого лица, на которое мог бы быть составлен договор, тоже не представляю себе, то считаю, что он был составлен на мое имя. На это же указывают как будто бы слова Ильича: «Итак, все улажено и подписано» — (19/XII) (Очевидно, мною). «Насчет фамилии автора — писал Ильич, — я не стою: какую угодно, мне все равно, пусть издатель выбирает.

Относительно цензуры он сообщал, что пойдет на все уступки. «Для пояснения характера уступок, на которые я пойду, — пишет он в письме от 8/XI 1908 г., — если бы цензурные соображения оказались очень строги, можно было бы заменить везде слово «поповщина» словом «фидеизм», с пояснением в примечании: «фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере».

Но все эти уступки Владимир Ильич делал, скрепя сердце, это видно из того, что позднее, когда опасение, что книгу не удастся устроить, отошло, договор был составлен, — он писал: «насчет «фидеизма» и проч. сог-

лашаюсь лишь по вынуждению, т. е. при ультимативном требовании издателя» (19/XII). «Примыслил боженьку» придется заменить: «примыслил себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия или в этом роде».

Нецензурными находил издатель и многие резкости и ругательства, ставя иногда вопрос чуть ли не ультимативно. Помню дебаты и пререкания с ним в его магазинчике на Никитской ул., дебаты, которые для меня вести было часто тем труднее, что я обычно сама не была сторонницей тех резких выражений, которые мне, в качестве поверенной Владимира Ильича, приходилось отстаивать. Я высказывала иногда Ильичу свое мнение, что ругательства часто лишь ослабляют, что без них получается сильнее. Писал и он мне как-то из Сибири, что убедился, что в печати все ругательства выходят гораздо резче. Возражал против многих резкостей и Ив. Ив. Скворцов-Степанов, мой единственный тогда советчик в Москве, которого под именем «писателя» упоминает в письмах этих лет В. И., которому он писал через меня пару раз в ту зиму. Осталось в памяти, что Иван Иванович находил особенно недопустимыми и часто несправедливыми нападки на Базарова и Богданова и настаивал на смягчении их.

Вследствие этого, а также памятуя слова Ильича, что он пойдет на всякие цензурные смягчения, я и писала ему о тех из них, на которых настаивал особенно издатель или которые поддерживал Иван Иванович Скворцов. Но Владимир Ильич лишь с немногими соглашался. «На смягчения по отношению к Базарову и Богданову согласен, — писал Ильич 19/XII, — по отношению к Юшкевичу и Валентинову — не стоит смягчать. Пуришкевича оставь. Ругательства прочие согласен смягчать, а равно и неприличные выражения... — (Особливо не выкидывай «Пуришкевича» и проч. в § о критике кантианства.)

Но затем относительно Богданова и Луначарского В. И. несколько раз просит ничего не смягчать: «Не смягчай, пожалуйста, мест против Богданова и поповщины Луначарского. Отношения с ними у нас *порваны совсем*. Не к чему смягчать, не стоит». — И затем: «Ты выкинула, что Чернов «более честный» противник, чем они, и это очень жаль. Оттенок вышел не тот. Соответствия во всем характере моих обвинений нет. Весь гвоздь в том, что наши махисты *нечестные*, подло трусливые враги марксизма в философии» (9/III и 12/III).

Следует особо отметить, что В. И., посылая добавление к § 1 гл. 4, пишет: «Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского».

Наконец письма отводят, конечно, много места той части издания, которая была поручена мне и которой Ильич уделял всегда много внимания, — корректуре. Ильич настаивает, чтобы ему посылались корректурные листы не для правки, которую он не предполагал вести из-за границы, а чтобы иметь возможность предупредить хотя бы телеграммой, в случае какого-либо пропуска, какой-нибудь особо грубой ошибки, — на всякий, так сказать, пожарный случай. И он условливается со мной заранее, как

он будет телеграфировать, что будет означать та или другая цифра в телеграмме.

Этого пожарного случая не произошло, к телеграммам прибегать ему не понадобилось. Но, конечно, дело не обошлось без опечаток, список которых он прилагал почти к каждому письму; посылались затем изменения, добавления, вставки. Была тревога из-за несвоевременного получения некоторых листов, не пропали ли они,—оказавшаяся ложной. Были волнующие задержки из-за почтовой забастовки во Франции, по поводу которой В. И. писал: «Хорошее пролетарское дело здорово мешало в литературных наших делах». Но в общем В. И. был доволен корректурой, а если просил меня в нескольких письмах очень убедительно подыскать платного корректора и сдать ему работу, то вследствие болезни матери.

Мать наша была тяжело больна весной 1909 г., я была при ней одна, и Владимир Ильич, учитывая, что мне не до корректуры, просил меня передать ее кому-нибудь. И в наиболее трудное время я, боясь также, чтобы мне не пришлось задержать книгу, срочность выхода которой была так важна для Ильича, делала попытки подыскать кого-нибудь, но они не привели ни к какому результату. У меня не было в тот год почти никаких знакомств в Москве. Иван Иванович, к которому я обращалась, тоже не мог указать надежного лица, хотя и не одобрял с самого начала того, что я беру на себя корректирование научной книги, считая, что это должно быть поручено специалисту. Мне, понятно, не хотелось отдавать корректуры в незнакомые руки, доверять которым я не имела оснований. К тому же я была прикована к больной, и в то время отсутствия телефонов в Москве я скорее могла урывать время дома для правки корректур, чем для путешествия по московским конкам и при московских расстояниях в поисках корректора. Поэтому я продолжала править корректуры сама.

Лишь последние листа два вследствие задержки в выпуске книги, происшедшей не по моей вине, а по вине издателя и типографии, мне пришлось, так как я около половины апреля должна была ехать с матерью в Крым, отдать нанятому корректору. Этот корректор был приглашен Ив. Ив., который сам обещал держать авторскую корректуру. В письме от 9/III Ильич сообщает: «Писателю» тысяча благодарностей за согласие помочь. Он, кажись, все же марксист настоящий, а не марксист на час, как иные прочие. Немедленно преподнеси ему от меня мою книгу».

Но, сообщая о получении книги (26/V 1909 г. по новому стилю), высказывая, что издана она хорошо, В. И. говорит, что опечаток в конце не меньше, чем в начале, и видно незнакомство корректора с языками напр. изуродовано до смешного английское «A new name for an old ways of thinking»). И в сноске: «Степанов, верно, вовсе не смотрел... Но это неизбежный и неважный недостаток. В общем я доволен изданием. Насчет цены все жалуются, и справедливо. В будущем будем включать в договор обязательно не только количество экз., но и цену».

Этим заканчивается в письмах специально относящееся до истории появления в свет книги: «Материализм и эмпириокритицизм». На чисто по-

литическую тему, кроме упомянутого уже по поводу выражений в книге, в письме от 26/V говорится: — «У нас дела печальны: Spaltung (раскол), верно, будет; надеюсь через месяц-полтора дать тебе об этом точные сведения. Пока дальше догадок идти нельзя».

После этого письма, полученного в Крыму, в сохранившихся у меня письмах Владимира Ильича имеется большой перерыв, — до следующего, 1910 года. Кроме потери писем это может быть объяснено и тем, что я тогда, уехав из Крыма, много кочевала, жила на Урале и на Волге и более или менее оседлого местожительства не имела до следующей весны. Правильность переписки нарушилась. И я не помню уже, непосредственно ли от Ильича или иным способом узнала я о состоявшемся через указанный им приблизительно срок расколе с отзовистами и ультиматистами.

Подробнее об этом в «Извещении о Совещании расширенной редакции «Пролетария» и приложенных к ней резолюциях: V—об отколе тов. Максимова (Богданова) и IV—о партийной (каприйской) школе, «ответственность за которую редакция «Пролетария» слагает с себя в связи с тем, что инициаторами и организаторами школы являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богоискательства» (июль 1909 г.; Соч., т. XIV, стр. 89—103).

А. Елизарова

1

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

10/III [19]08 [Женева]

Дорогая Аня!

Получил твое письмо от 21/II. Ужасно это, право, что вы попали в сырую квартиру и до такой степени все разболелись. Это беда, что Маняша схватила тиф! Лидия Мих[айловна]¹ пишет каждый день и сообщает, что температура невысока. Но я боюсь придавать этому известию успокоительное значение: бывают ведь тяжелые формы тифа с высокими температурами².

А как мамино здоровье теперь? Если тебе очень некогда, попроси Л[идию Мих[айловну], раз уже она пишет, черкнуть пару слов.

Марк³ собственно напрасно оставил такую большую сумму из своих подъемных, ибо мне сейчас достаточно платит мой издатель⁴. Само собою разумеется, что ты непременно должна расходовать эти деньги, чтобы лучше устроить Маняшу и маму или помочь им выехать куда-нибудь в лучшее место. Не поехать ли им сюда?

Послал Маняше книгу для перевода (немецкий роман). Получили ли (из Лейпцига)⁵? Ей же писал о книге Анатоля Франца (La vie de Jeanne d'Arc)⁶ и Синклера⁷ (Алексинский⁸ предлагает переводить).

Жму крепко руку и прошу крепко поцеловать маму.

Надя ушла по делам. Очень просит передать ее привет.

Твой В. Ульянов

¹ Лидия Михайловна — Книпович Л. М. (1856 — 1920) — с семидесятих годов принимает участие в народовольческих организациях; впоследствии активная «искровка» и большевичка. См. общую биографическую справку о ней в № 8/9 «Пролетарской Революции» за 1929 г., стр. 162.

² Мы попали тогда в сырую квартиру и все расхворались. Говоря, что «бывают тяжелые формы тифа с невысокой температурой», Владимир Ильич вспоминает такую форму, от которой погибла сестра Ольга. (А. Е.)

³ Марк — Елизаров, М. Т.

⁴ В середине марта 1908 г. вышло в петербургском издательстве «Паллада» 2-е дополненное издание «Развитие капитализма в России». Очевидно, в письме идет речь о гонораре за это издание.

⁵ В Лейпциге Ленин был проездом из Швеции в Женеву в первых числах января 1908 года.

⁶ Имеется в виду известное историческое исследование Анатоля Франса: «Жизнь Жанны д'Арк», вышедшее в 1908 г. В своем труде А. Франс блестяще разоблачил все легенды и весь тот искусственный патриотизм, который культивировался вокруг имени Жанны д'Арк.

⁷ Синклер Э. (Sinclair, U) (р. 1879) — выдающийся американский писатель, приобретший громадную популярность в рабочих массах своими социальными романами.

Письма Ленина к Марии Ильиничне с предложением взять переводы отдельных книг см. в № 11 «Пролетарской Революции» за 1929 г. (стр. 209—212).

⁸ Алексинский Г. А. (р. 1879) — примыкал в то время к группе ультиматистов, затем вместе с Богдановым, Луначарским, М. Лядовым, Ст. Вольским вошел в группу «Вперед».

Общую биографическую справку о нем см. Сочинения, т. XII, 2 изд., стр. 517.

2

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

27/X [19]08 [Женева]

Дорогая Анюта! Удивлен очень долгим молчанием вашим. Вероятно, переезд в Москву стоил кучи хлопот, т[ак] ч[то] вам не до писем¹.

Пришли мне, пожалуйста, адрес для пересылки рукописи моей книги. Она готова. Вышло 24 печ[атных] листа (в 40 000 букв) — т[о] е[сть] около 400 страниц. Недели в две закончу пересмотр и отправлю: хотел бы иметь хороший адрес для отправки².

Насчет издателя дело, видимо, плохо: получил сегодня известие, что Гран[ат] [продал] * купил «историю» ме[ньшеви]ков[,] сиречь ме[ньшеви]ки там взяли верх³. Ясно, что он теперь откажется от издания моей книги. Имей в виду, что я теперь не гонюсь за гонораром, т[о] е[сть] согласен пойти и на уступки (какие угодно) и на отсрочку платежа до получения дохода от книги, — одним словом, издателю никаких рисков не будет. Насчет цензуры тоже пойду на все уступки[,] ибо в общем у меня безусловно все легально, и разве отдельные выражения неудобны^{**}.

Жду ответа.

Наши все целуют маму и тебя. Я тоже.

Твой В. Ул[ьянов]

* Зачеркнуто в оригинале. Ред.

** Ergo, заключай договор, ежели малейшая будет возможность, на любых условиях.

¹ Я с матерью перебралась этой осенью на жизнь в Москву. (А. Е.)

² Речь идет о рукописи книги «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии».

Сравнительно большая философская работа на эту тему, как нам известно из письма Ленина к Горькому от 25/II 1908 года (Ленинский Сборник 1, стр. 91), была написана Владимиром Ильичом еще в середине 1906 г., когда он ознакомился с III томом «Эмпириомонизма» Богданова.

По поводу этого Ленин пишет следующее:

«Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III вып. эмпириомонизма. Летом 1906 г. он мне презентовал ее, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки».

Были ли получены Лениным из Петербурга эти тетрадки по философии, нам неизвестно, да и сами тетрадки до нас не дошли, но, очевидно, они в некоторой своей части легли в основу работ Ленина над книгой: «Материализм и эмпириокритицизм».

Владимир Ильич прямо указывает на это в том же письме к Горькому: «Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать... (стр. 92).

Усиленно занявшись философией после приезда за границу, «читая по целым дням распроклятых махистов» (как пишет Владимир Ильич в другом своем письме к Горькому) и считая, что «время тетрадок прошло», Ленин основательно засел за подготовку к печати своей книги, очевидно, в мае — июне 1908 г., когда он для более успешных занятий над книгой переехал на некоторое время в Лондон, где стал работать в Британском Музее.

До этого Ленин был занят составлением очерка: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», предназначавшегося для девятитомного издания Граната: «История России в XIX веке». Эта работа не позволяла ему вплотную приступить к написанию еще другого серьезного научного исследования по философии, каковым являлась книга «Материализм и эмпириокритицизм».

Мешала работе Ленина также и его болезнь.

Так в письме от 13/VII 1908 г. на имя Марии Ильиничны он пишет: «Мою работу по философии болезнь моя задержала сильно. Но теперь я почти совсем поправился и напишу книгу непременно. Поработал я много над махистами, и думаю, что все их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал». («Пролетарская революция» № 11 за 1929 г., стр. 216).

В черновике рукопись книги была закончена Лениным в конце сентября. Это устанавливается по пометке Ленина: «Сентябрь 1908 года» в предисловии к книге, а также по следующей фразе в § V у главы, где Ленин говорит об открытии электрона... *всего только три месяца тому назад (22 июня 1908 г.)* [курсив наш] Жан Беккерель доложил французской академии наук, что ему удалось найти эту «новую составную часть материи». (Сочинения, т. XIII, 2 изд., стр. 233).

В дальнейшем Ленин продолжал работать над книгой, очевидно, отделявая ее набело и дополняя отдельные места. Так, в письме к Марии Ильиничне от 30/IX 1908 г. он пишет: «Я думаю отдохнуть недельку, после окончания работы (которая уже подходит к концу)». («Пролетарская революция» № 11 за 1929 год, стр. 218.)

Закончил Ленин свою работу, как видно из публикуемого здесь письма на имя Анны Ильиничны, лишь к 27-му октября, посвятив затем еще около двух недель на окончательную отделку и пересмотр отдельных мест в книге.

³ Речь идет о меньшевистском «пятитомнике» — «Общественное движение в России в начале XX века» «под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб. Тип. «Общественная польза». Вышло только четыре тома. Подробнее см. примечание 38 к XIV тому Сочинений Ленина, стр. 502.

Сведения о том, что «Гранат» купил историю «меньшевиков» оказались неточными. Со стороны меньшевиков в то время поступило предложение к изд-ву «Гранат» взять на себя издание «пятитомника», но переговоры не привели к положительным результатам, после чего издание было передано в тип. «Общественная польза».

Как известно из письма Ленина «К ученикам Каприйской партийной школы», он намеревался, в противовес указанному ликвидаторскому «пятитомнику», приступить к изданию большевистской истории революции.

«Я был», говорит Ленин, на о. Капри в апреле 1908 г. и объявил всем этим трем товарищам [Богданову, Базарову и Луначарскому] о безусловном расхождении с ними по философии (при чем я предложил им тогда употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции, но каприйцы отвергли мое предложение, пожелав заняться не общепартийным делом, а пропагандой своих особых философских взглядов). (См. Сочинения, т. XIV, 2 изд., стр. 119 — 120).

3

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

8/XI [19]08 [Женева]

Дорогая Анюта! Получили сегодня открытку твою и мамы с новым адресом. Получила ли ты мое письмо, адресованное на Пресню, 44,4? Я опасаюсь послать большую рукопись на твой личный адрес и вообще не на адрес какого-бы то ни было *издательства*. Если можно, найди такой адрес и я вышлю рукопись *немедленно*. Пока подожду ответа на это мое письмо. Между прочим, если бы цензурные соображения оказались *очень* строги, можно было бы заменить везде слово «поповщина» словом «фидеизм» с пояснением в примечании («фидеизм есть учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере»)¹. Это на случай — для *пояснения* характера уступок, на которые я пойду.

Жму руку и маму крепко целую.

Твой В. Ульянов]

¹ Как видно по тексту издания слово «поповщина» было заменено словом «фидеизм», хотя в некоторых местах книги слово «поповщина» не было исправлено.

Указанное здесь примечание было дано в предисловии к первому изданию и сохранилось в последующих изданиях (см. Сочинения, т. XIII, 2 изд., стр. 11).

Таким образом фраза, к которой дано это примечание, в рукописи читалась так: «Опираясь на все эти якобы новейшие учения, наши истребители диалектического материализма безбоязненно договариваются до *прямой поповщины* (курсив наш. Ред.) (у Луначарского всего яснее, но вовсе не у него одного!)... и т. д.

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

17. XI. [19]08. [Женева]

Дорогая мамочка! Маняша сегодня поехала в Лозанну к Dr. Mermod, знаменитости по ушным болезням. Он назначил ей визит письменно: приходится ждать очереди у здешних знаменитостей. Но за то, по общему отзыву, врач этот дельный. Я четыре года назад делал маленькую операцию у него в клинике: работают великолепно. Надеюсь поэтому, что Мане он поможет, а то ее все же порядком еще беспокоит ухо и мешает работать. Поселилась она на нашей лестнице этажем выше; в комнате поставили печку, так что теперь тепло, хорошо. Обедает и ужинает она у нас. Неудача [только вышла у нее с латинским языком. Оказалось, что латынь требуется и что держать экзамен можно только 19. XI. До этого срока оставалось ей всего десять дней. Я было попробовал убедить ее рискнуть, пройдя «ускоренным маршем» грамматику; благо французский она хорошо знает. Но оказалось, что работать очень интенсивно она не может, ухо мешает; да и срок до того маленький, что шансы плохи. Так и бросила латынь. Утешается тем, что мы, вероятно, все переедем в Париж, а тогда и она, конечно, с нами. В Париже не требуют латыни. Что касается до этого нашего переезда, то он уже почти окончательно решен, но раньше чем через месяц едва ли выберемся. Возни с переездом будет, разумеется, куча. Надеемся, что большой город немножко встряхнет нас всех; надоело сидеть в этом провинциальном захолустье. Дороже, конечно, в Париже, это верно. Климат, вероятно, не хуже Женевского. Здесь сырой довольно климат, неприятны туманы. Разузнаем теперь, как быть с велосипедами. Бросать их жаль — это великолепная штука для отдыха и прогулок — а пошлины тут, кажется, довольно большие, но, я надеюсь, устроимся и с этим. Анюте, пожалуйста, передай, что философская рукопись послана уже мной тому знакомому, который жил в городке, где мы виделись перед моим отъездом в Красноярск в 1900 году¹. Я надеюсь, что он уже получил ее и доставил вам. Если нет, необходимо навестить к нему, благо живет он недалеко от вас. Очень прошу черкнуть мне пару слов немедленно о получении рукописи. В Питер я написал двум приятелям, прося их помочь в деле устройства с изданием². Поручил им списаться с Анютой, ежели что представится, через нашего общего знакомого, служащего в Знании³. На само Знание я почти вовсе не надеюсь: «хозяин» его⁴, давший полуобещание Анюте, большая лиса и, вероятно, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется⁵. Придется искать в ином месте. Про то, что я иду на все уступки, я уже писал.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья

Твой В. Уль[янов]

¹ Речь идет о В. А. Левицком, общем знакомом Ульяновых по Подольску, служившем тогда санитарным врачом Подольского уезда. Владимир Ильич, очевидно по ошибке, говорит о нем, как о знакомом, с которым он виделся в 1900 г. перед своим отъездом в г. Красноярск.

² О ком идет речь установить не удалось.

³ Речь идет о В. Д. Бонч-Бруевиче, работавшем сначала в издательстве «Вперед» и «Знание», а затем основавшем издательство «Жизнь и Знание».

⁴ «Хозяин» — Пятницкий, К. П. — управляющий издательством «Знание».

⁵ После августовского пленума ЦК отзовисты и ультиматисты стали предпринимать шаги к организации партийной школы на Капри, которая фактически явилась попыткой со стороны Богданова, Алексинского и Луначарского создать свою фракционную организацию в противовес Большевицкому Центру.

5

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

26. XI. [19]08. [Женева]

Дорогая Аня! Только что отправил тебе «тревожное» письмо¹, как пришло твое письмо от 9. XI. с извещением о том, что получена работа в целости. Согласен, что понервничал и тут с посылкой. Но я смертельно боюсь пропажи большущей, многотысячной работы, да и замедление ее меня действительно изнервливает. Ты великолепно сделала, что просила узнать телеграммой ответ. Раз будет отказ, — немедленно надо издавать через Бонча. Другого издателя, видимо, не добыть. А Бонч издает в долг, через кое-кого, как-нибудь, и не очень достоверно, что я получу что-либо, но все же издаст². Я уже двум коллегам писал в Питер и напишу еще. Конечно, если что-либо подвернется тебе, то отдавай и вообще распоряжайся сама, но шансов, по всему видно, мало.

Если нет издателя, посылай прямо и тотчас Бончу: пусть только никому не дает читать и бережет сугубо от провала! Напиши ему об этом.

Прилагаю две поправки или вернее, одну поправку и одно дополнение. На стр. 60-й (в конце «Введения») после слов «Валентинов спутывает их» (строка 9—10 сверху) вычеркнуть [ост]* следующее до слов... «мы и т. д. (строка 2 снизу), поставив таким образом:

«Валентинов спутывает их и приэтом [еще] забавно утешает нас: «мы не считаем — пишет он — за философское преступление «близости» Маха к» (и т. д. стр. 61)**.

Внеси это в текст, пожалуйста. Затем дополнение посылаю особым

* Зачеркнуто в оригинале. Ред.

** Такой вид должна принять 2-я половина 60-й страницы.

листком, к[ото]рый легко приклеить. Это примечание к *последнему слову* 5-го параграфа (V главы)³. Копии с этой главы у меня нет сейчас дома, поэтому не могу привести последнего слова, но это и не нужно.

Крепко жму руку. Твой В. Ул[ьянов]

Р. С. Маняше перешлю твое письмо в Париж.

От нее оттуда еще не имеем писем.

Р. С. Повтори, пожалуйста, свой адрес: Маняша увезла его, и я пишу по памяти.

¹ Указанного письма на сохранилось.

² По сообщению В. Д. Бонч-Бруевича издать книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в издательстве «Жизнь и Знание» было чрезвычайно трудно, в виду его неокрепшего тогда еще положения.

³ Рукопись «особого листка» с указанным дополнением не сохранилась.

Речь идет о примечании, касающемся работы Эриха Бехера «о философских предпосылках точного естествознания» (Erick Becher. «Philosophische Voraussetzungen der exacten Naturwissenschaften», Lpz. 1907), с которой, как говорит Владимир Ильич, он ознакомился после окончания книги. (См. Сочинения, т. XIII, 2 изд., стр. 237.)

6

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

10. XII. [19]08. [Женева]

Дорогая мамочка! Сегодня мы сдали наконец квартиру. Часть вещей [уже] отправляется сегодня малой скоростью. Сами будем в субботу или в понедельник самое позднее. Квартира нам уже найдена, Avenue d'Orléans, 69 или 67 — я пришло более точно из Парижа¹. Писать нам надо теперь на Маняшу. Квартира нам снята в 1-м этаже, 3 комнаты, т. е. 1 для Маняши.

Сейчас получил письмо от Анюты и отправил ей телеграмму: *asseyez immédiatement seconde condition**. Я очень рад, что удалось устроиться помимо Знания и думаю, что надо как можно скорее подписать договор на втором условии. Самое важное теперь не терять времени, закрепить за собой как можно скорее издателя формальным договором и торопить издание. Если можно, то в договор надо бы внести *немедленное* издание.

(Если можно, выговори побольше даровых экземпляров автору, но из-за этого, конечно, не упираться).

Кстати. При подписи договора советую Ане быть осторожнее, т. е. не давать по возможности своего имени, чтобы не быть ответственной по законам о печати (и не отсидеть в случае чего; об этом надо посо-

* Принимай немедленно второе условие. *Ред.*

ветоваться с знающими людьми). Нельзя ли договор на мое имя написать, а Анюту обойти вовсе, т. е. не упоминать совсем? Я послал вам два письма на неверный адрес. Писал: Хамовники, *Сокольничий* переулок вместо: Оболенский. Получили-ли эти письма²?

Вероятно, эти письма тебе не доставлены, ибо ты о них ни слова. М[ожет] б[ыть], целесообразно подать заявление на почту, приложить конверт настоящего письма, указать, что почерк тот же, что письма посланы из того же города, адресованы М. А. У[льяно]вой или А. И. Ели[заро]вой, что ошибка только в наименовании переуллка.

Если нет, то я *повторю* посланное в одном из них дополнение. [*На днях пошлю*]*. Посылаю еще несколько маленьких поправок к V главе. Корректуры очень прошу высылать мне полистно (все на адрес: M-lle M. Oulianoff, Boulevard St.-Marcel. 27. Paris), чтобы я мог просмотреть. В крайнем случае я бы пошел, *entre nous*,** и на 1-е условие; но 2-е так выгодно и возможность издать сразу и в Москве так завлекательна, что надо эту возможность ловить обеими руками. Насчет фамилии автора я не стою: как угодно, мне все равно, пусть издатель выбирает.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и Анюте шлю большой привет. Наши все тоже.

Твой В. Улья[нов]

¹ Таким образом устанавливается точная дата приезда Ленина в Париж; суббота приходится на 12/XII, а понедельник на 14/XII. Следовательно — Владимир Ильич переехал в Париж в середине декабря 1908 года, а не в 20-х числах октября 1908 года, как указано в «Вехах жизни» XII тома Сочинений Ленина, стр. 565.

² Эти письма, как видно из письма 7, затерялись на почте.

7

В. И. ЛЕНИН—А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

19. XII. [19]08. Париж

Дорогая Анюта! Получил сегодня твое пересланное из Женевы письмо и открытку через Маню. Итак, все улажено и подписано. Это превосходно. Насчет исправлений я писал тебе в пропавшем письме. Повторю. На смягчения по отношению к Базарову¹ и Богданову² *согласен*; по отношению к Юшкевичу³ и Валентинову⁴ — не стоит смягчать. Насчет «фидеизма» и проч. соглашаюсь *лишь* по вынуждению, т. е. при ультимативном требовании издателя. Насчет корректур я не имею плана здесь их править и заставлять ждать отсюда. Это, наверное, невозможно. Я прошу только посылать тотчас после оттиска (значит, первый непра-

* Зачеркнуто в оригинале. *Ред.*

** Между нами. *Ред.*

вленный оттиск, — *кроме* посылки отпечатанных листов по мере отпечатания) — для того, чтобы я имел возможность *в случае крайности* дать телеграмму или сообщить об опечатке etc. Каувеларт надо действительно исправить на Ковеларт, хотя это пожалуй фламандец и чорт их знает, фламандцев, Ко у них или Кау.

Послал тебе еще из Женевы на верный адрес письмо с поправками и дополнениями. Получила-ли?

Мы едем сейчас из гостиницы на свою новую квартиру: Мг. VI. Oulianoff, 24. Rue Beaupier, 24.* Paris (XIV-me). Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую 840 frs + налог ок[оло] 60 frs да + консьержке тоже около того в год. По московски это дешево (4 комнаты, кухня + чуланы, вода, газ), по здешнему дорого. За то будет поместительно и, надеемся, хорошо. Вчера купили мебели для Маняши. Наша мебель привезена из Женевы. Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около парка Montsouris. Тихо, как в провинции. От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят métro — подземную электричку, да пути сообщения вообще имеются. Парижем пока довольны.

Крепко жму руку. Наши все кланяются. Поцелуй за меня маму.

Твой В. Уль[янов]

Пуришкевича оставь⁶. Ругательства прочие согласен смягчать, а равно и неприличные выражения. Примыслил боженьку — придется заменить: «примыслил» себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия» или в этом роде⁷.

¹ Базаров, В. — Руднев, В. А. (р. 1874) — принимает участие в работе с.-д. организации с 1896 г. После раскола — большевик. В 1905 г. член Петербургского комитета РСДРП. В 1908—1909 гг. один из главных представителей философии махизма. Критику его взглядов Ленин дает в ряде мест своей книги «Материализм и эмпириокритицизм». В политике сторонник отзовистов и группы «Вперед». Отойдя в годы реакции от большевиков, примкнул затем к с.-д. интернационалистам, группы М. Горького; в период ленинкинщины, вместе с меньшевиками участвовал в журнале «Мысль», издававшемся в Харькове. В последнее время работал в Госплане.

² Богданов А. — Малиновский, А. А. (1873—1928) — начал свою революционную деятельность с девяностых годов. После раскола большевик. Принимает активное участие в работе большевистских организаций. Избирается в члены ЦК на 3, 4 и 5 съезд партии. В период реакции примкнул к группе «Вперед». Его разногласия с Лениным по основным вопросам философии привели в конце концов к отходу его от большевизма. Под его влиянием в 1922 г. находилась группа «Рабочей Правды». Последние годы, будучи директором Московского Института переливания крови, погиб, произведя на себе неудачный эксперимент.

Критике его философских воззрений Ленин посвящает десятки страниц в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм». Общую оценку философских шатаний Богданова Ленин дает в § 5 главы IV книги (Сочинения, т. XIII, стр. 189).

Особенно резкую отповедь философским выступлениям Базарова и Богданова Ленин дает в своих письмах к М. Горькому (см. 1 Ленинский сборник).

* Au deuxième au-dessus de l'entresol т. е. по русски в *четвертом* этаже.

³ Юшкевич, П. С. — социал-демократ, меньшевик. Из его философских работ известны: «Материализм и критический реализм». (О философских направлениях в марксизме.) Изд. «Зерно» СПб. 1908, Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма» в философском сборнике: «Очерки по философии марксизма». Изд. «Зерно» 1908 и др. В философии примыкал к позитивизму и прагматизму, близкому к Маху.

⁴ Валентинов — Вольский Н. В. (р. 1879) — социал-демократ, меньшевик — один из ортодоксальных последователей махизма. В 1917 г. вышел из меньшевистской партии. В последнее время работал в «Торгово-Промышленной газете». Из его философских работ известна: «Мах и марксизм» (М. 1908), «Философские построения марксизма» (М. 1908) и др.

⁵ Ковеларт, Ф. (Couwelart, F. von) — профессор психологии во Фрейбурге.

⁶ Речь идет о следующей цитате из IV главы книг: «Когда я читал уверения наших махистов, что они гораздо последовательнее и решительнее, чем какие-то устарелые материалисты, критикуют Канта, мне всегда кажется, что в нашу компанию зашел Пуришкевич и кричит: я гораздо последовательнее и решительнее критиковал кадетов чем, вы, господа марксисты! Слов нет, г. Пуришкевич, последовательные в политике люди могут и всегда будут критиковать кадетов с диаметрально противоположных точек зрения, но не следует все-таки забывать, что вы критиковали кадетов за то, что они — *чересчур* демократы, а мы их — за то, что они *недостаточно* демократы. Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он — недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы — слева». (Соч., т. XIII, 2 изд., стр. 163.)

⁷ Речь идет о следующем месте в § 4 главы 1 книги «Материализм и эмпириокритицизм», где Ленин приводит цитату из «Введения в философию чистого опыта» И. Петцольдта об учении Авенарнуса:

«Гносеологически важный вопрос состоит однако совсем не в том, можем ли мы вообще мыслить подобную местность [где не ступала еще нога человеческая], а в том, имеем ли право мыслить ее существующей или существовавшей независимо от какого бы то ни было индивидуального мышления».

По поводу этого Владимир Ильич замечает:

«Что верно, то верно. Мыслить и «примыслить» люди могут себе всяческий ад, всяческих леших, Луначарский даже «*примыслил себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия* (курсив наш. Ред.) но задача теории познания в том и состоит, чтобы показать нереальность, фантастичность, реакционность подобных примыслов». (Соч., т. XIII, 2 изд., стр. 64.)

8

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

24. XII. [19]08. I 24. Rue Beaunier Paris (XIV-me)

Дорогая Аня! Получил сегодня письмо твое насчет корректур и спешу черкнуть несколько слов, хотя в предыдущем письме я, кажется, уже устранил недоразумение. Я не предполагал и не предполагаю посылки корректур для правки здесь, т. е. с ожиданием присылки отсюда выправленного. Я прошу высылать мне корректуры *на всякий случай*, т. е. либо для того, чтобы я мог оговорить опечатки и важнейшие поправки, либо для остановки телеграммой в случае экстренном и т. п., либо наконец для того, чтобы иметь хоть один печатный оттиск на случай каких-либо маловероятных случаев.

Я прошу поэтому давать отбивать *два* экземпляра *первой* (или *второй*, а еще лучше и *первой* и *второй*) корректуры: один ты будешь чи-

тать, а другой *сразу* пойдет ко мне, никого ни в чем не задерживая. Такая вещь, думаю, *вполне* возможна для издателя: ни малейшей остановки я не учиню без самой крайней надобности. Если отбивание двух экземпляров корректурного оттиска требует расходов (это едва ли, и *нам* вызывать вопрос об этом не стоит), то я согласен взять их на себя*.

Кстати. На случай задержки условлюсь сразу о телеграмме. Я буду писать: *arretez* 12 или 65 и т. п., причем *arretez* будет значить задержать печатание [,] сиречь — дожидаться авторской корректуры, а две цифры будут означать первая — главу, вторая § (12 = гл[ава] 1, § 2; 65 = гл[ава] 6, § 5 и т. п.). Повторяю, это я сделаю лишь в случае безусловной крайности.

Заглавие параграфов, если можно, лучше набирать не жирным шрифтом, а петитом или курсивом. Но это, конечно, неважно.

Не пропало-ли одно письмо с дополнениями и мелкими поправками? Насчет Э. Бехера ты получила поправки и дополнения², это я вижу из твоего письма, но перед ним было еще одно письмо с поправками³.

Очень, очень рад, что дело движется быстро. Это главное.

Крепко жму руку. Маму целую. Твой В. Уль[янов]

Наши все кланяются.

Начали обживатьсь в Париже.

¹ Эта приписка сделана по всем данным после написания письма и по смыслу отнесена нами к вышеприведенному тексту.

² См. письмо 5, примечание 6.

³ Указанного письма не сохранилось.

9

В. И. ЛЕНИН—А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

6. II. [19]09. [Париж]

Дорогая Анюта! Вчера отправил тебе письмо с выражением полной потери надежды на корр[екту]ры¹, а сегодня утром пришли первые корр[екту]ры! Посылаю списочек опечаток (вообще их мало) на всякий случай: интересно также знать, скоро-ли дойдет и успевает-ли. Самые корр[екту]ры предпочитаю не посылать.

Коллекции вместо коллекцию (с[траница] 15, строка 8 снизу рукописи; с[траница] 5, стр[ока] 1 сверху гранки).

Предположением вместо предположения (с[траница] 22, строка 3—4 снизу рукописи; с[траница] 7, строка 3—4 сверху гранок).

* Если посылать *первый* корр[ектурный] оттиск регулярно, то задержка *никогда* не будет равна неделе, ибо пройдет несколько дней до полной выправки его и до напечатания (правка 1-й корр[екту]ры;правка 2-й корр[екту]ры; верстка; печатание). Это издатель врет, будто *неделя задержки*¹.

Телесные вместо те лесные (с[траница] 28, строка 6—7 сверху рукописи; с[траница] 9, стр[ока] 3 сверху гранок).

Эмоций вместо элюций (стр[аница] 36, строка 3—4 снизу рукописи; с[траница] 10 гранок, строка 2 снизу)².

Вот и все.

Крепко жму руку и целую маму.

Твой В. У[льянов]

Все наши кланяются. Сейчас собираемся с М[аняшей] в театр — на русский спектакль. Дают «Дни нашей жизни» Андреева.

¹ Указанного письма от 5/II 1909 г. не имеется.

² Все перечисленные здесь опечатки были исправлены в самом тексте книги.

10

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[16 или 17 февраля 1909 г. Париж] ¹

Дорогая Анюта! Вчера послали тебе телеграмму и сегодня получили ответ ². Маняша очень порывалась и порывается уехать сейчас же, но теперь, кажется, согласилась подождать письма. Как-то мамино здоровье? Митино письмо прочел *и прошу его писать нам* регулярно теперь: ему, как врачу, виднее, особенно после совета с специалистами, состояние болезни[,] и я его *очень прошу* извещать нас *почаще* хотя бы самыми короткими письмами. Насчет корректур убедительно прошу тебя сбить их: это совсем бесчеловечно — взваливать их на тебя в такое время. Рукопись есть, — значит, найми из студентов и т. п. (или через «писателя» ³ и т. д.) последнего корректора, дай ему мой адрес и не отвлекайся, пожалуйста, на правку опечаток. И без того тяжело... Крепко крепко целую маму. Наши все шлют большой привет.

Марк не хочет ехать до конца срока: говорит, все равно не пустят в столицу по нынешним временам ⁴.

Крепко жму руку. Твой В. Уль[янов].

К письму имеется следующая приписка М. И. Ульяновой на имя Дмитрия Ильича:

Дорогой Митя! Спасибо тебе за письмо. Пожалуйста пиши почаще и дай мне телеграмму, если маме все не будет лучше. Я хотела ехать сегодня, но верно уж дождусь Аниного письма, кот[орое] надеюсь будет в воскресенье. Очень надеюсь, что ты исполнишь мою просьбу. Жду вестей.

Целую тебя. М.

¹ Обоснование даты: в приписке к письму Мария Ильинична говорит об ожидании в ближайшее воскресенье письма от Анны Ильиничны с сообщением о здоровье Марии Александровны. Письмо Анны Ильиничны было получено, как видно из письма 12, 22 февраля в понедельник. Почта до Парижа из России шла около 4-х дней.

² Указанной телеграммы не имеется. В телеграмме Владимир Ильич, как видно по содержанию, запрашивал о здоровье своей матери.

³ «Писатель» — Скворцов-Степанов (1870—1928) — оказывал ближайшее содействие в издании книги «Материализм и эмпириокритицизм».

Общую биографическую справку о нем см. Сочинения, т. XIV, 2 изд., стр. 603.

⁴ Марк Тимофеевич, совершив путешествие из Японии морем, мимо Индии и потом Средиземным морем, был в это время в Париже и хотел дожидаться возможности вернуться по окончании надзора в столицу (А. Е.).

11

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[17 или 18 февраля 1909 г. Париж] ¹

Дорогая Анюта! Посылаю поправки к полученным мной сегодня кор[ректур]ам. Получено мной:

(α) с[траницы] 97 — 112 сверстанное.

(β) гранки 81 — 97 (с[траницы] 302 — 364 рукописи) несверстанное.

Но между тем и другим есть пропуск: сверстанное кончается стр. 274 рукописи (есть еще сс. 274а, 274д), а гранки начинаются со стр[аницы] 302. Следовательно, *около 27 страниц рукописи пропущено!!* Не пропущен ли целый сверстанный лист? Не выпал ли он из бандероли? Или м[ожет б]ыть его случайно забыли послать или выдать из типографии? *Очень прошу* выслать мне кор[ректур]ы этих пропущенных страниц (с[траницы] 274 — с[траницы] 302 рукописи) и во всяком случае принять меры, чтобы их не могли опустить при верстке и при печати. Пропущенным оказалось *особенно* важное для меня и для моей книги.

Вот еще описание пропуска более точное, по рукописи. Последние слова сверстанной, 112-ой страницы: «Эти активные силы следует». В рукописи это будет 274 или 274а или 274б страница. После этих слов начинается пропуск. Пропущены стр[аницы] 274а — стр[аницы] 302-ая, до слов: «еще немного цитату из Базарова» включительно, т. е. до строки 3-ей сверху включительно. Вот точный размер пропуска ².

Еще одна ошибка или, вернее, не ошибка, но способная вызвать при верстке ошибку вещь в гранках. На гранке 88-й *семнадцать* строк снизу [начиная со слов: «гелем» (стр. 14 четвертого нем[ецкого] изд[ания]) и т. д.] (стр[аница] 338 рукописи) должны быть поставлены в *конец* гранки 89-ой.

Иными словами: в наборе за словами: «религиозного опыта» (строка 18 снизу в гранке 88, строка 6 сверху, стр[аница] 334 рукописи) идут слова: «гелем» (стр. 14 и т. д.), т. е. страница 338, строка 7 сверху. Надо посмотреть внимательно, чтобы при верстке не вышло ошибки ³.

Убедительно прошу сдать последнюю корректуру (и переписку со мной) за плату кому-либо, *знающему языки*. Пусть Митя возьмет *сто рублей*, поедет к «писателю» и *наймет* * либо его самого, либо рекомендованное им лицо на работу последней считки корректур и сношений со мной. Это *необходимо* сделать, ибо тебе, *понятно*, не до корректур теперь, и ты будешь только маяться и терзаться.

Убедительно прошу немедленно это сделать.

Вчера писал тебе и Маняша писала тоже. Целую крепко маму. «Un peu mieux» ** — это очень неопределенно ⁴... Пишите.

Жму крепко руку. Твой В. У[льянов]

Р. S. Пожалуйста, посылай мне также *уже напечатанные* листы немедленно: я составлю список опечаток: Это оч[ень] важно, ибо кое-что удастся тогда исправить даже после напечатания всей книги ⁵.

[Далее в оригинале следует список опечаток. *Ред.*].

¹ Обоснование даты: слова Владимира Ильича в письме: «Вчера писал тебе и Маняша писала тоже». См. предыдущее письмо № 10.

² Отмеченные В. И. корректуры были получены им позже (см. письмо 12). Пропуска не получилось (*А. Е.*).

³ Un peu mieux — «немного лучше» — очевидно, содержание телеграммы, упоминаемой в письме 10 о состоянии здоровья Марии Александровны.

⁴ Все опечатки, прошедшие как в 1-е, так и во 2-е и 3-е издание книги, нами учтены и будут исправлены в последующих изданиях.

12

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[23 февраля 1909 г. Париж] ¹

Дорогая Анюта! Получил вчера вечером твое письмо с припиской дорогой мамочки. Маняша и мы все ужасно были обрадованы: Маняша сегодня ожила и отправилась гулять с Марком — сегодня *mardi gras* ², и французы беснуются. Поцелуй от меня и от всех нас покрепче маму, надеемся крепко, что она станет теперь поправляться без перерывов.

Сегодня получил корректуру сверстанных 8-го и 9-го листов (стр[аницы] 113 — 144) и с величайшим удовольствием увидел, что нет ни пропуска, ни смешения гранок (о чем я писал прошлый раз, *не видя* сверстанной корректуры: кстати, ты посылаешь бандероли без бечевки и отдельные страницы, даже листы легко могут выпадать).

* Это дело 2 — 3 часов.

** — немного лучше. *Ред.*

Корректурa этих двух листов в общем очень хороша, что меня сугубо радует. Не решаюсь все же взять назад своей просьбы сдать корректу[ры за плату (о чем писал в предыдущем письме), ибо боюсь, что тебе во время болезни мамы непомерно трудно уделять время на такую скучную работу и сосредоточивать на ней внимание.

Посылаю поправки к сверстанным листам 8 и 9 (с[траницы] 113—144 печатные). Когда листы начнут *печататься*, очень прошу присылать их мне с 1-го листа, — для составления такого списка опечаток, к[ото]ры[е] необходимо оговорить хотя бы во вклеиваемом особо в книгу листке.

Жму крепко руку и еще раз целую маму. Твой В. У[льянов]

Изменяет смысл только одна ошибка:

- (1) ошибка: с[траница] 126, строка 16 сверху пропуск *не*
- (2) и с[траница] 138, строка 20 снизу.

[Далее в оригинале следует список опечаток. *Ред.*]

¹ Дата письма определяется по содержанию. (См. примечание 2.)

² Mardi gras (буквально: жирный — скоромный вторник) — последний день карнавала на маслянице во Франции, накануне mercredi des cendres (среды на первой неделе великого поста у католиков). В 1909 году этот день приходился на 23-е февраля.

13

В. И ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

2. III. [19]09. [Ницца]

Дорогая Анюта! Получил здесь твое и Митино письмо — большущее спасибо за них. Я уже написал тебе из Парижа, что последняя корректура была превосходна. Если маме лучше[,] и ты не чересчур устала, тогда я не настаиваю, конечно, на передаче корректур. Но не слишком ли ты замаялась? Из письма Мити узнал с радостью, что маме лучше! Наконец-то, — измаялась она, должно быть, здорово. Посылай, пожалуйста, корректуры по прежнему не только сверстанные, но и не сверстанные (это не беда, что я правлю лишний раз: лучше, чтобы меньше было ошибок). Напечатанные уже листы тоже посылай тотчас в Париж.

Я сижу на отдыхе в Ницце. Роскошно здесь: солнце, тепло, сухо, море южное. Через неск[оль]ко дней вернусь в Париж.

Крепко обнимаю маму и всем жму руку.

Твой В. У[льянов]

Письмо представляет собой почтовую карточку со следующим адресом, написанным Лениным:

Анне Ильиничне Елизаровой. Хамовники, Оболенский переулок, д[ом] 5/7 Болдырева, кв[артира] 30. *Russie. Moscou. Москва.*

В. И. ЛЕНИН—А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

9. III. [19]09 [Париж]

Дорогая Анюта! Приехал вчера вечером в Париж (после великолепного отдыха в Ницце) и прочел твое письмо от 16-го.

Посылаю поправки к листам 10 и 11-му сверстанным. Важны только две. Название книги Богданова есть «Эмпириомонизм», а не «Эмпириокритицизм». Эту опечатку *обязательно* оговорить особо в опечатках, если исправить поздно¹ (не знаю, получила ли ты мою открытку из Ниццы — я послал тебе оттуда 2 открытки; в одной я уже указывал на эту опечатку)². Другая — с[траница] 170, строка 9 св[ерху] в цитате из Плеханова слово «эту» излишне.

Что касается передачи корректуры, то конечно ты права, предпринимая для этого все меры, ибо соединять такую кропотливую и скучную работу с уходом за мамой неимоверно трудно. Я могу только удивляться, каким образом последние корректуры могли выходить при подобных условиях работы такими образцовыми.

Всего важнее мне скорый выход книги. Затяжка получилась очень уже большая. Хоть бы к 15 марта по стар[ому] стилю выпустить ее, а то просто беда! Насчет неустойки уже не знаю, можно ли ее взыскивать. Сомневаюсь. Да и стоит ли портить окончательно отношения с издателем? Не стоит.

Не потому ли отчасти в последние дни нет корректур, что ты перестала посылать их по случаю моего отъезда? Надеюсь, что причина такова, а не замедление в типографии и наборе. Теперь, пожалуйста, посылай все.

Из Митиного письма вижу, что мамино здоровье пошло на поправку. Наконец-то! Крепко целую маму и всем шлю большущий привет.

Твой В. У[льянов]

Р. S. Не смягчай, пожалуйста, мест против Богд[ано]ва и поповщины Лунач[арск]ого. Отношения с ними у нас *порваны совсем*. Не к чему смягчать, не стоит.

Р. S. «Писателю» *тысяча* благодарностей за согласие помочь. Он кажись, все же «*марксист* настоящий, а не марксист на час», как иные прочие. Немедленно преподнеси ему от меня мою книгу.

Поправки к сверстанным листам 10 и 11-му.

[Следует список опечаток. Ред.]

¹ Указанная опечатка была оговорена в «Перечне важнейших опечаток» в конце книги.

² Указанной открытки не имеется.

12. IV. 09

Душман! Маджарск народ
хазбе свѣта 1-9 и свѣта 13. свѣта.
Ме" м. е. на кожоме Душман и свѣта
на, Душман и свѣта Душман и свѣта
на, Душман и свѣта Душман и свѣта
каждом свѣта Душман и свѣта
свѣта: "кожоме Душман и свѣта"

[illegible]

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

12. III. [19]09. [Париж]

Дорогая Анюта! Получил сегодня чистые листы 1—9 и лист 13-й. «Чистые», т. е. на хорошей бумаге и, видимо, отпечатанные уже, но с непонятным для меня клеймом сверху каждого листа (типографским клеймом): «корректурa».

Как бы там ни было, корректурa ли это или отпечатанные уже листы, во всяком случае я должен сказать, что перепутанные абзацы исправлены вполне правильно и что *в общем* эти чистые листы вполне, вполне хороши. Об одном и только об одном я теперь мечтаю и прошу: об *ускорении* выпуска книги. Теперь дело вполне наладилось, корректурa идет отлично, ускорять, ускорять во что бы то ни стало, ибо промедление вышло чертовское, невозможное. Поэтому, ежели тебя опять хоть что-ниб[удь] задержит, обязательно немедленно найми подсобного корректора (если ты еще не наняла его).

Посылаю список опечаток, *не исправленных*, но указанных в моих прежних поправках: список этот относится только к 6—9 и к 13-му листу (к первым пяти листам вышлю этот список завтра-послезавтра, ибо я отдал эти листы и должен затребовать их сначала).

Опечатки эти обязательно поместить в списке опечаток в конце или в начале книги, ибо из них *есть* искажающие смысл. Но в общем опечаток *так мало*, что *ни в коем случае* задерживать из-за них не стоит.

Листа 10-го, 11-го и 12-го (с[траницы] 145—192) в сверстанном виде я еще не имел; поэтому список опечаток к ним будет особо послан. Обозначаю точно: список опечаток *к таким-то* сверстанным печатным листам. Не дожидаясь от меня последнего списка, надо выпускать книгу обязательно с этим моим списком под заглавием: *замеченные опечатки*.

Самое важное:
с[траница] 126,
стр[ока] 16 св[ерху]

Крепко жму руку и целую маму.

Твой В. У[льянов]

Р. S. *Пожалуйста*, не смягчай *ничего* из мест против Богданова, Лунач[арского] и К°. Невозможно смягчать. Ты выкинула, ч[то] Чернов «более честный» противник, чем они, и это очень жаль. Оттенок вышел не тот. Соответствия во всем характере моих обвинений нет. Ведь гвоздь

в том, что наши махисты *нечестные*, подло-трусливые враги марксизма в ф[илосо]фии¹.

[Следует список опечаток. *Ред.*]

¹ За отсутствием рукописи установить точно, к какому месту относится указанное замечание Ленина трудно.

Речь идет, повидимому, о следующей фразе в § 1 («Вещь в себе» или В. Чернов опровергает Фр. Энгельса) во II главе книги, где Ленин говорит о выступлениях Богданова, Валентинова, Базарова, Чернова и др. махистов против основного положения материализма о признании объективно, независимо от нашего сознания существующей материи — «вещи в себе».

«Стыдно признаться, но грешно было бы утаить, что на этот раз открытая вражда к марксизму сделала из г. Виктора Чернова *более* принципиального литературного противника, чем наши товарищи по партии и оппоненты по философии. Ибо только *нечистая совесть* (или разве еще в придаток незнание с материализмом?) сделали то, что махисты, желающие быть марксистами, дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова. (Сочинения, т. XIII, 2 изд., стр. 80.)

16

В. И. ЛЕНИН — А. И. УЛЬЯНОВОЙ

21/III [19]09 [Париж]

Дорогая Аня! Здесь, как ты знаешь, вероятно, из газет, почтовая забастовка¹. Нерегулярность полная. Корректур не получаю (после сверстных 13 листов не получал ничего).

Посылаю на всякий случай заказным и прошу ответить мне *заказным тоже*.

1) Посылаю список опечаток к 1—5 листам.

2). Посылаю поправку к стр[анице] 630 рукописи².

3) Очень прошу вставить в *опечатки*: примечание в начале §-фа 6-го главы III (т[о] е[сть] §-фа о свободе и необходимости).

Вместо: не только улыбку

следует: не улыбку, а отвращение.

Это необходимая поправка, ибо иначе искажается моя мысль: я во все не нахожу ничего смешного в заигрывании с рел[игией], но нахожу много мерзкого.

Насчет того, чтобы никоим образом не смягчать мест против Богданова и Луначарского во второй половине книги, я уже писал и надеюсь, ты получила это письмо. (Особливо *не* выкидывай «Пуришкевича» и проч[ее] в § о причине кантианства!).

Получили открытку Марка. Как идет выздоровление мамы? Крепко поцелуй ее за меня. У нас все здоровы и шлют привет.

Твой В. У[льянов]

22/III — 09 — сегодня известие, что почтовая стачка кончилась. Все же посылаю заказным и прошу заказным ответить — для верности!

[Следует список опечаток. *Ред.*]

¹ Почтово-телеграфная забастовка во Франции, возникшая 17 февраля, прекратилась 23 марта.

² Указанной поправки не сохранилось, почему установить, о чем идет речь не представляется возможным.

17.

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[23 или 24 марта 1909 г. Париж]¹

Дорогая Аня! Сейчас получил твое заказное письмо от 7. III. Большое спасибо! Обрадовала нас очень весть, что дорогая мамочка поправилась и начинает вставать. Крепко, крепко ее обнимаю.

Как Марк? Есть-ли от него вести?

У нас окончательно кончена забастовка. Наконец-то! А то хорошее пролетарское дело здорово мешало в литературных наших делах...

Твоих корректур и сверстных листов *так и не получал*. Чистые листы видел только 1—9 (1—144 стр[аницы] и 13-й (193—208 с[траницы]).

Корректур не видел дальше гл[авы] III, § 6 в начале.

Почтальон, правда, обнадеживает, что sacs de Russie* не разобранные во время стачки, будут сегодня-завтра разобраны и разнесены. Боюсь надеяться.

Ну во всяком случае рад и очень, что дело движется, что 19 и 20 листы уже сверстаны, что значит близок конец. Изнервничался я в ожидании этой тягучей книги.

Посылаю добавление. Задерживать из за него не стоит. Но если время есть, пусти в самом конце книги, после заключения, особым шрифтом, петитом, например. Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского².

На 50 экземпляров в твое распор[яжение], конечно, согласен.

Крепко жму руку

Твой В. У[льянов]

¹ Обоснование даты: Письмо это написано, как видно из текста, непосредственно после окончания почтовой стачки.

² Указанное «Добавление к § 1-му главы IV» (С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?) не запоздало и было напечатано в конце книги.

* Посылки из России. *Ред.*

В. И. ЛЕНИН—А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

26. III. [19]09. [Париж]

Дорогая Аня! Получил сегодня сверстанные листы 15—18 и посылаю тебе список опечаток, которые *необходимо* на особом листке в конце или в начале книги напечатать.

«Чистых» листов, т[о] е[сть], *вероятно*, напечатанных (хотя на них стоит странное для меня клеймо: Корректурa) я получил *только* 1—9 и 13-й. Очень прошу выслать мне остальные чистые листы, т[о] е[сть] отпечатанные уже листы.

Пиши, когда ждать выхода книги. Маму крепко целую.

Твой В. У[льянов]

[Следует список опечаток. *Ред.*]

В. И. ЛЕНИН—А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

5. IV. [19]09. [Париж]

Дорогая Аня! Получил вчера сверстанные листы 14—20, с[тра-
ницы] 209—320, которые у меня уж есть (сверстанного я не получал
теперь только листа 10-го, [11-го])* т[о] е[сть] страниц 177—192-й),
а сегодня гранки 226—234 (с[тра-
ницы] 784—809 рукописи).

Посылаю опечатки к 14-му листу (с[тра-
ницы] 209—224);—к осталь-
ным листам опечатки уже посланы,—и поправки к гранкам. Поправка
здесь, собственно, важная одна: в гранке 234-й (конец 1-го абзаца в § 7
о «Русском физике идеалисте») набрано «мыслитель-материалист В. И. Вер-
надский» (в рукописи: с[тра-
ница] 800). Это совершенно искажает смысл.
Надо: «мыслитель-натуралист и т. д.»¹.

Если поздно исправлять,—то обязательно надо оговорить эту опе-
чатку в особом листке, как искажающую смысл.

Затем на твой вопрос «где вставить стр[аницы] 802-а и 802-б и где
эти страницы? В рукописи их нет», сообщаю, что страницы эти посланы
были отдельно (из Женевы) и что вставить их надо как примечание к
слову «объекта» на 7-й сверху строке того абзаца (в § 6), который на-
чинается словами «Рей запутался потому» и т. д. (в гранках это—стра-
ница 232-я, в рукописи 802-я)².

На всякий случай (т. е. на случай, что эти особо посланные вставки**
не дошли) посылаю их паки. Конечно, задерживать из-за них книги *не*

* Часть зачеркнутых слов неразобрана. *Ред.*

** У меня копия этой вставки (примеч[ание] к с[тра-
нице] 802) записаны на одном
листке с другой вставкой (конец § 7-го, к с[тра-
нице] 812 рукоп[иси]). Вероятно, пропали
обе, и я повторяю обе. Задерживать печатание *не* стоит *ни* из за одной.

стоит. Но, видимо, книга «сама» задерживается издателем до чортиков... до бесконечности. Ясно, что не выйдет и к Пасхе!..

Крепко жму руку! Маму целую и желаю поскорее вам обоим очутиться в Крыму.

Твой В. У[льянов]

[Следует список опечаток. Ред.]

¹ Эта опечатка не была оговорена и осталась как в тексте книги, так и во 2-м издании Сочинений (т. XIII, стр. 245, строка 2-я снизу).

² Указанное примечание было вставлено. (См. Сочинения 2 изд. т. XIII, стр. 243).

20

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

6. IV. [19]09. [Париж]

Дорогая Аня! Вчера послал тебе письмо с опечатками к 14-му листу и с двумя вставками. Надеюсь, получила его.

Сегодня получил утром *чистые* листы 10, 11 и 12-й и сверстаный лист 21-й.

Посылаю опечатки, которые *необходимо* напечатать в самой книге, в списке опечаток.

Очень жаль, что приходится посылать опечатки так разрозненно (см. P. S.): боюсь, чтобы не затерялись отдельные листочки со списком опечаток. М[ожет] б[ыть], ты их будешь склеивать по мере получения, чтобы отдать в типографию все сразу?

Насчет денег — прошу перевести их мне сразу (деньги теперь мне нужны); лучше всего через банк, именно через *Лионский Кредит*. Чтобы здесь не взяли лишку за размен, лучше всего купить франков в Москве и перевести уже точную сумму франков в Париж в Лионский Кредит (Crédit Lyonnais), агентство Z, 19 Avenue d'Orléans (Agence Z, Avenue d'Orléans, 19) на имя г-на Ульянова (W. Oulianoff), текущий счет № 6420.

Это самый удобный способ. Оказиям доверять не стоит, а при указанном мной способе нужно только сохранить квитанцию; не требуется посылать никаких чеков.

От души желаю тебе и маме поскорее выбраться из Москвы. Необходимо маме отдохнуть и оправиться в Крыму. Крепко, крепко ее целую. Всем привет.

Твой В. У[льянов]

P. S. Опечатки посланы мной теперь ко *всем 21 листам*, именно: к листам 1—18 чистым, и к листам 19—21 сверстанным. Проверь, пожалуйста, все ли эти списки опечаток у тебя есть и сообщи мне. Я повторю, если что пропало.

[Следует список опечаток. Ред.]

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

8. 1V [19]09. [Париж].

Дорогая Анюта! Получил сегодня сверстаный 22-й лист (с[траницы] 337 — 352). Ошибок в нем очень мало. Посылаю их список¹.

Насчет выхода книги имею к тебе две очень важные просьбы.

1) Из опыта предыдущего месяца, я вижу, что даже оставшиеся 4 — 5 листов издатель и типография способны затянуть очень и очень. А между тем мне *дьявольски* важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства. Поэтому усиленно прошу обязательно нанять себе (или «писателю», если ты ему передашь) помощника для специальных посещений типографии и погоняния ее. Найти студента рублей за 15 в неделю нетрудно, конечно: кандидатов на такое место найдется тьма. Обещать ему премию * рублей в 20, если книга выйдет к 10.IV. Он будет ходить в типографию, относить туда корректуры, приносить тебе *без проволочек* назад правленное, следить *каждый день* за работой и т. д. Сотни рублей не жаль на это. Непременно сделай это или поручи сделать «писателю», ибо для меня *зарез*, если книгу оттянут до 2-й половины апреля.

2) Опечатки мной посланы теперь ко всем 1 — 22 листам. Пусть *тотчас же* наберут список этих опечаток и пришлют мне корректуру: это успеется вполне, а для меня это важно, ибо книга должна выйти аккуратной.

Жму руку. Крепко целую маму! Твой В. У[льянов]

1. Указанного списка опечаток не имеется.

В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

26/V [19]09. [Париж].

Дорогая Анюта! Получил твое письмо немного дней спустя после отправки письма к маме в Алупку.

Книгу получил и нахожу, что издана хорошо¹. В конце опечаток не меньше, чем в начале, и видно незнакомство корректора с языками, (напр[имер], изуродовано до смешного английское *A new name for old ways of thinking*; **² но это неизбежный и неважный недостаток. В общем я доволен изданием. Насчет цены все жалуются — и справедливо. Вперед будем

* Ясно, что без взятки с российским дубьем не обойтись. Дать 10 руб. метранпажу, если книга выйдет к 10.IV — необходимо *помимо* издателя действовать на типографию.

** Степанов, верно, вовсе не смотрел...

включать в договор обязательно не только число экземпляров, но и цену. Но я ведь был прижат издателем и все равно согласился бы на *все* условия, лишь бы издать книгу.

Денег издатель все еще не прислал. Начинаю бояться, что надует. Написал Пересу³. Напиши, пожалуй, и ты издателю: прошло 3—4 недели, а он обещал через неделю. (На остальную сумму векселя обязательно надо взять.) Пятсот рублей, лежащих на книжке, попрошу тебя послать мне (Лионский Кредит, Agence Z, Avenue d'Orléans, 19. Mr. Oulianoff. Тек[ущий] счет № 6420), ибо на издателя не надеюсь.

У нас дела печальны: Spaltung^{* 1}, верно, будет; надеюсь через месяц, 1½ дать тебе об этом точные сведения. Пока дальше догадок идти нельзя.

Маняша зубрит усердно. Она здорова и, наверное, выдержит экзамен. Как выйдет дальше, не знаю. Хочет, кажись, ехать домой.

Мы еще не решили, когда и куда уедем к морю. Но уедем летом наверное⁵.

Крепко целую маму и жму твою руку. Твой В. Улья[нов]

Дорогая Аня, ты в последнем письме спрашиваешь, почему я не пишу. Всю эту зиму я была в черной мерихлюндии, очень глупо как-то время шло, работалось плохо — потому совсем была не в состоянии писать. Конечно, если б Маняшка не писала о Володе, а Володя о ней, я бы подробно о них расписывала, как делала это раньше, а так писать нечего, живем понемногу. Я каждый раз заказывала им мои приветы посылать, но надо полагать, они этого не делали. Скоро напишу как-нибудь, а пока крепко целую тебя и дорогую Марию Александровну за себя и за маму.

Ваша Надя

¹ Датой выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм» нужно считать десятые числа мая месяца 1909 года. Это устанавливается из письма Ленина на имя Розы Люксембург от 18/V 1909 года, в котором он пишет: «Послал Вам вчера заказной бандеролью экземпляр своей книги по философии — на память о нашей беседе по поводу Маха при последнем нашем свидании» (Сочинения, т. XIV, 2 изд., стр. 67). Точнее дата выхода этой книги устанавливается по «Книжной летописи» за 1909 (см. библиогр. обзор т. Эйхенгольца на стр. 155 этой книжки).

² Речь идет о названии книги William Jams «Pragmatism. A new name for some old ways of thinking». N. Y. 1907. (Джемс, В. — Новое название для старых путей мысли. 1907.) (См. Сочинения, т. XIII, 2 изд., стр. 279.)

³ Перес Л. С. («Захар») (р. 1877) будучи студентом Московского университета принимал участие в студенческих кружках. В 1902 г. был сослан в Сибирь в Ачинский округ. Возвратясь из ссылки в 1903 году, работал в рабочих кружках Тифлиса и Воронежа. С начала 1905 года работает в качестве ответственного пропагандиста в районах, затем член МК РСДРП — большевик. В 1906 г. был арестован; после 4-месячного тюремного заключения стал работать в профсоюзах, а затем в различных книгопродавческих магазинах; был

связан с И. И. Скворцовым-Степановым и лично знаком с Крюмгюбелем, — издателем книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В конце 1909 года уехал на Дальний Восток и отошел от партийной работы. В настоящее время зам. зав. издательством Коммунистического университета Я. М. Свердлова. О какой-либо переписке с Лениным по вопросам касающимся издания его книги он не помнит.

⁴ 4—13 июля 1909 г. состоялось Совещание расширенной редакции «Пролетария», на котором окончательно произошло размежевание с ультиматистами и отзовистами, с Богдановым и его группой. Подробнее см. в статье Ленина: «Извещение о совещании расширенной редакции «Пролетария» (Сочинения, т. XIV, 2 изд., стр. 89—103).

⁵ Летом 1909 года Ленин жил с семьей (Н. К. Крупской, ее матерью и М. И. Ульяновой) в деревне Bonbon (департамент Seine et Loire).

23

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

24 авг[уста] 1909. [Bonbon, департамент Seine et Loire]

Дорогая мамочка! Получил вчера твое письмо и отвечаю с первой почтой. Насчет Маняши беспокоиться ты напрасно. Она поправляется хорошо¹. Ходить, правда, еще не может помногу: осталась еще некоторая боль в ноге (правой). Мы спрашивали докторов и в Париже и здесь в деревне, означает ли это чтонибудь худое. Все говорят, что нет. Говорят, что поправка идет правильно, только несколько медленнее. Посоветовали Маняше носить бинт, чтобы при ходьбе было меньше тряски. Вчера она сделала 5—6 верст, спала после этого отлично и чувствует себя хорошо. Вообще говоря, вид у нее стал *несравненно* лучше, аппетит и сон хорошие, высмотрит вполне здоровой. Одним словом — пишу *вполне откровенно* — все идет отлично, только медленно. Вероятно, объясняется это сильным утомлением за зиму. Здесь мы отдыхаем хорошо. Пробыли уже 3 недели, думаем пробыть еще недели две, а может быть и три. Сможет ли Маняша поехать в Россию через месяц, пока не могу сказать. За три недели отдыха поправилась она сильно. Я ей советую усиленно пить больше молока и есть простокваши. Она себе готовит ее, но на мой взгляд недостаточно все же подкармливает себя: из за этого мы с ней все время ссоримся.

Комнаты у нас здесь хорошие, пансион хороший и недорого (10 фр[анков] в день за 4-х). Мы все ездим с Надей на велосипедах кататься.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. У[льянов]

Наши все шлют большой привет.

Р. С. Какие вести от Марка? Вполне ли оправился после операции? Привет ему от всех нас!

¹ В письме речь идет о состоянии здоровья Марии Ильиничны после произведенной операции — аппендицита.

Н. К. КРУПСКАЯ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

[Двадцатые числа декабря 1909 г. Париж] ¹.

Дорогая Марья Александровна, прежде всего крепко Вас обнимаю. Больше и пишу затем, чтобы написать это, а то писать-то собственно говоря не очень есть что. Маняша рассказывала про наш образ жизни. Разница от прошлого года только та, что квартира очень теплая, да Володя стал большой домосед. Он эту зиму много работает, а когда работает всегда себя лучше чувствует.

Вот уж вторую неделю встает в 8 ч[асов] утра и ездит в библиотеку, откуда приезжает в 2 ч[аса]. Первые дни трудно было так рано вставать, зато теперь он очень доволен * и спать ложиться стал рано. Очень хорошо было бы, если б ему удалось наладиться на такой режим.

Вот уж целый год, как мы живем в Париже! Приладились поне-много, жаль только, что мало видим настоящей здешней жизни. Недавно как-то пошли в маленький театр недалеко от нас и остались очень довольны. Публика была чисто рабочая, с грудными младенцами, без шляп, разговорчивая, живая. Интересна была [та] ** непосредственность, с какой публика реагировала на игру. Аплодировали не хорошей или дурной игре, а хорошим или дурным поступкам. И пьеса была [хоро] соответствующая, наивная, с разными хорошими словами, приноровленная под вкус публики. Получалось впечатление чего-то очень живого, непосредственного. Я пожалела, что Маняши не было. Пожалела, что ее нет, и тогда, когда ходили смотреть стотысячную демонстрацию ². Очень сильное впечатление получилось. Но в общем, мы очень редко где бываем и то больше по воскресеньям.

Как Ваши глаза? проходят ли? Мама тоже часто жалуется, что ей трудно читать по вечерам. Светлая ли у вас квартира? Жаль вот только, что холодновато. Хорошо, что живете со знакомыми, если люди милые, то это гораздо веселее. Может, и потом поселитесь вместе...

Ну, крепко Вас обнимаю. Мама очень, очень кланяется. Маняше я писала недавно, вчера сделала открытие, что мое письмо к ней спокойно лежит в Володином кармане! Сколько раз зарекалась давать ему письма бросать в ящик. Этот раз уверял, что не забудет. И вот так был таки!

Ваша Надя

¹ Обоснование даты: В письме Н. К. Крупская пишет: «вот уже целый год, как мы живем в Париже». Владимир Ильич переехал из Женевы в Париж к середине декабря 1908 года. Ответное письмо Марии Александровны Надежды Константиновны, как видно из письма Ленина на имя М. И. Ульяновой («Пролетарская революция» № 11 1929 г., стр. 228), получила 2 января 1910 года.

² Очевидно речь идет о демонстрациях, имевших место в Париже в связи с испанской авантюрой в Марокко.

* Повидимому описка, должно быть: «доволен». *Ред.*

** Зачеркнуто в оригинале. *Ред.*

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XI.

(Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. Москва — Ленинград. 1929 г., стр. 421 + 8.

Выход в свет каждого нового Ленинского сборника является крупным событием не только для тех, кто занимается теоретической работой над вопросами истории партии и ленинизма, но и для самых широких слоев партийного актива. Особенно ценно то, что Сборники дают, как правило, чрезвычайно актуальный, имеющий боевое политическое значение, материал, являясь в этом смысле очень важным теоретическим орудием в той борьбе, которую ведет наша партия.

XI Ленинский сборник так же интересен и злободневен, как и предшествующие.

По своему содержанию он разбивается на 5 самостоятельных разделов, которые, будучи различны и по своему значению и по своей ценности, в то же время все же представляют несомненный интерес.

Раздел I содержит заметки и документы т. Ленина, относящиеся к ноябрю 1917 г.—маю 1918 г. (период борьбы за Брестский мир и борьбы с левыми коммунистами). Этот раздел представляет значительный интерес для товарищей, специально изучающих соответствующий период истории нашей партии. Здесь впервые дается материал о партийном совещании (конференции),

которое было создано по требованию ряда партийных работников 21 (8) января 1918 г. (стр. 40—44). До сего времени в нашей печати ничего не было известно об этой конференции.

Очень интересно «Послесловие к тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» (стр. 46—48), дающее яркую характеристику ленинской диалектики в вопросах тактики. Проводя сопоставление между положением, создавшимся в партии в связи с Брестским миром и 1907 годом, когда огромное большинство большевиков было за бойкот III Думы, т. Ленин писал:

«Объективно, вопрос стоит теперь, равным образом, вполне аналогично: как и тогда, большинство партийных работников, исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дает увлечь себя «ярким» лозунгом, не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий, требующего быстрого, крутого изменения тактики. И весь мой спор, как и тогда, приходится сосредоточить на выяснении того, что марксизм требует учета объективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям... В том-то и беда, что москвичи

хотят стоять на старой *тактической* позиции, упорно не желая видеть, как *изменилась*, как *создалась новая объективная позиция*. В отрывке «В чем ошибка» (стр. 52—54) тов. Ленин еще резче подчеркивает этот момент.—отсутствие революционной диалектики, свойственное революционерам фразы вообще и левым коммунистам в частности. «В ответ... (на его доводы),—пишет т. Ленин,—...приводятся исключительно *общие* соображения, абстракции, неизбежно превращающиеся в фразу. Ибо всякое общее историческое соображение, применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой».

Очень интересны майские (1918 г.) «Тезисы о современном политическом положении», где Ленин анализировал возможность военного соглашения с одной из империалистских коалиций против другой (в связи с началом японской интервенции на Д. Востоке и с усилением «военной партии» в Германии).

Не менее интересен «свод ответов, на вопрос: мир или война», полученных в ЦИК (стр. 58—61). Из полученных по запросу СНК 200 ответов 95 высказались за мир и 105—за войну, но характерно, что в то время как *губернские города* в подавляющем большинстве стояли за *войну* (за «точку зрения *цека левых эсеров*»),—*большинство уездных городов и сел* высказались за *мир* (за «точку зрения *цека большевиков с Лениным*»).

Ряд документов этого раздела дает чрезвычайно богатый материал для характеристики *методов работы* Владимира Ильича. В связи с вопросом о революционных войнах и о «похабном мире» тов. Ленин принимается за из-

учение истории прежних революционных войн и прежних «похабных» мирных договоров, в частности за историю войн Наполеона I с Германией. Он составляет подробные конспективные заметки, систематизирует их (стр. 49—51). Отдельные сравнения с войсками Великой французской революции, с мирными договорами Наполеона I в речах и статьях Ленина 1918 года («Несчастный мир», «Странное и чудовищное», «Серьезный урок и серьезная ответственность», на VII съезде РКП и т. д.) являются продуктом серьезного изучения вопроса. Это—не поверхностные аналогии, а диалектически переработанный опыт истории. Наконец, особенный интерес представляет лист «Из дневника публициста» (стр. 7—11), заключающий перечень тех проблем—теоретических и практических,—разработку которых тов. Ленин считал необходимой в декабре 1917 г.—январе 1918 г. Здесь нет никакой возможности кратко охарактеризовать эти темы: они охватывают буквально все основные проблемы, ставшие перед пролетарской диктатурой после Октября. Особенно интересны темы, характеризующие *строительные задачи* социалистического государства в такой отсталой относительно стране, как Россия. Значительная часть этих проблем, притом наиболее существенных и интересных, действительно была очень скоро разработана Лениным—либо в форме отдельных декретов, либо в статьях и речах.

II раздел сборника—113 писем Вл. Ильича и Н. К. Крупской к В. А. Карпинскому, С. Н. Равич, М. М. Харитонову и Г. Л. Шкловскому, относящихся к эпохе империалистической войны—представляет интерес с совершенно иной точки зрения. Переписка

эта в большей своей части касается издания ЦО партии—«Социал-демократ»,—который печатался под наблюдением т. Карпинского в Женеве. Письма эти чрезвычайно интересны для характеристики той невероятно тяжелой обстановки, в которой приходилось работать партии и ее руководящим органам в годы эмиграции. При отсутствии средств—да и людей—Ленину приходилось уделять исключительное внимание не только борьбе за революционный марксизм и укрепление партии, но и самым техническим мелочам повседневной работы—вплоть до подсчета букв к каждому номеру ЦО, до обсуждения шрифта, каким печатать ту или иную статью. Для нынешнего читателя покажется почти анекдотическим, что выход ЦО партии непрерывно зависел от таких обстоятельств, как настроение сварливой «Кузьмихи» (жены наборщика), и что Ленин совершенно серьезно должен был учитывать и этот «фактор» в работе. «Извещайте открытками: «бюллетень настроения Кузьмихи и шансы на успех»,—писал он в одном из писем С. Н. Равич (стр. 167). Абсолютно не являлось преувеличением то, что писала Н. К.: «Приходится высчитывать каждый грош. На сто франков и «международную акцию» развертывай и Россию литературой снабжай»... В нашей печати много писалось о личных качествах Ленина, о его напористости в работе и умении захватывать и увлекать работой окружающих, о его изумительной товарищеской чуткости и заботливости. В этом отношении письма, помещенные в сборнике, необычайно ярко рисуют обаятельный образ Ленина, как руководителя, человека и товарища. Об этом писал уже в свое время т. Карпинский (в № 2 «Записок Института Ленина»).

III раздел сборника—продолжение (глава шестая) серии документов из эпохи раскола РСДРП 1903—1904 гг., опубликованных в VI, VII и X сборниках—содержит материалы по подготовке брошюры «Шаг вперед, два шага назад» (февраль—март 1904 г.). Эта глава менее интересна, чем главы, помещенные в предшествующих сборниках. Но зато она очень любопытна для характеристики *методов работы* Ленина. Ленин неоднократно писал и говорил о необходимости тщательного и кропотливого изучения партийных съездов каждому, кто хочет по-настоящему, сознательно, разобраться по внутрипартийной борьбе. Однако только эта глава Сборника наглядно показывает, как *сам* Ленин изучал съезды и как тщательно, поразительно добросовестно относился он к своей литературно-политической работе. Приступая к работе над «Шагами», он проделал громадную подготовительную черновую работу: он составил: 1) полный постраничный указатель выступлений всех до единого ораторов на II съезде (sprechregister), указатель, который и сейчас представит большую ценность для каждого серьезно изучающего протоколы второго съезда. При переиздании этих протоколов составленный т. Лениным указатель необходимо будет давать в качестве приложения. 2) Подробнейшую сводку (на основании протоколов) о большинстве делегатов съезда, дающую очень яркий материал для характеристики как отдельных участников съезда, так и целых групп. И эта сводка явится необходимым пособием для каждого изучающего протоколы съезда.

IV раздел сборника—12 писем к Л. И. Аксельрод-Ортодокс, относящихся к октябрю 1901—январю 1903 г.—имеет

главным образом значение для биографии Ленина.

Однако центральное место в сборнике—по своей политической актуальности, теоретическому значению и богатству содержания—занимает несомненно *последний—V раздел*: «Замечания Ленина на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (относящиеся к маю 1920 г.). «Замечания» эти, в связи с той суммой вопросов, которые вызываются ими, должны послужить материалом для целого ряда самостоятельных теоретических работ.¹ Было бы безнадежной попыткой ставить себе задачу охватить их в рамках одной рецензии. Поэтому мы ограничимся здесь лишь самым беглым перечислением *некоторых* из наиболее интересных вопросов, затронутых в замечаниях Ленина. Он чрезвычайно ярко и метко подчеркивает *основные методологические ошибки* тов. Бухарина, которые кстати сказать, отнюдь не представляли собой особенности только «Экономики переходного периода», а являлись теоретическим источником *всех* его политических ошибок—и в 1915, и в 1921, и в 1929 гг.

Основной методологический упрек, который на протяжении всей книги Ленин подчеркивает у Бухарина,—это смешение материализма с богдановским идеализмом, подмена диалектики организационной теорией. В одном месте Ленин прямо пишет, что «по этой фразе замечательно рельефно видно, что для автора, испорченного эклектизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения» (стр. 387).

¹ Начало серьезному теоретическому изучению этого ленинского документа положено дискуссией в Институте Ленина, отчет о которой помещен в предыдущем номере «Пролетарской революции».

«Бухарин взял «термины» «в том значении», в котором они употребляются тов. А. Богдановым», а не думает, что и термины и значение их у Богданова «фундированы» его *философией*, философией идеализма и эклектизма. Поэтому очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диалектическому материализму (т. е. марксизму) схоластицизм терминов..., в идеализм... и т. п. Отсюда ряд как раз *теоретических*... неверностей, ученого сора, академических благоглупостей» (стр. 400—401). Важно отметить, что эта склонность к богдановщине характерна для *всех* методологических ошибок т. Бухарина на протяжении всего его политического пути. Именно в эту сторону направляются основные упреки против его «Теории исторического материализма»; несомненно богдановского типа ошибкой является его теория равновесия в применении к анализу проблем советской экономики. Наконец, даже в текущей политической работе т. Бухарина наша печать уже отмечала явные следы богдановского влияния (см. статью по поводу тезисов руководимого т. Бухариным НТУ ВСНХ в «Правде» от 6 декабря 1929 г.).

Тов. Ленин почти на протяжении всей книжки подчеркивает, как один из основных методологических недостатков т. Бухарина, его склонность к *схоластике понятий*, игре понятиями, подмене ими диалектического процесса. «Моя» богдановская Begriffsscholastic (схоластика понятий.—Н. В.) есть главный враг «мой»,—пишет о Бухарине Ленин (стр. 363) «Диалектический процесс... автор ставит его *рядом* (и на 2 месте) с Begriffsscholastic Богданова. Но рядом поставить нельзя: «или-или» (стр. 361). Эта общая ошибочная методологическая установка явилась исход-

ным пунктом всех остальных ошибок т. Бухарина, на которые указывал тов. Ленин.

Свою работу т. Бухарин начал с общей проблемы—с анализа «структуры мирового капитализма». И здесь сразу же сказывается недиалектический подход т. Бухарина. Он оперирует с мировым хозяйством, как с неким абстрактным понятием, совершенно игнорируя его конкретные черты и особенности, черты и особенности, неравномерность его развития. И именно эту абстрактность, недиалектичность, отсутствие конкретного анализа действительности, подмену этого конкретного анализа «игрой в понятия» систематически вскрывает тов. Ленин.

Давая анализ мирового хозяйства эпохи империализма и присущих этой эпохе социальных и политических отношений, т. Бухарин превращает их в «чистые» понятия, совершенно отбрасывая их конкретные черты и особенности. «Современный капитализм есть капитализм мировой. Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют во всем мире...»,— пишет т. Бухарин. И вполне естественно, что Ленин, дважды подчеркивая это «во всем мире», на полях пишет—«не во всем»: Ленин не мог, при рассмотрении мирового хозяйства, в его конкретности, сбросить со счетов громадные области с сотнями миллионов населения, где еще господствуют отсталые *докапиталистические* отношения, или где еще только совершается переход к капиталистическим отношениям. Ведь именно учет этой особенности современного капиталистического общества и раскрыл перед Лениным ту огромную роль, которую будут играть в качестве союзника пролетарской революции на Западе колониальные революции Востока.

В тесной связи с этим стоит и та характеристика современного капитализма, которую дает т. Бухарин. Подставляя абстрактную схему на место конкретной действительности, он пишет: «Структура современного капитализма такова, что субъектами хозяйства выступают коллективно-капиталистические организации—«государственно-капиталистические тресты». *Финансовый капитал* уничтожил анархию производства внутри капиталистических стран». Здесь полностью повторяются те же самые ошибки, которые были допущены т. Бухариным еще в 1915 г. в его книге «Империализм и мировое хозяйство» и в которых нетрудно разглядеть значительную близость с глубоко оппортунистической социал-демократической теорией «организованного капитализма», выплывшей у т. Бухарина в явно неприкрытом виде в 1929 г. Ленин на полях книги против утверждения, что субъектами хозяйства выступают «госкапиталистические тресты», сделал надпись: «не только» (они), а по поводу заявления о том, что финансовый капитал уничтожил анархию производства, Ленин подчеркнул: «не уничтожил» (стр. 350). Недоуменным вопросом отметил Ленин фразу о том, что капиталистическое народное хозяйство превратилось из иррациональной системы в «рациональную организацию» (стр. 350). В полном соответствии со схематической, неправильной характеристикой империализма стоит столь же схематическое понимание всех общественных отношений эпохи. И здесь *тенденция* возводится в абсолютное *правило*, при игнорировании многообразия и противоречий конкретной действительности. Исходя из общей централизующей *тенденции* империализма, т. Бухарин устанавливает *факт* «уничтожения мелких

и средних мировых группировок, гибели самостоятельных государств и возникновению еще более громадных комбинаций, растущих за счет погибающих групп». Ленин протестовал против этой абстрактной постановки вопроса, абсолютно не отражающей всего многообразия действительности. Наоборот, *«иногда создание «самостоятельных государств» означает усиление империализма»*,—писал он (стр. 351). По мнению т. Бухарина, этот процесс зашел так далеко, что «так называемое» национальное государство уже в довоенный период было чистой фикцией. — *«Не чистой фикцией, — возражает Ленин, «а нечистой формой»*—и тут же вскрывает методологическую основу этих ошибок т. Бухарина: «Нарушение диалектического материализма состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий». И в самом деле, утверждение т. Бухарина о гибели самостоятельных национальных государств и есть не что иное, как логический скачок через несколько стадий, отнюдь не отражающий объективных процессов общественного развития. Не останавливаясь на других аналогичных ошибках т. Бухарина, упомянем только, что такое же *сплошное*, не учитывающее конкретной действительности, а потому неправильное, понимание обнаружил он и по ряду других вопросов, относящихся к отдельным общественным явлениям в эпоху империализма, в частности по вопросу о войнах: «Каждый производственный тип имеет и соответствующий тип государства, а каждому типу государства соответствует совершенно определенный тип войны»,—пишет т. Бухарин, делая отсюда вывод, что всякую войну в капиталистическом обществе необходимо рассматривать лишь «как один из методов конкурен-

ции на определенной ступени развития». Ленин здесь возражает: *«не вообще, не всякую»*. Всякому, кто помнит полемику т. Ленина против «левых» в годы войны (против группы Бухарина, Пятакова и др.), сразу бросается в глаза, что здесь у т. Бухарина—повторение тех же самых ошибок, с которыми его группа выступала в годы войны.

Отдельные замечания Ленина подчеркивают, что т. Бухарин вообще неправильно понимал характер империализма, приближаясь скорее к социал-демократическому его толкованию—не как определенной фазы в развитии капитализма, а как системы политики, практикуемой капиталистическими государствами. На стр. 15-й своей книги он писал о том, что «система мирового финансового капитала неизменно влечет за собой вооруженную борьбу империалистских конкурентов. Здесь и лежит основной корень империализма». Кратко, но категорически т. Ленин возражал: *«Не «здесь»*. Колонии были и до империализма и даже до промышленного капитализма» (стр. 351).

Тов. Бухарин дает совершенно особое понимание краха капитализма и начала пролетарской революции,—понимание, с которым точно так же не согласен Ленин. В значительной мере игнорируя неравномерность развития капитализма и впадая в абстрактную *сплошную* характеристику его, т. Бухарин писал, что «нет никаких симптомов возрождения старой системы производственных отношений» и что «на базисе лопающихся (старых, капиталистических) отношений невозможно никакое «возрождение промышленности», о котором мечтают утописты капитализма». По поводу этих утверждений Ленин писал, что это *«немножко много»*, что *«кто доказывает слишком много, тот ничего не дока-*

зывает» (стр. 357). В связи с этим старым взглядом т. Бухарина, что в дальнейшем своем развитии капитализм неизбежно осужден на непрерывное скатывание вниз по наклонной плоскости, уместно вспомнить нынешние ошибки группы т. Бухарина по вопросу о стабилизации капитализма, их отрицание «III периода». В схему т. Бухарина не может уложиться тот *факт*, что, несмотря на известный рост производительных сил в ряде передовых стран, мы имеем налицо нарастание революционной ситуации. Этот факт—способность капитализма к известному возрождению промышленности—толкает т. Бухарина и его единомышленников, не понимающих ленинского учения о неравномерности развития капитализма, на путь самой пессимистической оценки революционных перспектив. Именно здесь исходный пункт ошибок правых оппортунистов по международным вопросам.

Очень существенны те возражения, которые выдвинул Ленин против бухаринского понимания классов. Под несомненным богдановским влиянием тов. Бухарин определяет: «Классы представляют из себя, прежде всего, группы лиц, объединенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе, со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения». Это определение вызывает недоуменный вопрос Ленина, который в противозастен: Бухарину выдвигает свое определение: «Классы представляют из себя прежде всего группы лиц (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства (курсив наш.—Н. В.), и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы» (стр. 357). Различие между постановкой Ленина и Бухарина совершенно отчет-

ливо бросается здесь в глаза: это есть различие между *общественным и организационно-производственным подходом*. Ленин на протяжении книги неоднократно отмечает замену у Бухарина точных и определенных формулировок о классах и классовых отношениях расплывчато-бесформенными терминами, вроде «общественно-людские группировки», «людские элементы общественной системы» (стр. 371), «социальная система» (стр. 383) и т. д. «*Эта терминология, умышленная замена классов группировками и т. п., не есть ли шаг назад к «социологии» в кавычках?*»,—пишет Ленин (стр. 371). Нам представляется несомненной связь между этим неправильным, отражающим богдановские взгляды, пониманием классов у т. Бухарина и его грубыми ошибками по вопросу о классовой борьбе в переходный период, так ярко проявившимися в последнее время.

Заканчивая, мы хотели бы остановиться на двух замечаниях Ленина, представляющих на наш взгляд чрезвычайно большой теоретический интерес для всех работающих над проблемами ленинизма. Оба эти замечания относятся к проблеме пролетарской революции.

На стр. 149—150 своей книги т. Бухарин ставит вопрос о том, где раньше всего произойдет крах капиталистической системы. Имея в виду наш Октябрь, он считает, что «крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организации». Этот факт он далее обобщает в общее положение: «*Мировой революционный процесс начинается с низших по своему уровню частичных систем мирового хозяйства, где победа социализма легче, но кристаллизация новых от-*

ношений труднее; скорость наступления революции обратно пропорциональна зрелости капиталистических отношений и высоте типа революции». Против этого Вл. Ильич решительно возражал: подчеркнув слова, отмеченные курсивом, он писал: *«Рискованно: надо бы сказать «не с высших»... и «не прямо пропорциональна» (стр. 398), а по поводу характеристики нашей революции, как краха наиболее слабых народно-хозяйственных систем, Ленин заявил: «Неверно: «с р е д н е-слабых». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло».* Эти замечания Ленина представляют весьма значительный самостоятельный интерес. Прежде всего они направлены против весьма характерной тенденции к преуменьшению капиталистической зрелости России накануне Октября. Эта тенденция, правда, весьма осторожно проскользнувшая в книге т. Бухарина, типична для всех построений (в том числе и меньшевистских), отрицающих *социалистический* характер Октябрьской революции и возможность строительства социализма в СССР. Тем самым Ленин подчеркивает здесь вообще *возможность* победы социализма первоначально в одной стране, при наличии *известной* высоты развития в ней капитализма. Эту ошибку т. Бухарина следует поставить в связь со взглядами, изложенными в последних его документах (в частности в «Политическом завещании Ленина»), приводящими его (Бухарина) фактически к изображению Октябрьской революции как буржуазно-демократической. Совершенно несомненно, что это одна и та же цепь ошибок, тянувшихся еще с 1915 года.

Второе замечание т. Ленина, на которое мы хотели обратить внимание, касается крайне интересного и мало раз-

работанного в ленинизме вопроса «о возможности такой формы, когда пролетарское государство в самом начале своего существования регулирует деятельность капиталистических трестов до «экспроприации экспроприаторов», «разумно подготавливая» эту экспроприацию так, чтобы сохранить в целостности все «аппараты». Тов. Бухарин на этот вопрос отвечал, что «такая форма *невозможна*, ибо допущение ее покоится на иллюзии... будто бы пролетариат может «овладеть» всеми капиталистическими аппаратами, не трогая их капиталистической девственности, а господа капиталисты могут с удовольствием подчиняться всем велениям пролетарской власти». Гораздо осторожнее подходил к этому вопросу Ленин: подчеркнув слово «невозможна», он писал: *«Преувеличение. Возможна, например, в 2—3 малых государствах, если сначала вполне победят рабочие в 4—5 самых больших и передовых».* Это беглое замечание, развитое—в несколько ином виде—только, насколько нам известно, в «Заметках публициста» (том XXV, стр. 38), представляет большой теоретический интерес.

Мы не коснулись, пожалуй, и десятой части тех серьезнейших принципиальных вопросов, которые бегло, но достаточно отчетливо поставлены Лениным в его замечаниях на книгу Н. И. Бухарина. Повторяем, полностью охватить их и хотя бы мало-мальски разработать—задача, которая может быть выполнена лишь целым рядом специальных теоретических исследований в самых различных областях общественной науки. Мы ставили перед собой гораздо более скромную задачу: Отдельными иллюстрациями обратить внимание читателей на важность изучения этого ленинского документа и на то

богатство мыслей, которое заключается в нем.

Стало почти трафаретом, что все, пишущие по поводу ленинских сборников, заканчивают призывами к Институту Ленина об *ускорении* его работы по выпуску дальнейших сборников. Мы представляем себе те громадные трудности, с которыми сопряжена обработка и подготовка к печати колоссального ленинского наследства. Однако каждый новый сборник, каждая вновь опубликованная ленинская статья дают такое богатство идей, такой толчок для дальнейшего продвижения вперед коллективной партийной мысли, что становится вполне законным то нетерпение, с которым вся партия ожидает

опубликования ленинского наследства. Особенно законно и понятно это нетерпение после выхода таких насыщенных актуальным политическим содержанием сборников, как настоящий.

Издан и отредактирован XI сборник с обычной для Института Ленина тщательностью. Единственное, что вызывает возражения, это нецелесообразная, на наш взгляд, разбивка словаря-указателя имен на три самостоятельные части—соответственно трем различным хронологическим периодам, охватываемым сборником. Это несколько затрудняет читателя, которому было бы, без сомнения, гораздо легче пользоваться единым указателем ко всему тому.

Н. Войтинский

В. И. ЛЕНИН СОЧИНЕНИЯ, т. VI.

Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Изд. Института Ленина при ЦК ВКП(б) М.—Л. Гиз. 1929 г., стр. 496. Том подготовлен к печати В. Г. Сориным.

В шестой том вошли произведения Ленина за время с июля 1903 г. по декабрь 1904 г. Весь том почти целиком посвящен второму съезду и расколу партии.

Эпоха «Искры» и «Зари» была эпохой массового собирания элементов партии, «первоначального накопления» партийных сил и идейного воспитания их для создания крепкой сплоченной, централизованной партии пролетариата. Этот этап развития партии закончился ее формальным конституированием на втором съезде. Завершив один этап развития партии, второй съезд явился исходным моментом для следующего, высшего этапа, для выковывания действительной партии, конкретной системы ее руководства, ее кадров в процессе раскола, в ожесточенной борьбе против оппортунизма, возродившегося на практической

почве партийного строительства. Этой основной задаче и была целиком посвящена вся деятельность и борьба Ленина во главе партийного большинства второго съезда на протяжении тех полутора лет (с половины 1903 г. до конца 1904 г.), которые составляют эпоху второго съезда и первой фазы раскола партии. Все основные звенья фактов деятельности и борьбы Ленина в эту эпоху получили отражение в его произведениях, напечатанных в шестом томе.

Начало тома посвящено документации работы Ленина перед съездом и на съезде партии. Здесь мы находим, кроме проекта партийного устава и речей на съезде, входивших в первое издание сочинений, целый ряд произведений, впервые включенных в собрание сочине-

ний: проекты съездовских резолюций по важнейшим политическим и организационным вопросам и три небольшие речи на съезде. Впервые печатаемые в собрании сочинений ленинские проекты резолюций для второго съезда свидетельствуют о наличии по ряду важнейших тактических вопросов значительной разницы в формулировках Ленина и Мартова (напр., в резолюциях о демонстрациях, о месте Бунда в партии, об отношении к учащейся молодежи и др.), которая в зародыше таила последующие решительные тактические расхождения между большинством и меньшинством.

Речи Ленина в первой половине съезда по вопросу о месте Бунда в партии и по вопросу о программе партии знаменовали собою момент полной солидарности и единодушия всех искровцев и следовавших за ними партийных элементов в подведении итогов пройденного пути под идейным руководством «Искры». Но за подведением итогов вчерашнего дня для съезда наступил момент решения практических задач сегодняшнего дня, решения вопросов конкретного строительства партии. Это был критический момент определения и самоопределения действительно революционных элементов российской социал-демократии в составе ее руководящего кадра, собравшегося на втором съезде. Речи Ленина во второй половине съезда по вопросу об уставе партии отражают момент первого нарушения прежнего единства искровцев, момент первого отхода «мягких» и первой консолидации «твердых». Решение в конце съезда вопроса о способе конструирования центральных учреждений партии углубило расхождение среди искровцев до степени раскола. Речь Ленина по вопросу о выборах редак-

ции «Искры» с исключительной яркостью освещает этот момент.

В ряде произведений, впервые включенных в шестой том («Противоречия и зигзаги Мартова», два письма А. М. Калмыковой, письмо А. Н. Потресову и «Рассказ о втором съезде РСДРП»), Ленин подводит первые итоги второго съезда и дает оценку происшедших на нем событий. «Раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные хотя бы отдаленно с этим расколом» («Рассказ» о съезде). Таков основной вывод Ленина о съезде и такова его установка для изучения и понимания происшедших на съезде событий. В послесловии к «Рассказу» о съезде Ленин так определяет задачи, вставшие перед партией после второго съезда: «Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к *дисциплине* от действия путем сплетен и кружковых давлений. К такому выводу Ленин пришел из наблюдения фракционного поведения меньшинства после съезда.

Тотчас после съезда и в течение ближайших полутора месяцев Ленин—единолично и при участии Плеханова и членов ЦК, частным образом и совершенно официально, устно и письменно—делал неоднократные попытки привлечь Мартова в состав редакции и остальных мартовцев к сотрудничеству в «Искре» и к работе при ЦК. «Мы за ошибку ни Мартова, ни кого другого не «пятнаем», а всех их зовем к работе»,—писал Ленин в первом письме А. М. Калмыковой. Последняя попытка вернуть Мартова и его сторонников к об-

щей работе с центральными учреждениями партии была сделана Лениным в официальном письме от имени редакции от 6 октября за совместной подписью Ленина и Плеханова (письмо впервые помещено в шестом томе сочинений). Но все попытки со стороны Ленина и других убедить мартовцев в их ошибке и призвать их к общей работе были бесплодны.

В числе впервые включенных произведений в шестом томе напечатан ленинский проект официального обращения ЦК к редакции ЦО и членам оппозиции с призывом их к подчинению партийной дисциплине. Этот шаг, задуманный Лениным по исчерпанию всех мер и способов разъяснительного, убеждающего, договорного порядка, не был реализован. Осуществлению его несомненно помешала борьба, разгоравшаяся в это время внутри и вокруг Заграничной Лиги.

В первой половине октября внутрипартийная борьба между оппозицией и центральными учреждениями партии за границы вступила в новую стадию, в стадию борьбы за Лигу. ЦК и члены Лиги, сторонники большинства парт. съезда, стояли за реорганизацию Лиги на основе парт. устава и за подчинение ее центральным учреждениям; оппозиция держала курс на захват Лиги в том виде, какою она была до парт. съезда, в руки меньшинства. Этот момент ярко освещен в письме Ленина Г. Д. Лейтейзену от 10 октября, впервые включенном в шестой том. Вопреки предложению ЦК о немедленной реорганизации Лиги, с которым он обратился ко всем членам Лиги, заграничной оппозиции удалось добиться созыва очередного съезда Лиги в ее прежнем виде и составе. На этом съезде, на ряду с боем, который Мартов и его

сторонники дали большинству парт. съезда по поводу доклада Ленина, оппозиция произвела открытую решительную атаку на ЦК, против его линии на безоговорочное подчинение Лиги руководству центральных учреждений, организовала прямое восстание большинства Лиги против ЦК. Борьба на съезде Лиги лишь частично отражена в разбираемом шестом томе сочинений Ленина. Помимо доклада Ленина о втором съезде партии, вошедшего в первое издание, в шестой том впервые включены ряд более значительных выступлений Ленина на первом заседании съезда Лиги и «неподанное заявление» Ленина, представляющее собой подробный мотивированный протест против недостойных приемов полемики Мартова в его содокладе о втором партийном съезде. Это заявление предназначалось Лениным для внесения на съезд, но не было им внесено. Вместо него Ленин ограничился кратким устным заявлением аналогичного характера на четвертом заседании съезда Лиги. Исход борьбы между оппозицией и сторонниками партийного большинства на съезде Лиги был предreshен наличным составом Лиги, в котором оппозиция обеспечила себе большинство в несколько голосов. Съезд кончился конфликтом между большинством Лиги и ЦК.

Бунт оппозиции на съезде Лиги произвел на Плеханова ошеломляющее впечатление, совсем не соответствовавшее действительному значению этих событий для судеб партии. Плеханову казалось, что наметившийся на съезде Лиги отход от партии нескольких видных партийных литераторов с Мартовым во главе и 1½—2 десятков их сторонников из среды заграничной эмиграции сам по себе означал уже чуть ли не гибель всей партии. Плеханов

буквально на другой же день по окончании съезда Лиги повернул к меньшинству и пошел на безоговорочное соглашение с ним. Первые шаги поворота Плеханова ярко освещены и по достоинству оценены Лениным в целом ряде его произведений, впервые включенных в собрание сочинений в настоящем издании (письмо Плеханову от 1 ноября, заявление от того же числа об отставке из Совета и из редакции ЦО, два письма Г. М. Кржижановскому от 4 и 8 ноября, «непосланное письмо» М. Н. Лядову от 10 ноября). Но приходится пожалеть, что заключительный факт измены Плеханова, кооптация им меньшинства (в лице четверки прежних редакторов с Мартовым во главе) в редакцию «Искры», в шестом томе не отмечен должным образом, не показано ни одним документом, как Ленин реагировал на этот факт непосредственно в самый момент его совершения. А между тем была полная возможность сделать это, включив в том «неизданное заявление» ЦК от 27 ноября, впервые опубликованное в «Ленинском сборнике» VII. В этом заявлении, автором которого был Ленин, тогда уже кооптированный в состав ЦК, четко и ярко выявлено его отношение к факту кооптации редакции, дана оценка поведения Плеханова и намечена определенная организационная мера со стороны ЦК к исправлению политической «ошибки» Плеханова. «Кооптация т. Плехановым в редакцию мартовцев представляет из себя прямой переход Плеханова на сторону меньшинства партийного съезда... Переход этот является прямым нарушением воли партийного съезда под влиянием скандалов заграничной Лиги и вопреки твердо заявленному решению большинства русских комитетов партии... Плеханов совершил прямое на-

рушение доверия. ЦК революционным путем берет в свои руки ЦО партии и... всеми силами будет добиваться, чтобы воля партии в целом, а не воля заграничной Лиги и не измена отдельного лица определила будущую судьбу партии». Такова была позиция Ленина по отношению к факту кооптации Плехановым мартовцев. Эта позиция, как о том свидетельствует «неизданное заявление» ЦК, принятое единогласно, разделялась в первый момент и прочими присутствовавшими в то время за границей членами ЦК (Ленгником, Кржижановским, Гальпериным).

Эта «революционная» линия внутрипартийной политики ЦК в отношении мартовцев и Плеханова, однако, не получила практического осуществления. В действительности в ближайшие же дни по отношению к оппозиции под влиянием члена ЦК Г. М. Кржижановского была принята и лично им проводилась совсем иная, «мирная», тактика, сопровождавшаяся целым рядом уступок противной стороне. Молчаливое признание совершенной Плехановым кооптации мартовцев и тем самым признание законности состава новой редакции, согласие на такое изменение в составе Совета в пользу оппозиции, которое благодаря голосу Плеханова обеспечивало за нею прочное большинство в Совете, полная капитуляция ЦК перед Лигой—такова была на деле политика ЦК по установлению «мира» в партии. Невозможно себе представить, чтобы Ленин был действительно согласен с этой, по существу примиренческой, тактикой ЦК. Несомненно, он был просто вынужден подчиниться решению большинства ЦК (Кржижановский располагал голосами всей российской части ЦК), не видя пока никакого иного выхода. Это частично, но совершенно ясно

подтверждается впервые включенным в шестой том ленинским проектом «письма ЦК РСДРП администрации Лиги, группам содействия партии и всем членам партии, находящимся за границей». «Письмо» намечало план единой централизованной практической работы ЦК за границей, в который вся работа Лиги по «содействию русскому движению» входила как подчиненная составная часть и который по существу представлял собою план реорганизации Лиги на практике в том самом направлении, в котором ЦК до съезда Лиги намеревалось реорганизовать ее уставным порядком. Этот документ свидетельствует, что Ленин, подчинившись решению большинства ЦК о примирительном курсе в отношении оппозиции, полностью сохранил свои прежние принципиальные позиции и старался проводить их в жизнь и в новых условиях провозглашенного «мира» в партии, используя и эти «мирные» условия для борьбы за партийность, за крепкое централизованное партийное руководство.

Два письма Ленина в редакцию «Искры»,—одно (ответ Плеханову на его статью «Чего не делать»)—напечатанное в № 53 и другое («Почему я вышел из редакции «Искры»)—недопущенное мартовской редакцией в «Искру» и потому выпущенное Лениным (около 20 декабря) отдельным листком, открывают новый этап борьбы Ленина против меньшинства с открытой апелляцией к общественному мнению партии. Этот период представлен в шестом томе целым рядом произведений. Сюда относятся, кроме двух упомянутых писем в редакцию «Искры», также предисловие и послесловие к брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», проект резолюции и особое мнение представителей ЦК в Совете пар-

тии, внесенные ими на январской (1904 г.) сессии Совета, и открытое письмо Ленина в редакцию «Комментария к протоколам второго съезда Лиги» от 20 февраля 1904 г. в ответ на письмо Плеханова к Мартову от 29 января, опубликованное в брошюре Мартова «Борьба с осадным положением в РСДРП». Три последних произведений в шестой том включены впервые.

Здесь следует отметить, что в шестом томе остался совсем не освещенным начальный период борьбы Ленина за третий съезд, именно период его борьбы за лозунг съезда внутри ЦК и на январской сессии Совета партии. Причина этого обстоятельства объяснена редакцией в предисловии к шестому тому: целый ряд произведений и писем Ленина, ярко и подробно документирующих этот период, впервые был опубликован в «Ленинском сборнике» X, когда подготовка текста шестого тома была уже закончена.

Все последующие этапы развития внутрипартийной борьбы и раскола партии на протяжении 1904 г.,—борьба внутри ЦК между ленинским крылом и между примиренческой частью ЦК, переворот в ЦК, произведенный примиренцами, конфликт Ленина с примиренческим большинством ЦК и его разрыв с ЦК и с Советом, создание в России организации большинства, а за границей—сначала собственного издательства, а потом и собственного органа большинства,—все эти этапы в шестом томе документированы очень неполно. Объясняется это тем, что доселе неизвестное литературно-политическое наследство Ленина за этот период в настоящее время только еще разрабатывается в Институте Ленина и будет полностью опубликовано в одном из ближайших «Ленинских сборников».

Борьба и состояние неустойчивого равновесия внутри ЦК частично освещены в шестом томе впервые включенными заявлением трех членов ЦК (договором Ленина с Носковым) и письмом Ленина членам ЦК. Следует заметить, что два этих документа следовало расположить в обратном порядке, нежели это сделано в шестом томе: сначала надо было поместить «договор» с Носковым, а потом письмо членам ЦК. Несомненно, что в один и тот же день сначала был написан и принят «договор», а затем уже Ленин написал официальное письмо членам ЦК, представляющее собою более подробное развитие и аргументацию тезисов «договора».

Конфликт и разрыв Ленина с примиренческим ЦК и политика этого последнего частично показаны и освещены в разные моменты в двух документах: во впервые включенном письме Ленина Носкову от 11 сентября и в брошюре Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», выпущенной в конце декабря 1904 г. Следует отметить небольшой, но досадный ляпсус: при расшифровке клички «Глебова» в заголовке письма Ленина к нему он в скобках назван Б. Н. Носковым, что представляет смешение его подлинного имени с одним из его псевдонимов. «Б. Н.» (т. е. «Борис Николаевич») было его псевдонимом, а подлинное его имя—В. А. (Владимир Александрович) Носков, что совершенно правильно указано в словаре-указателе имен. Но та же ошибка повторена в примечании 120. Попутно здесь же отметим две ошибки в словаре-указателе имен: 1) год рождения А. И. Желябова неверно указан «1861», тогда как надо «1851» (стр. 460); 2) Е. М. Александрова в 1894 г. привлекалась

не по делу партии «Народного права», а по делу группы народолюбцев (стр. 451).

Зарождение внутри партии большевистской организации показано в рассматриваемом томе двумя ленинскими документами, входившими и в первое издание: первоначальным наброском—вариантом и окончательным текстом декларации большевистской конференции 22-х.¹ Работа собственного (брошюрного) издательства большинства иллюстрирована двумя вещами: статьей «Услужливый либерал» и предисловием к брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд». Момент создания собственного постоянного органа большинства («Вперед») представлен в томе «Письмом к товарищам» (к выходу органа партийного большинства).

Центральное место (и хронологически и по своему политическому и историческому значению) в ряду прочих приведений Ленина в шестом томе занимает брошюра «Шаг вперед, два шага назад». Нет никакой надобности в настоящем общем обзоре подробно разбирать ее содержание и останавливаться на ее роли в истории развития большевистской партии и на ее неувядающем значении в деле партийно-политического воспитания новых кадров партии. Это достаточно известно всем и каждому, кто знаком с историей нашей партии. Следует только отметить, что для самого Ленина, как и для партии в целом, «Шаг вперед, два шага назад» было великим перевалом. За его гранью оставалась позади невозвратно пройден-

¹ По мнению М. С. Ольминского «окончательный текст» вызывает сомнение — ленинский ли он или он составлен Богдановым, взявшим за основу текст Ленина. В одном из ближайших номеров «Пролетарской революции» редакция намеревается поместить показания по этому вопросу тт. Лепешинского, Бонч-Бруевича, Землячки др. *Ред.*

ная эпоха зародышевого состояния партии (кружковщина) и ее раннего младенческого возраста (первые шаги по собиранию партии), а впереди открывалась перспектива возмужания партии и революционной закалки ее во внутренних жестоких боях против меньшевистского оппортунизма. Для самого Ленина в отношении данной эпохи за рубежом «Шагов» оставались целиком исчерпанные прежние пути и методы борьбы за партию исключительно в рамках партийной конституции и в узком кругу центральных учреждений партии, а впереди открывался «революционный» путь разрыва с центральными учреждениями, целиком или частично скатившимися к оппортунизму меньшинства, путь прямой апелляции к широким кругам партии, путь открытого создания собственной организации большинства и открытой организованной борьбы в низах партии за созыв съезда и за революционную консолидацию партии.

В заключение настоящего обзора приходится отметить неполноту приведенных в томе документов и материалов, освещающих рассматриваемую эпоху, и в особенности тех из них, которые имеют весьма близкое отношение к деятельности Ленина и, в частности, в разработке которых он принимал непосредственное участие. Так, например, в чис-

ле документов и материалов к шестому тому следовало приложить: 1) циркуляр ЦК РСДРП членам Заграничной Лиги от 10 октября, 2) открытое письмо большевистской части Лиги ко всем ее членам в половине октября, 3) проект резолюции партийного большинства по докладу Ленина на съезде Лиги, 4) постановление Совета партии от 1 ноября, 5) ультиматум ЦК от 25 ноября, 6) ответ оппозиции на ультиматум ЦК, 7) протокол заседания Совета партии от 29 ноября, 8) письмо ЦК администрации Лиги от 29 ноября, 9) ответ администрации Лиги на это письмо, 10) извещение ЦК по комитетам о результатах переговоров ЦК с оппозицией, 11) заявление заграничного представителя ЦК по поводу опубликования переговоров ЦК с оппозицией. Из приведенного списка, далеко не отличающегося исчерпывающей полнотой, но состоящего из документов, безусловно необходимых для освещения эпохи раскола и деятельности Ленина в ней, около половины документов (первые 5 из перечисленных 11) выработаны при непосредственном участии Ленина и в значительной степени являются не только по духу, по инициативе, но и по непосредственной формулировке ленинскими документами.

П. Сенниковский

ОБЗОРЫ

ОБЗОР ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ К БИОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА

Настоящий обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина, вышедших в 1928—1929 гг., является продолжением обзора, напечатанного в № 1 (84) «Пролетарской революции» за 1929 г.

Прошлый год принес нам оживление в собирании, систематизации и разработке материалов научной биографии

Ленина. Это оживление выразилось прежде всего в значительном усилении темпа выпуска 2-го издания сочинений В. И. Ленина, ¹ имеющего исключитель-

¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 2-е и 3-е. М. Госизд. Сочинения издаются под редакцией Института Ленина. В 1929 г. вышли тома: 6, 8, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 22, 23.

ное значение для биографии Владимира Ильича, и опубликовании его переписки. Наряду с «Записками Института Ленина» (издание прекратилось) и «Ленинскими сборниками», в которых до конца 1928 г. главным образом публиковались материалы к научной биографии Ленина, «Пролетарская революция», после слияния Истпарта с Институтом Ленина, поместила ряд ценных материалов к биографии Ленина.

Из опубликованных материалов, прежде всего, следует отметить письма Ленина, а отчасти и Н. К. Крупской к родным (матери М. А., сестрам А. И. и М. И., брату Д. И. и М. Т. Елизарову) за 1894—1917 гг.¹ Эта переписка состоит из 227 писем, причем на годы ссылки (1897—1899), выделенные из общей публикации, приходится 95 писем.

Переписка периода ссылки является наиболее интересной для научной биографии Ленина, ибо до сих пор этот период освещался главным образом по воспоминаниям. По опубликованной переписке исследователь может не только представить себе полную картину жизни Владимира Ильича в ссылке во всех ее проявлениях, вплоть до самых мельчайших, в его собственной передаче, но и получить яркую картину литературной работы Ленина за это время.

История издания сборника Владимира Ильича «Экономические этюды и статьи» (1898), ход работы над книгой «Развитие капитализма в России», и в дальнейшем—ее издание (1899), работа над переводом книги Вебба «Теория и практика английского тред-юнионизма», и, наконец, другие литературные работы документируются опубликованной перепиской.

План издания сборника своих статей

созрел у Владимира Ильича после получения книги Н. Водовозова «Экономические этюды». В письме от 5/II 1898 г.¹ он пишет («Прол. рев.» № 4, стр. 144): «У меня теперь в голове все планы об издании своих статей особой книгой». Вначале предполагалось, что издание сборника будет осуществлено родными В. И., и в этом же письме им уже разрабатывается точный план действий: «Если бы этот план осуществился, то я прислал бы тотчас исправления к статье о Сисм [онди]... Тогда телеграфируйте мне: «присылай исправления». По моему расчету, при удаче можно бы успеть выпустить книгу в апреле, если не раньше» (там же, стр. 145). В результате дальнейшей переписки выяснилось, что издание сборника берет на себя М. И. Водовозова, которая и издала его в тираже 1 200 экз. В письме от 23/XI 1898 г. («Прол. рев.» № 5, стр. 144) в приписке Н. К. Крупской чрезвычайно картинно описано получение сборника: «Сегодня у нас продолжается еще приподнятое настроение, которое вызвала вчерашняя почта. Смотрим, вчера лезет через забор мальчишка из волости с каким-то громадным тюком... Конечно, это были не письма, а только книги, но иногда и книги бывает удивительно приятно получать». Примерную дату выхода сборника из печати можно установить не только по этому письму, как это делает т. Тихомиров, но и по официальному изданию министерства внутренних дел. В «Списке изданий, вышедших в свет в России в 1898 г.» сборник зарегистрирован в числе книг, полученных между 9—15 октября.

Еще в большей степени опубликованная переписка позволяет восстановить процесс создания и опубликования другой работы Владимира Ильича. В письме от 9/IV 1898 г. («Прол. рев.» № 4, стр. 154) Владимир Ильич пишет о «Развитии капитализма в России»: «Моя работа встала совсем. Я занят переводом и провожусь с ним изрядно». Но уже в письме Н. К. Крупской от 21/VIII

¹ Письма В. И. Ленина к родным (1894—1917). Предисловие и примечания М. И. Ульяновой. «Пролетарская революция», 1929, № 11 (94), стр. 118—263.

Письма В. И. Ленина из ссылки (1897—1899). [Предисловие А. И. Елизаровой. Подгот. к печати Г. Тихомировым.] «Пролетарская революция», 1929, № 2—3 (85—86), стр. 151—259; № 4 (87), стр. 132—183; № 5 (88), стр. 127—169; № 6 (89), стр. 163—203; № 8—9 (91—92), стр. 131—162.

¹ Здесь, как и в дальнейшем, письма датируются лишь по новому стилю.

1898 г. («Прол. рев.» № 4, стр. 176) читаем: «Сегодня Володя кончил свои рынки.¹ Теперь ему остается только сократить их, и в шляпе дело».

«Развитие капитализма в России» вышло несколько раньше, чем это устанавливает т. А. И. Елизарова («Прол. рев.» № 6, стр. 164), пользуясь косвенными указаниями писем. В действительности же книга вышла между 24 и 31 марта 1899 г. (см. «Список изданий, вышедших в России в 1899 г.», стр. 97). В указанном издании мы получаем также подтверждение осуществления желания Владимира Ильича, изложенного в сноске к письму от 18 декабря 1898 г. («Прол. рев.» № 5, стр. 156): «Вполне согласен с Марком, ч[то] «должно» не менее 2 400. Только вот что издательница скажет». Книга была издана в количестве 2 400 экз., а не в 1 200 экз., как это указано в Сочинениях, 2-е издание, т. III, стр. 562 со слов М. И. Водовозовой.

Значительную помощь при чтении переписки сослужит предисловие А. И. Елизаровой, одной из адресаток Владимира Ильича. Это предисловие концентрирует внимание читателя на основных этапах жизни Ленина за годы ссылки. Переписка подготовлена к печати Г. Тихомирновым очень тщательно. В некоторых случаях не выдержан объем примечаний. Так, о «Московских ведомостях» («Прол. рев.» № 4, стр. 163) дано сравнительно большое историческое примечание. В примечании о М. Г. Гопфенгауз (там же, стр. 176) не указано, что она, получив известия о смерти Н. Е. Федосеева, застрелилась, о чем пишет и Ленин в письме от 28 августа 1898 г. Некоторые справки о книгах, которые выписывались и получались Владимиром Ильичом в ссылке, могут быть уточнены. Некоторые места переписки не вполне полно прокомментированы. Так, в письме от 4/1 1898 г. читаем: «Кстати, написали ли ему о моем последнем поручении (я пи-

сал об нем Маняше)—ч[то]бы известить Н. Браун'а о разрешении перевода?» В примечании к этому месту письма т. Тихомирнов сообщает, что оно не может быть объяснено в виду отсутствия письма на имя М. И. Ульяновой. Следовало бы проверить, не предполагалось ли напечатать перевода какого-либо произведения Ленина в органе Браун'а «Архив социального законодательства и статистики».

Только 12 писем из переписки, опубликованной М. И. Ульяновой, относятся к 1894—1895 гг., к годам пребывания Ленина в Петербурге и поездке его в 1895 г. за границу, при этом два опубликованные письма 1894 г., пока единственные письма Ленина, дошедшие до нас за этот период.

Вся остальная переписка относится к 1900—1917 гг., почти совсем прекращаясь в период ноябрь 1905—декабрь 1907 г., когда «В. И. жил в Ленинграде или в Финляндии, часто виделся с родными и почти не писал им». К 1917 г. относятся 4 письма, из них два до революции и два в период, когда Ленин скрывался после июльских дней.

Значение публикуемой переписки для научной биографии Ленина несколько иное, чем писем за период ссылки. В предисловии М. И. Ульянова обстоятельно объясняет характер и условия переписки Владимира Ильича, а также значение ее для характеристики личности В. И.: «...Ленин, как человек, с его яркой, разносторонней индивидуальностью обрисован до сих пор крайне недостаточно или не обрисован почти совсем. Предлагаемые читателю письма заполняют *отчасти*¹ этот пробел. По ним можно судить *о некоторой степени*¹ об образе жизни В. И., его привычках, склонностях, об отношении его к людям и т. п.». Переписка за столь длинный период времени с одними и теми же лицами интересна тем, что она действительно показывает, насколько цельной была личность Ленина, неизменного в своих привычках и в работе, и в отдыхе. Но эта часть публикуемой переписки не дает нам всего

¹ Сокращенное название книги «Развитие капитализма в России». Первоначально ее предполагалось назвать «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности».

¹ Курсив автора.

Ленина, как мы это имеем в письмах периода ссылки.

Письма тщательно подготовлены к печати М. И. Ульяновой. Исправляем некоторые вкравшиеся неточности. В письме от октября 1895 г. (стр. 145) речь идет не о пятитомном «Курсе русской истории» В. Ключевского, изданном значительно позднее, а, вероятно, об одном из литографированных изданий лекций по новой русской истории, публиковавшихся уже с 1880/81 учебного года. В примечании 14 к письму от 10/IV 1900 г. (стр. 152) следовало бы раскрыть псевдоним «Н. Карелин», под которым выступала в легальной печати В. Засулич.

В письме от 7/VI 1908 г. (стр. 215) В. И. пишет: «Р. С. Жаль, что московский философ издатель отказался издать мою книгу.» «Московский философ—это, вероятно, П. Дауге, в издании которого книги «Письма... Ф. А. Зорге» (1907 г.) напечатано предисловие Владимира Ильича.¹ Время выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм» (стр. 220) можно уточнить по № 19 «Книжной летописи» за 1909 г., где она зарегистрирована среди изданий, поступивших с 29 апреля по 9 мая 1901 г.²

В «Пролетарской революции» № 7 (90) за 1929 г.³ опубликованы 6 писем Ленина к А. Г. Шляпникову, отно-

сящие к периоду империалистической войны. Эти письма являются дополнением к серии писем Ленина к тт. А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, опубликованных в № 2 «Ленинских сборников».

Вновь публикуемые письма представляют значительный интерес для научной биографии Ленина. Они касаются вопросов, связанных с изданием и редактированием журнала «Коммунист» (№ 1—2 вышел в августе 1915 г.), и тех разногласий по национальному вопросу, которые наметились в редакции «Коммуниста» между группой Ленина (Зиновьев и Каменев) и тт. Е. Бош и Г. Пятаковым, в распоряжении которых находились средства на издание журнала.

Из материалов, опубликованных в 1929 г. в IX—XI «Ленинских сборниках» чисто биографический интерес представляет переписка В. И. и Н. К. Крупской с В. А. Карпинским, С. Н. Равич, М. М. Харитоновым и Г. Шкловским за время с сентября 1914 г. по март 1917 г.¹ и небольшая переписка с Л. И. Аксельрод за время с октября 1901 г. по январь 1903 г.

Из биографических очерков, изданных в 1929 г., следует прежде всего остановиться на очерке Н. Мещерякова.² Очерк в целом может быть признан удовлетворительным. Непонятно, однако, почему автор при изложении отдельных этапов жизни и деятельности Ленина очень скупое дает характеристику исторического фона. Это несо-

¹ Запрошенный по этому поводу П. Дауге говорит, что он не помнит, обращались ли к нему относительно издания этой книги, но считает это вполне возможным.

У Анны Ильиничны Елизаровой и у Марии Ильиничны Ульяновой такой факт тоже не остался в памяти. Ред.

² Кроме того, дата выхода книги «Материализм и эмпириокритицизм» уточняется письмом Ленина от 25/V 1909 г. к А. И. Елизаровой (см. стр. 135), где он сообщает о получении книги. Ред.

³ Письма В. И. Ленина А. Шляпникову. Из переписки В. И. Ленина в эпоху империалистической войны. «Прол. рев.», 1929, № 7 (90), стр. 111—127. См. в № 11 (94) «Прол. рев.», стр. 307 поправку т. А. Лозовского относительно ошибки, допущенной при раскрытии псевдонима «Варин».

Эти письма Ленина были также опубликованы в журнале «Большевик», 1929, № 17, стр. 86—96.

¹ Из переписки эпохи империалистической войны. Письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской — В. А. Карпинскому, С. Н. Равич, М. М. Харитонову и Г. Шкловскому. Сентябрь 1914—март 1917 г. Берн—Зоренберг—Флюмс—Цюрих. [Предисловие Н. К. Крупской. Подгот. к печати Д. Е. Гринберг, под ред. Е. И. Короткого]. «Ленинский сборник», 1929 г., XI, стр. 95—258.

В. И. Ленин. Двенадцать писем к Л. И. Аксельрод-Ортодокс. Октябрь 1901 г. — январь 1903 г. [Подгот. к печати Н. А. Подвойской.] «Ленинский сборник», 1929, XI, стр. 321—343.

² Н. Мещеряков. Ленин. «Малая советская энциклопедия». Т. IV. М. 1929, стлб. 551—570.

мненно отрицательно отражается на ясности изложения. Так, период наметившегося раскола партии передан в слишком общих выражениях: «Еще до II съезда в редакции «Искры» обнаружались некоторые разногласия между Л[ениным] и другими членами редакции. Л[енин] занял более левую, революционную позицию».

Из отдельных фактических неточностей следует указать на ошибочное название газеты, готовившейся Лениным к изданию перед арестом 1895 г., вместо «Рабочее дело» — «Рабочая газета». Недостаточно точно указание, что весной 1902 г. Ленин переехал в Лондон «вместе с другими членами редакции [«Искры»]». В действительности же Ленин переехал в Лондон один, и уже после организации печатания «Искры» в типографии английских социал-демократов к нему присоединились Л. Мартов и В. Засулич. Другие члены редакции (Г. Плеханов, П. Аксельрод и А. Потресов) оставались попрежнему в Швейцарии.

Отрицательную оценку вызывает биографический очерк о Владимире Ильиче, напечатанный в био-библиографическом словаре «Писатели современной эпохи». ¹ Этот очерк представляет в целом плохую компиляцию биографии Ленина, напечатанной А. И. Елизаровой-Ульяновой в Энциклопедическом словаре Гранат, т. ХLI, ч. 1. Отдельные этапы деятельности Ленина изложены так упрощенно, что это совершенно их искажает. Так, например, о периоде «Искры», втором съезде партии и расколе читаем: «Принимал участие в организации газеты «Искра». В 1903 г. Л[енин] был во главе большевиков и отошел от «Искры».

Для массового читателя предназначен биографический очерк, напечатанный в книге Вл. Черевкова «Великие жизни». ² Признать этот очерк сколь-

ко-нибудь удовлетворительным не приходится. Его слабое место не столько в обилии прямых ошибок биографии Ленина, сколько в чрезмерном обобщении биографических фактов, излишней «бойкости» изложения и в несколько странном подборе основных моментов биографии Ленина. «Бойкость» изложения автора может быть иллюстрирована на таком примере: «Он [Ленин] много работает в Национальной библиотеке в Париже. Его видят во всех концах Европы: Швейцарии, Италии, Дании, Лондоне, Париже, Галиции» (стр. 147).

Очень интересна по замыслу книга Л. Сталя «Чему учил В. И. Ленин рабочих и крестьянок», ³ предназначенная для рабочих и крестьянок. Л. Сталь ставит своей задачей изложить учение Ленина на фоне его биографии, истории партии и революционного движения. Вместе с тем автор стремится показать участие рабочих в рабочем и революционном движении. Иногда это получается несколько натянуто и прерывает изложение биографии Ленина. Так, например, после рассказа об «Искре» и «подпольных» типографиях искровского периода автор пишет: «В такой типографии работали в 1905 г. Мария Икринистова...» К сожалению, обилие грубейших фактических ошибок сделало книгу непригодной и для одного издания, не говоря уже о том, что ее не следовало переиздавать без малейших исправлений вторично. Второй съезд партии состоялся по книге Л. Сталя весной 1903 г. (стр. 31), после второго съезда большевики выпускают газету «Пролетарий» (стр. 38), «в конце 1904 г. Николай II затеял войну с японцами» (стр. 38) и т. д. и т. д. Полное пренебрежение к историческим фактам делает эту книгу совершенно непригодной вообще, для массового читателя в особенности.

Студенческим годам Ленина посвя-

¹ Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Ред. Б. П. Козьмина. Т. I., изд. ГАХН М. 1928, стр. 163—169.

² Вл. Черевков. Великие жизни. Ньютон. Дарвин. Эдиссон. Маркс. Ленин. М. изд-во «Крестьянская газета». 1928 Столь же не-

удачна попытка дать биографию Ленина в другой работе Черевкова «Вспомним Ильича».

³ Л. Сталь. Чему учил В. И. Ленин рабочих и крестьянок. 1 и 2-е изд. М. Гос. изд. 1926 и 1929.

щена работа И. С. Зильберштейна, опубликованная в журнале «Красное студенчество». ¹ Автор делает попытку применения «монтажного метода в построении биографии революционного деятеля». Отрывки из воспоминаний современников и архивные документы подобраны в такой последовательности, чтобы создалось связное изложение жизни Ленина в 1887—1889 гг. И. С. Зильберштейн использовал статьи 17 авторов, не считая архивных документов.

Применение монтажного метода, даже в построении биографии писателей (работы Вересаева и др.) вызвало ряд отрицательных откликов критики. Тем более уместны сомнения в плодотворности монтажного метода, или, попросту говоря, работа с клеем и ножницами, для составления биографии Ленина. Самая тщательная проверка воспоминаний (о чем пишет в предисловии редакция «Красного студенчества») не обнаружит в них вполне естественных влияний и заимствований. Еще в большей степени можно распространить сказанное на научные очерки, которые также используются составителем.

В каждом отдельном случае возникает сомнение, почему составитель прерывает мемуариста при изложении тех или иных фактов и заменяет его высказываниями другого мемуариста, который в свою очередь прерывается, чтобы дать слово уже цитированному автору. Так, например, воспоминания Е. Н. Фосс («Первая тюрьма В. И. Ленина», «Огонек», 1926, № 11), изложенные всего на одной страничке и почти целиком использованные составителем, приводятся в четырех отрывках в разных местах монтажа. Отсюда много излишних повторений о таких фактах, которые, собственно, не нуждаются в проверке путем приведения ряда свидетельских показаний. Имеются

в монтаже и много таких выписок, которые только искусственно склеивают его, давая указания на какую-либо дату, адрес квартиры и т. п.

Конкретная практика применения монтажного метода в работе И. Зильберштейна приводит нас к заключению о явной непригодности этого метода к построению действительно научной биографии Ленина. Довольно значительное место в монтаже занимают отрывки из авто-биографического рассказа «Судьба» Евг. Чирикова, студента Казанского университета в 1887 г. Хотя в этих воспоминаниях нет прямых указаний на Ленина, составитель охотно их цитирует. Тривиальные образы Чирикова должны читателю объяснять и иллюстрировать студенческие годы Ленина, хотя составителю и ясно, что эти воспоминания могут быть привлечены лишь с оговорками. Где же здесь тщательная проверка воспоминаний? Вообще если так называемый «монтажный метод» и может быть применяем иногда, то лишь в руках очень компетентных: опытного и основательно знакомого как с учением Ленина, так и с историей партии коммуниста, знающего, что именно надо брать у того или иного автора, чтобы мозаика могла дать правильное изображение.

Статья М. К. Корбута «Студенческое движение в Казани в 80-е годы и Ленин» ¹ дает меньше, чем ее многообещающее заглавие. В части, относящейся к Ленину, статья является почти дословной перепечаткой работы автора в журнале «Красное студенчество» за 1928 г., № 9, в котором, в свою очередь, перепечатывается чуть ли не половина статьи А. И. Елизаровой, появившейся еще в 1922 г. в журнале «Пути революции» и затем в 1924 г. в «Молодой гвардии».

Периоду второй эмиграции Ленина, особенно слабо разработанному и только отчасти освещенному опубликованной теперь перепиской к родным за эти годы, посвящен отрывок из вос-

¹ И. С. Зильберштейн. Ленин-студент. «Красное студенчество» 1929 г., № 1, стр. 10—11, № 2, стр. 10—11, № 3, стр. 22—23, № 5, стр. 22—23, № 4, стр. 22—23, № 7—стр. 18—19. По ошибке выпускающего продолжение материала № 3 было напечатано в № 5.

¹ М. К. Корбут. Студенческое движение в Казани в 80-е годы и Ленин. «Каторга и ссылка», 1929, № 7, стр. 7—23.

поминаний Н. К. Крупской.¹ Хотя эти воспоминания пока относятся к очень небольшому отрезку времени, к концу 1907 и началу 1908 г., мы приводим их здесь ввиду их исключительного интереса. Воспоминания Н. К. Крупской знакомят читателя с обстоятельствами переезда Ленина из Финляндии в Женеву, в двух случаях чуть было не кончившихся трагически. Так, о переезде Владимира Ильича из Финляндии в Стокгольм Н. К. Крупская пишет: «...Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море казалось по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичом чуть не погибли—лед стал уходить в одном месте у них из-под ног. Еле выбрались... А Ильич рассказывал, что когда лед у него стал уходить из-под ног, он подумал: «Эх, как глупо приходится погибать». О пребывании Ленина и Крупской в Берлине читаем: «В гостиницу, где мы остановились, мы пришли вечером больные, у обоих шла белая пена изо рта и напала на нас слабость какая-то. Как потом оказалось, мы, перекочевывая из ресторана в ресторан, где-то отравились рыббой».

Интересно задумана и осуществлена книга Э. Манн «Вслед за Лениным».² Богатый материал воспоминаний и литературы о Ленине использован автором для установления всех мест, где был хотя бы короткое время Владимир Ильич в Ленинграде в период с 1891—1920 гг. Книга предназначена, как материал для экскурсий. В книге есть кое-какие пропуски и некоторые ошибки, например, совершенно неверно освещено пребывание Ленина в Петербурге после освобождения из тюрьмы в 1897 г. Но это не уменьшает ценности книги.

Назначение книги «Ленин в зарисовках и воспоминаниях художников»³

(составитель обещает последующие выпуски) навряд ли будет более понятно после прочтения нижеследующих строк из предисловия составителя: «Нашей задачей явилось собрание воедино всех иконографических материалов о Ленине, в первую очередь живописных, сделанных непосредственно с натуры. Для более полного усвоения читателями этих материалов они сопровождаются воспоминаниями мастеров, запечатлевших образ Ленина при жизни». Но если сопоставить 36 напечатанных в книге иллюстраций с 148 страницами воспоминаний, мы приходим к противоположному выводу. Перед нами книга воспоминаний художников, в которой иллюстрации имеют вспомогательное значение.

Довольно значительная часть воспоминаний художников печатается впервые. В этом некоторое оправдание издания книги. Однако воспоминания художников немного прибавят к облику Ленина. Все, о чем пишут художники, известно по воспоминаниям ближайших товарищей Ленина. Наибольший интерес поэтому представляет статья П. Лепешинского «Ленин и большевистские карикатуры 1904 г.». Однако эта статья очень хорошо известна читателям по многим перепечаткам. Тема «Ленин в изобразительном искусстве», конечно, очень актуальна, но так бы и следовало ее ставить.

Остается остановиться на некоторых работах, посвященных отцу Ленина—И. Н. Ульянову. Статья Н. Лернера «Отец Ленина»¹ является сводкой отзывов современников и непосредственных очевидцев деятельности И. Ульянова. Работа В. Алексеева «Отец Ленина как педагог»¹ построена не на неопубликованных материалах, как это значится, очевидно по ошибке, в подзаголовке статьи, а сводкой опубликованных в

¹ Н. К. Крупская. Вторая эмиграция. (Отрывок из воспоминаний 1908—1917 гг.) «Правда», 1929, № 94.

² Э. Р. Манн. Вслед за Лениным. Материалы для экскурсий по Ленинграду. М. Гос. изд. 1928.

³ Ленин в зарисовках и в воспоминаниях художников. Под ред. и с предисл. и прим. И. С. Зильберштейна. М.—Л., Гос. изд., 1928.

¹ Н. О. Лернер. Отец Ленина. «Минувшие дни». 1929 [кн. 3, стр. 3—12.

² В. Алексеев. Отец В. И. Ленина. Б. спл. прилож. к № 104 «Пролетарского пути» (Ульяновск), 1928 и его же «Отец Ленина как педагог» (из неопубликованных материалов, «Культурный фронт ЦЧО» (Воронеж), 1929) № 5—6, стр. 139—154.

свое время статей и воспоминаний об И. Ульянове.

Некоторые пожелания, выраженные нами в предыдущем обзоре, в известной мере можно считать осуществленными. Однако интересы широкого чи-

тателя, как показывает настоящий второй обзор, учтены мало. И до сих пор почти нет хороших популярных биографических очерков о жизни и деятельности В. И. Ленина.

А. Эйхенгольц

РЕЦЕНЗИИ

К. ШМИДТ. Марксизм-ленинизм и военный вопрос. Перевод с немецкого по рукописи Х. И. Сегаль. М.-Л. Гиз, 1929, стр. 182. Тираж 5 900 экз., ц. 1 р. 25 к.

Книга К. Шмидта представляет собою в сущности комментарии к тезисам по вопросу о борьбе против войны, принятым на VI конгрессе Коминтерна. Автор, однако, не ограничивается изложением и комментированием тезисов, но дает им историческое обоснование и ставит их в связь с существующим в настоящее время в различных империалистических странах положением «военной проблемы».

Автор в введении описывает, как усиленно во всем капиталистическом мире идет подготовка к новым империалистическим войнам. В ряде стран сейчас проведены реформы, реорганизуемые армию, проводится милитаризация масс населения, вырабатываются меры по быстрой мобилизации их; подбираются специальные наемные армии и особые отряды для гражданской войны с рабочим движением.

Вся эта милитаризация маскируется империалистами перед глазами рабочих при помощи идеологии социал-демократии. В целях одурманивания масс империализм использует программу старой, довоенной соц.-демократии, приспособляя на свой лад принципиальные требования перехода к системе милиции, вооружения всей нации и т. п. Теоретики же соц.-дем. маскируют свое нынешнее «перевооружение» под видом возврата к старому лозунгу милиции (выдвигавшемуся в период национально-революционных войн) и при помощи ссылок на политику Маркса в военном вопросе в 60 гг. прошлого столетия, на речи Бебеля, книгу Жореса и т. д.

В дальнейших главах своей книги автор освещает эволюцию марксистской точки зрения на военный вопрос в различные эпохи буржуазной революции и национально-революционных войн.

Касаясь великой французской революции, автор указывает, что в период предреволюционный буржуазия выступала под лозунгом ликвидации постоянных наемных армий с требованием замены ее милицией. Однако созданная революцией милиция не выдержала испытания, и победы революционного народа над европейской коалицией были одержаны регулярной армией. В этом отношении материал, приводимый К. Шмидтом, заслуживает внимания; он развенчивает старую легенду, ставившую чрезвычайно высоко значение милиционных ополчений Великой французской революции.

Излагая воззрения Маркса и Энгельса, создавших принципиальную платформу марксизма в военном вопросе, — автор очень хорошо вскрывает картину того затушевывания и искажения, которому подвергались эти взгляды во II Интернационале. Наряду с этим автор описывает нам работу по восстановлению взглядов основоположников марксизма в военном вопросе, а также по конкретизации и развитию их применительно к эпохе империализма со стороны Ленина.

Автор дает стройную и отчетливую картину развития взглядов на военный вопрос Маркса, и в особенности Энгельса, складывавшихся у них под влиянием и в результате опыта войн и революций XIX столетия. Анализ имевших место во II Интернационале дискуссий по военному вопросу, по поводу милиции, по вопросу о лозунге

всеобщего вооружения народа и т. д. (резолюция учредительного конгресса 1889 г., споры Шипшеля с Каутским в 1898—1899 гг., выступления К. Либкнехта и Гайндмана с лозунгами милиции, дискуссия между немецкими левыми и центром в 1912 г.) наглядно обнаруживает всю нереволуционность Каутского даже в лучший период его деятельности и показывает недостаточность точки зрения немецких левых. Автор совершенно правильно указывает, что заслуга очищения марксистских взглядов в области военного вопроса от их оппортунистического протитуирования, так же как и заслуга дополнения явно недостаточных лозунгов левой части довоенной социал-демократии, принадлежит Ленину и большевизму. Именно большевики оказались в состоянии создать новую платформу революционного марксизма по военному вопросу.

Автор довольно подробно описывает, как на основе опыта революции 1905 и 1917 гг., а также империалистической войны развивались взгляды Ленина. Из этих глав книги видна та огромная роль, которую сыграл Ленин в деле теоретического обоснования создания Красной гвардии, а затем—Красной армии.

Кончается книга изложением тезисов VI конгресса Коминтерна по военному вопросу и указанием на их громадное теоретическое и практическое значение. Они являются синтезом огромного опыта рабочего класса и результатом развития теории марксизма-ленинизма; они подытоживают опыт первой социалистической страны и дают научно разработанную программу действий не только для пролетариата империалистических стран, но впервые в истории развертывают подробно основы военной программы коммунистических партий колониальных и полуколониальных стран.

Произведение К. Шмидта является несомненно очень полезной и хорошей книгой. Автор с большой компетентностью использовал огромный печатный материал, сумев преподнести его читателю в небольшой по размерам книге и в доступной, популярной форме. В наши дни обострения классово-борьбы,

усиления противоречий между империалистическими странами, с одной стороны, и СССР с другой, в дни нависшей над нами военной опасности и угрозы новой империалистической войны, книга Шмидта должна явиться большим подспорьем в нашей агитации и пропаганде. При ее помощи общие лозунги о военной опасности и угрозе интервенции могут быть насыщены ценным историческим и теоретическим материалом.

Конечно, она не свободна от дефектов. Так, например, описывая взгляды Ленина на военный вопрос в эпоху революции 1905 г., автор их оценивает слишком узко и связывает их только с буржуазно-демократической революцией, между тем как Ленин, касаясь перспектив революции 1905 г., давал намечки, выходящие за рамки буржуазно-демократической революции и предвидел неизбежность перерастания этой революции в социалистическую. В частности в области военного вопроса он выдвигал лозунги и положения, находящиеся в полном согласии с теми начальными элементами теории перерастания, которые мы усматриваем в произведениях Ленина за период 1905—1907 гг. и которые, затем, особенно в 1917 г., были так великолепно развиты. Автор же совершенно игнорирует теорию перерастания Ленина, не упоминая даже этого термина, не учитывая всей сложности переплета социально-экономических и политических отношений в стране. В краткой рецензии мы не имеем возможности останавливаться на этом моменте. В специальном исследовании мы надеемся к этому вопросу вернуться, попытавшись восполнить имеющиеся в книге К. Шмидта пробелы в освещении развития и значения взглядов Ленина по военному вопросу.

Несмотря на то, что Ленину в книге посвящено немало страниц, К. Шмидт не смог вполне исчерпать разработку взглядов Ленина по этому вопросу и очень мало касается его практической деятельности в данном отношении. Нельзя в этом винить автора, так как далеко не все наследие Ленина опубликовано, и К. Шмидту остались, видимо, неизвестными те сокровища, которые имеют-

ся в распоряжении Института Ленина и до сих пор еще не опубликованы.

К числу недостатков можно отнести и такие промахи, как указание на то, что «почти все красногвардейцы прошли школу старого милитаризма» (стр. 121). На самом деле, наши красногвардейцы в большей своей части не имели этой школы.

Все это, однако, не умаляет ценности и полезности книги. Мы ее горячо рекомендуем нашим читателям.

В. Л. Малаховский

Н. ТЮШЕВСКИЙ. Национально-колониальный вопрос. Серия учебных пособий по ленинизму. Издание «Прибой». Ленинград 1929 г. Стр. 190.

Так как книжка Тюшевского представляет собой один из выпусков серии популярных работ по отдельным проблемам ленинизма, то задача ее совершенно ясна. Автору нужно было дать популярное изложение марксистско-ленинской точки зрения на национально-колониальный вопрос, с тем, чтобы книжка могла явиться введением, пособием в собственном смысле этого слова к изучению соответствующих работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. С этой своей задачей автор безусловно справился. Массовый читатель в этой книжке найдет популярное легко читаемое изложение как взглядов Маркса, Энгельса и Ленина на национально-колониальный вопрос, так и последних решений по этому вопросу Коммунистического интернационала. Достаточно внимания уделено и уклонам от марксистско-ленинской постановки национально-колониального вопроса как в истории нашей партии, так и в последнее время (теория «деколонизации»).

Книжка кроме того снабжена указателем основной литературы, и вопросником для проработки темы. Малоподготовленному читателю поэтому представляется возможность не только хорошо продумать вопросы, трактуемые в книжке, но и перейти от этой книжки к чтению классической литературы по национально-колониальному вопросу, в первую очередь к чтению работ Ленина.

Но как всякая книжка, так и эта работа имеет, конечно, и свои недочеты.

Первый довольно крупный недочет—это недостаточная популяризация ряда высказываний Маркса и Энгельса. Автор совершенно правильно и достаточно четко указывает своему читателю, что понять высказывания Маркса и Энгельса нельзя, если не учитывать той конкретной обстановки, в которой данное высказывание имело место. Если так,—значит, перед автором стояла задача несколько полнее и шире осветить обстановку разбираемых им высказываний, чем она освещена в цитируемых документах. Это тем более необходимо по отношению к Марксу и Энгельсу, что ряд их высказываний (письма) вообще не рассчитаны на массового читателя, другие же (публицистические статьи) предполагают у читателя знание основных фактов, относящихся к трактуемым вопросам.

Между тем автор в этой части своей работы не прибавил абсолютно ни одного факта к тому, что можно найти в цитированных им марксо-энгельсовских документах. Вследствие этого для читателя остается, например, очень туманным вопрос, почему в сороковых годах Маркс и Энгельс высказывались против независимости австрийских славян. Два-три штриха в двух-трех абзацах, характеризующие в данном случае действительное положение вещей, могли бы очень многое дать читателю для понимания соответствующих статей Маркса и Энгельса, если читатель к ним обратится после чтения этой книжки. То же самое и с вопросом об Ирландии. Главный марксо-энгельсовский документ по этому вопросу—это письма. Ясно, что изложения фактической стороны вопроса в этих документах вы не найдете. Значит, для читателя нужно было дать коротенькое изложение сути ирландского вопроса вообще и конкретной обстановки конца 60-х годов, времени марксо-энгельсовских высказываний,—в частности. Это не дано, и читатель, обратившись к Марксу и Энгельсу, будет и после книжки Тюшевского в таком же затруднении, в каком он был до ее прочтения. Совершенно то же самое

можно сказать и по отношению к итальянскому вопросу.

Второй не менее, а, пожалуй, еще более крупный недостаток относится к той части книги, где излагаются взгляды Ленина. Глава вторая посвящена теме: «Ленинизм и национальный вопрос в буржуазно-демократической революции». Автор дает постановку вопроса на примере России, причем во всем изложении у него абсолютно сливаются позиции Ленина эпохи 2-го съезда и 1913—1914 годов. Никакой абсолютно разницы между первой и второй постановками вопроса автор не указывает, а между тем она указана самим Лениным. «До 1905 г.,—говорит Ленин,—мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились *национал-либераль*». И это обстоятельство отражается у Ленина во всех положительно статьях 1913—1914 гг., в том числе и в резолюции летнего совещания 1913 г., перепечатанной Тюшевским целиком без всяких комментариев. Ленин великолепно понимал, что русская промышленная буржуазия после революции 1905 г. уже *окончательно* стала буржуазией империалистической, и что этим обуславливалась ее реакционность вообще и в том числе реакционность в национально-колониальном вопросе. Национальные противоречия царской России после революции 1905 г. были уже для Ленина не только одним из остатков средневековья (Ленин, т. XIX, стр. 16), но также и противоречиями эпохи империализма. Ленин показывает это на многочисленных примерах. Товарищ же Тюшевский этого не замечает.

Но было бы еще полбеды, если бы этот изъян работы Тюшевского не повлек бы за собой и другого недостатка. Российская империалистическая буржуазия с ее империалистической колониальной политикой совершенно исчезает у автора на протяжении всех остальных глав, а в связи с этим исчезает и целый этап постановки национально-колониального вопроса Лениным—период между Февралем и Октябрем. Получается впечатление, что если для будущей мировой социалистической революции

колониальная революция будет *частью* социалистической революции, то для России этого сказать нельзя, что в истории Октябрьской революции нет примеров, на которых можно было бы показать, как колониальная революция сопутствует революции социалистической.

Если принять во внимание, что главным читателем книжки Тюшевского будет партийный актив наших национальных республик, который в книжке будет искать ответа прежде всего на свои местные вопросы, то отмеченный недостаток работы выступает еще с большей реальностью.

Последний недочет, на который приходится указать автору, это—то, что разбирая проблему национально-колониального вопроса в социалистической революции, подчеркивая, что «борьба за национальное освобождение теперь уже составляет часть мировой социалистической революции», автор забывает указать, что содержание этой борьбы, *не смотря* на ее антиимпериалистический характер, остается демократическим. «Будучи отрицанием демократии», империализм *также* «отрицает и демократию в национальном вопросе» (Ленин). В силу этого борьба колоний за национальное «освобождение, будучи борьбой антиимпериалистической, будучи в этом смысле частью мировой социалистической революции, является в то же время борьбой демократической, борьбой, направленной против нарушения демократии империализмом. В связи с этим Ленин, как известно, учил «левых» понимать «отличие между лозунгами, «отрицающими» или клеймющими *политические бедствия и экономические*»¹. Первые устранимы и при империализме, вторые—только одновременно с уничтожением империализма. Товарищ же Тюшевский, сделав указанное упущение в вводной части работы, перестал различать эти два звена и потом сосредоточил все свое внимание на бедствиях экономических и совершенно забыл указать на бедствия политические. Этим

¹ Ленин, Сочинения, т. XIX, 2-е изд., стр. 231.

самым он ослабляет позиции Ленина против «левых», отрицавших возможность самоопределения наций при империализме.

Указывая на все эти недочеты, мы вовсе не склонны расценивать их как ошибки политические: это скорее упущения с точки зрения архитектоники, т. е. упущения, вполне исправимые в позднейших изданиях. Несмотря на указанные недочеты, работу Тюшевского мы все же рекомендуем массовому читателю как ценное популярное пособие по ленинизму.

П. Галузо

Л. ТУРОК. Учение о партии. Серия учебных пособий по ленинизму. Изд. «Прибой». Ленинград. 1930 г. 149 стр. Ц. 35 к.

Настоящая брошюра впервые дает связанное изложение учения о партии, освещая не только вопросы организационного построения пролетарской партии, но и вопросы стратегии и тактики и увязывая учение Ленина по этому вопросу с взглядами Маркса и Энгельса.

Важность темы и назначение брошюры для учебных целей требовали от автора особой тщательности и продуманности в освещении вопроса. К сожалению, приходится отметить, что это требование автором далеко не всегда соблюдено, и брошюра страдает значительным количеством недочетов.

В главе о роли партии автор, на наш взгляд, недостаточно разобрал вопрос, почему рабочий класс в своей борьбе не может обойтись без партии. Здесь не мешало бы остановиться на некоторых примерах стихийной борьбы пролетариата, на разногласиях с синдикалистами, и, наконец, не только упомянуть, но и показать, почему разнородность рабочего класса требует руководства его борьбой со стороны партии. В брошюре всего этого либо вовсе нет, либо это дано вскользь и не там, где разбирается вопрос о роли партии.

Глава о стратегии и тактике построена на основе материала соответствующей главы брошюры Сталина «Основы ленинизма». Жаль только, что автором не использованы и другие ра-

боты т. Сталина, освещающие вопросы стратегии и тактики. Так, например, автором не подчеркнуто основное стратегическое правило ленинизма, о котором т. Сталин говорит в своей статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». «Оно (основное стратегическое правило ленинизма.— И. Р.),—говорит т. Сталин,—состоит в признании того, что:

1. Наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии.

2. Свергнуть врага (царизм и буржуазию) невозможно без изоляции этих партий.

3. Главные стрелы в период подготовки революции должны быть ввиду этого направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся».¹

Справедливость требует оговорить, что автор, освещая отдельные стратегические этапы и придерживаясь материалов, данных в соответствующей главе «Основ ленинизма», каждый раз указывает, что главный удар мы на соответствующих этапах нашей борьбы наносили (и наносим) по соглашательским элементам, но общий вывод об основном стратегическом правиле ленинизма (в том виде, как это сделано в приведенной цитате т. Сталина) им все же не дан. Между тем сейчас, когда партия с особой остротой выдвигает вопрос о борьбе с примиренчеством и когда одним из основных разногласий с правыми в области международного рабочего движения является вопрос об отношении к «левым» социал-демократам,—сейчас этот общий вывод не только нельзя обходить, но его следовало бы подчеркнуть и увязать с текущими задачами Коминтерна и ВКП(б).

Нельзя согласиться с положениями автора, что «Лишь революционный марксизм имеет определенную классовую стратегию», что «оппортунизм, который стремится к сглаживанию обостряющей-

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма». изд. Дешевой библиотеки Госиздата. Москва—Ленинград, 1929 г., стр. 176.

ся классовой борьбы, к примирению пролетариата с буржуазией и буржуазной демократией, не нуждается ни в какой стратегии» (стр. 41). Между понятиями тактики и стратегии, вообще говоря, очень трудно провести точную разграничительную черту, но уж если эти понятия отделять, то нельзя отрицать, что у буржуазии, как и у современной социал-демократии, есть своя определенная контрреволюционная стратегия по борьбе с рабочим классом. Не соответствует голое отрицание стратегии у наших врагов и тому, что писал по этому поводу т. Сталин. Последний прямо говорит о борьбе стратегического плана большевиков с меньшевистским стратегическим планом в эпоху буржуазной революции, с меньшевистско-эсеровским стратегическим планом в 1917 г. и с стратегическим планом объединенной контрреволюции после Октября.¹

Ошибка автора заключается в том, что он валит в одну кучу оппортунизм «экономистов» и оппортунизм современных социал-демократов. Для подкрепления своей точки зрения он утверждает, что «политика социал-демократии не выходит за пределы парламентской тактики, рассчитанной на мирное вращение (через овладение буржуазно-демократическим аппаратом и Лигой Наций) в царство «социализма» (стр. 43). Если говорить о «борьбе» с буржуазией, то политика социал-демократии, конечно, не выходит за пределы парламентской тактики, но если говорить о борьбе с пролетариатом, она далеко выходит за эти пределы.

Об этом говорит тот же Гильфердинг в той же речи, которую цитирует автор для обоснования своего тезиса. «После нашего германского опыта в 1918 г.,— говорит Гильфердинг,— и в особенности после опыта России применение силы в классовой борьбе—я говорю: о применении действительной силы: огнестрельного и холодного оружия—означает не

преходящий путь, а длительную, весьма ожесточенную и требующую чрезвычайных жертв *гражданскую войну*. Когда разрушается основа демократии, мы находимся в положении обороны и не можем выбирать».¹ О том, что современная социал-демократия выходит за пределы парламентской тактики, об этом свидетельствует и Вельс, который приведенное положение Гильфердинга развил и углубил на Магдебургском съезде социал-фашистов. Об этом говорят факты борьбы социал-фашизма с рабочим революционным движением в истекший 1929 г. Об этом, наконец, свидетельствуют постановления VI конгресса и X пленума ИККИ, оценивающие современный этап развития социал-демократии именно как социал-фашизм. Автор же о социал-фашистском характере современной социал-демократии забыл и, говоря о Гильфердинге и II Интернационале, даже не упоминает этого термина. Забывая же о социал-фашистском характере современной социал-демократии, автор забывает, что она имеет достаточно разработанный план борьбы но, конечно, борьбы не с буржуазией, а с революционным движением рабочих.

В главе об организационных принципах марксизма—ленинизма совершенно обойден вопрос о фракциях в беспартийных организациях и об их взаимоотношениях с партийными организациями. Вопросу о построении партии по принципу производственных ячеек уделено буквально несколько строк. Это—несомненно крупный недочет. Общим этим проблемам нужно было посвятить особые разделы главы, дав материал о тех ошибках, которые имели (и частично еще имеют) место по этим вопросам в отдельных секциях Коминтерна и которые являлись наследием II Интернационала. Это тем более необходимо, что часто нашей учащейся молодежи, живущей в обстановке СССР и не знающей иной партии кроме ВКП(б), эти вопросы кажутся очень простыми, и они

¹ Сталин, «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». «Правда», № 56 от 14/III 1923 г. Раздел II, «Стратегический план».

¹ «Капитализм, социализм и социал-демократия». Сборник статей и речей Р. Гильфердинга, стр. 139.

в них не видят важнейших принципов построения пролетарской партии.

Из других недочетов отметим, что автор в разделе, посвященном вопросу о самокритике, не осветил разногласий в этой области с правыми уклонистами. Несмотря на то, что в брошюре имеется специальная глава, посвященная борьбе с уклонами, ни словом не упомянут так наз. «левый загиб», хотя этот загиб в значительнейшей своей части связан с ошибками толкования ленинского учения о партии.

В брошюре наблюдаются случаи неряшливых формулировок, допускающие неправильное толкование их читателями. Имеются наряду с этим случаи неряшливого отношения к цитированию основоположников марксизма. Автор, например, ухитрился *три раза* напутать при использовании *одной* цитаты из письма Маркса к Больте (стр. 5). Во-первых, Больте переименовал в Больтке; во-вторых, письмо помечено 20/XI вместо 23/XI 1871 г.; в-третьих, указывая страницы, автор ссылается на издание писем 1923 г., между тем как на самом деле они указаны по изданию 1922 г. В письме Энгельса, которое цитируется автором (стр. 6), пропущена без всякого на этот счет указания целая фраза.

Не вполне продуманно сформулированы в главе VI («Указания к проработке темы «Учение о партии») некоторые вопросы для прорабатывающих брошюру. Есть вопросы, которые непосредственного отношения к теме не имеют и только загромождают работу над ней. Так, например, вопрос «Каковы предпосылки возникновения научного социализма?» (стр. 139) относится, конечно, к теме: «Марксизм—ленинизм», а не к теме: «Учение о партии». Некоторые вопросы необъятно широки, и на них можно дать бесконечное количество ответов. Примером такого рода вопросов может служить вопрос: «Как нужно подходить к указаниям Маркса и Ленина по вопросам стратегии и тактики?» (стр. 140) или «О чем говорят уроки борьбы троцкизма с партией после смерти Ленина?» (стр. 142). Есть, наконец, и вопросы, сформулированные просто неудачно.

Несмотря на указанные недочеты, брошюра большинство затрагиваемых вопросов освещает удовлетворительно. В качестве учебного пособия ее можно использовать при устранении отмеченных недочетов.

И. Рудерман

П. А. КОРНАТОВСКИЙ. Борьба за красный Петроград 1919 г. Цена 2 р. 50 к., 540 стр. Тираж 5 000.

Своевременно выпущенная Ленинградским областным истпартом к десятилетней годовщине обороны Петрограда книга т. Корнатовского является весьма ценной и значительной. Она освещает один из крупнейших моментов истории гражданской войны. Автор в предисловии совершенно правильно говорит, что «в фокусе ожесточенной борьбы за Петроград символически отразилось начало и конец классового поединка в России» (стр. 11). Тов. Корнатовский дал почти исчерпывающий материал по истории этого периода и осветил в ней не только положение нашего Союза, но и обрисовал состояние враждебных нам сил. Обилие материала отчасти даже загромождает книгу и делает ее несколько тяжелой, но все же она читается с напряженным интересом.

Чрезвычайно ценными являются главы, рисующие состояние враждебных нам сил. Как формировалась Северозападная армия, какие силы она объединяла, какова была в этом формировании роль немцев, а позже англичан,—все эти факты освещены в книге с исчерпывающей полнотой. К моменту развертывания оперативных действий наступления на Петроград Северозападная армия состояла из 26 пехотных полков, 2-х кавалерийских, 2-х отдельных батальонов и десантного морского отряда,—всего в количестве 17 800 штыков, 700 сабель. В армии было около 500 пулеметов, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 английских танков, 6 аэропланов и 2 броневика» (стр. 249). С этими довольно значительными силами при поддержке англичан Юденич развернул наступление на Петроград.

Над Петроградом нависла тяжелая угроза. «К вечеру 17 октября советские войска приблизились на 15 километров к бывшей Николаевской дороге. Перерыв этой железнодорожной линии войсками генерала Юденича прекратил бы возможность подвоза подкреплений и создал бы чрезвычайно трудную обстановку для обороны Петрограда» (стр. 242—243).

Каково было положение Петрограда, в книге рассказано с исчерпывающей полнотой. Состояние 7-й советской армии, экономическое положение, работа партийной организации, мобилизация рабочих, укрепление Петрограда—все это давало картину не только понимания серьезности момента, но и тщательную подготовку к отпору и защите красного Петрограда. Положение было весьма напряженное, особенно по части хлебных запасов... «В течение нескольких дней суточная дача хлеба на фронте была сокращена до $\frac{1}{2}$ фунта, в тылу до $\frac{1}{4}$ фунта и только в середине октября продовольственное положение несколько улучшилось в связи с прибытием хлебных грузов от Челябинского и Оренбургского губкомов» (стр. 256).

Помимо продовольственного кризиса остро чувствовался также недостаток обмундирования и вооружения. На этом общем фоне недостатков 7-й армии,—говорит автор,—образовался гнойник дезертирства (стр. 259). Борьба с дезертирством стала одной из актуальнейших задач того времени. Интересные таблицы, приведенные автором по петроградскому округу, дают в этом направлении чрезвычайно яркую картину. За три месяца задержано дезертиров 29 609 ч. и добровольно явилось 17 608 ч.,—всего 47 217 ч. Эти цифры, конечно, не могут быть признаны исчерпывающими, так как «эти задержанные и добровольно явившиеся составляли почти половину всего количества дезертиров в округе» (стр. 261).

«В тесной связи с дезертирством находилось и настроение крестьянства. Дезертирство являлось одной из форм выражения настроения деревни. Помимо влияния зажиточных кулацких слоев, голод и близость фронта иногда толка-

ли на отдельные выступления против советской власти и середняцкие массы с привлечением некоторых несознательных элементов деревенской бедноты» (стр. 262).

Это настроение быстро переломилось в связи с нашими победами и агит-просветительной работой, которая была развернута по деревням. «Когда части Красной армии стали по всему фронту теснить противника, то они получили всемерную поддержку от населения... Помощь оказывалась предоставлением фуража, квартир, подвод, рабочей силы» (стр. 263).

Глава о работе в ближайшем тылу, т. е. в Петрограде, читается с особым интересом. 14 октября Вл. Ильич телеграфировал т. Зиновьеву: «Ясно, что наступление белых есть маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге: *Отбейте врагов, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронте. Упраздните девять десятых отделов.* Мобилизация всех сил на фронт у нас нигде еще не проводилась, хотя много писалось о том, есть и постановления Центрального комитета и циркулярные письма. *Надо успеть их прогнать, чтобы мы могли опять оказывать свою помощь югу*» (стр. 281). Из этой телеграммы видно, что внимание В. И. обращено главным образом на юг, и что наступление Юденича он рассматривает только как маневр для отвлечения наших сил с юга. Он как будто недооценивает опасности, нависшей над Петроградом. На заседании Политбюро 15 октября по отношению к оценке положения на петроградском фронте было постановлено:

«Петрограда не сдавать. Снять с Беломорского фронта максимальное количество людей для обороны Петроградского района. Помочь Петрограду посылкой некоторого количества кавалерии. Вопрос о северном и западном фронтах рассматривать лишь под углом зрения безопасности московско-тульского района в первую очередь. Петрограда—во вторую очередь». Из этого постановления уже бесспорно видно, что и В. И. и Политбюро южному фронту придавали решающее значение.

17 октября В. И. обратился к рабочим и красноармейцам Петрограда с письмом, в котором пишет: «В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь советской власти в России» и призывает «биться до последней капли крови» (стр. 286—287). В этом обращении В. И. чувствуется тревога за самый Петроград. Борьба за Петроград является ярким образчиком того волевого напряжения, с каким партия и рабочий класс умели брать и отстаивать власть.

Несмотря на ряд неблагоприятных условий, советская армия довольно успешно повела наступление, и армия Юденича была опрокинута. В чем сила большевиков, спрашивают белые, и меланхолично заключают: «Присматриваясь внимательно к вооруженной борьбе с большевиками, можно всюду заметить чью-то невидимую десницу, направляющую события так, что в конце концов торжествовали большевики» (стр. 497). Невидимая десница, очевидно, представляется в виде божьей благодати. А вот что говорит Клемансо в интервью с парижским корреспондентом белогвардейской газеты «Новости дня»: «Случилось нечто такое, чего решительно никто не мог предвидеть. Россия, доведенная до крайних пределов разрухи, вся изголодавшаяся, теснимая со всех сторон изнутри и извне,—эта Россия вдруг точно прикоснулась к какому-то источнику живой воды и ощутила в себе такую мощь, что отразила последний удар Юденича и Родзянко,—удар, как всем казалось, смертельный» (стр. 497).

Черчилль же, получив сведения о расстреле адмирала Колчака, говорил: «Да, да, они расстреляли его, как обыкновенного офицеришку. Это хороший урок для всех белых генералов и для нас, конечно. Мы делали на него ставку как на добрую лошадку. А он не успел даже унести ног. До чего трудно из Лондона следить за событиями! Теперь не знаешь, кому можно верить. Играть приходится вслепую. А миллионы летят. Такое положение мне не нравится. Эти русские генералы один хуже другого... Главное,—выясните секреты

успехов большевиков. В чем загвоздка? Дисциплина и техника у нас, а они лупят белых вдоль и поперек»... (стр. 498).

Эта загадка успехов большевиков тревожит умы буржуазных деятелей Европы. Эту задачу пытается разрешить и автор книги, и, надо сказать, также весьма неудачно. «Единая антисоветская политика мирового капитала принесла бы на время победу реакции в России, но в этом вопросе и сказалась вся сущность империализма, по своей природе исключающего всякую возможность единого блока» (стр. 498). Тут что ни слово, то ошибка.

Во-первых, неверно утверждение, что не было единой антисоветской политики мирового капитала; и во-вторых, что «сущность империализма по своей природе исключает возможность такого блока». Не только в 1919 году, но и сейчас природа империализма не мешает капиталистическому миру идти единым фронтом против Советского Союза. Затем в этом утверждении уж слишком высоко ценится единый фронт империализма и забываются два момента: классовая борьба внутри самых буржуазных стран и сила рабочего класса России, взявшего власть.

Тов. Корнаровский сам стоит в этом вопросе на ложной позиции. Он слишком переоценивает роль и значение буржуазной Европы в этом классовом поединке, причем переоценивая значение мирового капитала, он недооценивает наших внутренних контрреволюционных сил.

Вот что автор говорит о наших врагах, давая в предисловии оценку нашей отечественной контрреволюции: «Мыльный пузырь контрреволюции надувался до своих крайних пределов, создавал причудливые миражи, веселил вдохновителей белого движения, требовал от них больших потуг, а затем тихо лопался» (стр. 2).

Если контрреволюция—«мыльный пузырь», то с кем же мы в продолжение четырех лет вели ожесточенную борьбу? Неужели все наши усилия, вся борьба была направлена на борьбу с мыльным пузырем, который тихо ло-

пался? Разве борьба за красный Петроград была борьба с «причудливыми миражами», а не с организованным классовым врагом? Мы победили путем величайшего напряжения, ценой гибели тысяч людей, ценой разорения страны, обнищания масс, и вышли победителями в этой борьбе не потому, что враг был «мыльным пузырем», а потому, что в этой борьбе мы оказались сильнее наших классовых противников,—не только потому, что «старуха история» работала за нас, а потому, что рабочий класс сложился в политическую силу задолго до революции, имея во главе крепкую партию большевиков и величайшего вождя.

Крестьянство пошло за нами не только потому, что лозунги наши соответствовали их требованиям, а потому, *что мы были решительны в их проведении.*

Мы победили еще и потому, что наш классовый враг был политически более отсталый, чем европейская буржуазия. Не сразу крестьянство всюду пошло за нами, об этом говорит и автор. Оно отвернулось от белогвардейцев, когда увидело, что они несут им старый царский трон, бесправие, безземелье и старого помещика. Будь наши враги чутьточку поумнее и дальновиднее,—наша победа была бы трудней во сто крат.

«Мыльный пузырь тихо лопался». Ну, насчет этой тихости я думаю можно говорить только по недоразумению. Укусы своих классовых врагов пролетариат знает не только по памяти, но чувствует их еще довольно сильно и сейчас в связи с обострением классовой борьбы. Недооценка сил противника приводит не только к неправильным выводам, но и к недооценке своих собственных сил. Если противник—«мыльный пузырь», то ведь тогда и мы только донкихоты, борющиеся с ветряными мельницами; а эта ветряная мельница, этот мыльный пузырь и сейчас требует от нас величайшего напряжения и зоркой бдительности.

«Русская контрреволюция,—говорит далее т. Корнатовский,—не имела никакой поддержки в многомиллионных народных массах». Такое общее поло-

жение смазывает классовый характер борьбы. Многомиллионные народные массы не однородное целое. Классовые противоречия и в городе и в деревне были чрезвычайно остры до войны и революции и обострились именно во время революции. Они привели к гражданской войне, т. е. к борьбе классов. И историку-марксисту смазывать этот вопрос ни в каком случае нельзя. По т. Корнатовскому выходит, что контрреволюция—это какая-то надклассовая группа, не имеющая лица и плывущая по поверхности бушующего моря в виде пузыря. Процесс же классовых противоречий, классовой борьбы у него тонет в многомиллионных народных массах, которые ему кажутся однородным целым. Нет, т. Корнатовский, именно потому, что контрреволюция была нашим классовым врагом, а не мыльным пузырем, и черпала свои силы в своем классе и в городе и в деревне, нам и пришлось вести с ней ожесточенную борьбу, которая далеко не закончена и поныне, ибо за спиной наших битых и недобитых противников, чрезвычайно ослабленных и разрозненных, стоит вооруженный до зубов наш мировой классовый враг—международный капитал.

Тов. Корнатовский к своей неверной по существу концепции приводит верную цитату Ленина о том, что победы, «далеко не были победами военными, они были победой, которую одерживала диктатура рабочего класса». Вот именно. «Диктатура пролетариата», а не вообще многомиллионные народные массы.

На странице 15 рассказано, как генерал Алексеев определял работу контрреволюции, призванной обеспечить формирование белой армии на Дону. К числу намеченных в этом направлении мер относятся: необходимость организации тайных военнополитических отделений в крупных городах, как, например, Петрограде, Москве, Киеве, Харькове с целью шпионажа; вербовка и переправка на фронт: всех контрреволюционных элементов; обеспечение этих организаций оружием и патронами; переброска с фронта под всякими благовидными предлогами сохранившихся частей, воен-

ного имущества и дача, например, наряда главному артиллерийскому управлению на отправку в Новочеркасский артиллерийский склад до 30 000 винтовок на первое время, изъятие из Донской области «совершенно большевистских» запасных частей посредством расформирования их или отправления безоружными на фронт и пр. Контрреволюция в лице генерала Алексеева принимает все меры для сплочения и организации своих сил и ослабления сил «совершенно большевистских», и эта работа едва ли может быть определена, как «мыльный пузырь, веселивший вдохновителей белого движения».

Прямо непонятно, как т. Корнатовский, специально занимаясь изучением вопроса нашей борьбы с контрреволюцией, мог дать такое неглубокое определение сущности контрреволюционных сил. Ведь все, что рассказано им о борьбе не только всей страны, но даже одного Ленинграда, полностью опровергает это положение. Разве Колчак в Сибири, Деникин под Тулой, Юденич под Петроградом и сотни других контрреволюционных организаций, бешено борющихся с нами на протяжении 4 лет, были мертвыми?

Не стоило бы долго останавливаться на этом, если бы фраза о мыльном пузыре была у т. Корнатовского случайна. Но он считает, что контрреволюция корней не имела и свои силы черпала или у немцев или у Антанты. Он приводит ряд выписок из статей белогвардейцев, их писем и пр., в которых они признаются в своем бессилии. «Погибнуть мы всегда успеем» (из письма Алексеева, стр. 16). «Что же касается рабочего класса и крестьянства, то оно в большинстве тяготеет к большевикам, в которых видело освободителей от германской оккупации, мешавшей им грабить помещиков» (стр. 29). Так определяют белые настроение масс. Должен ли историк базироваться на таких утверждениях, или он должен искать социальные корни белогвардейщины где-то глубже. «Под знаком ориентации на Антанту и вела борьбу с революцией внутренняя отечественная белогвардейщина» (стр. 17). Эта мысль таит в себе неверную

установку. И Германия и Антанта крепили белогвардейскую линию, всячески поддерживали белогвардейщину против большевиков, но борьбу организовывали белогвардейцы, опираясь на свой класс, добиваясь реставрации, добиваясь восстановления своего классового господства, восстановления своих привилегий.

«Вопросы внешней политики,—говорит автор,—были стержнем политической платформы различных групп российской контрреволюции, который определял основное направление их внутренней политики» (стр. 23). Вот как! Внешняя политика—основной стержень, определяющий основное направление внутренней политики. А не наоборот ли? Значит, раньше Антанты или Германии, а потом уже наше собственное дело? Тут опять-таки не случайно оброненная фраза, а глубоко неправильная мысль. Буржуазия борется со своим классовым врагом, ища поддержки у своих классовых союзников. По Корнатовскому же российская буржуазия ничего для себя не добивается, и ее внутренняя политика определяется внешней политикой капиталистических государств: «свою повседневную работу подчиняли не столько своим собственным интересам, сколько интересам союзников» (стр. 22).

Это уж, действительно, перевернутая вверх ногами теория классовой борьбы. Наша буржуазия оказывается спала и видела только, как бы угодить интересам союзников—«подчиняли свои интересы интересам союзников». Подумаешь, какой бесклассовый идеализм! Не вернее ли сказать, российская буржуазия оказалась слабой и искала себе союзников в лице мировой буржуазии, которая всячески ей помогала, но, конечно, тоже не бескорыстно.

В диктатуре российского пролетариата мировая буржуазия чувствует и свою собственную гибель и потому готова все сделать для свержения этой диктатуры и помочь своему классовому союзнику.

Автора сбивает с толку то активное участие, которое принимает императорское германское правительство в деле

создания «Северной армии». Они участвуют в выработке плана, снабжают оружием и деньгами, проявляя кровную заинтересованность в деле восстановления старого порядка. Но ведь и ребенку ясно, что русская контрреволюция не для Европы старается.

Надо все же констатировать, что общие рассуждения т. Корнатовского не стоят ни в какой почти связи с изложением событий, и описание формирования белой армии, ее походы и деятельность показаны именно с точки зрения классовой борьбы за власть, и ни о каких мыльных пузырях нет больше речи. Мы видим, как формируется северная армия при помощи немцев, какие материальные ресурсы предоставлялись белым и какова организационная роль немцев в деле борьбы с советской властью. Мы видим боевую организацию, состоящую не из пены морской, а из живых классово-враждебных нам людей и армии, состоящей не из одних генералов и офицеров. Переход на сторону врагов наших частей—тоже явление нередкое и не случайное. Иначе и быть не могло, ибо в процессе обострения классовой борьбы происходила дифференциация, резкое деление на два враждебных мира, и выявлялось истинное лицо даже скрытого классового врага. Если в начале гражданской войны такие люди, как Булак-Балахович и Нелидов, боролись в рядах Красной армии, то только для того, чтобы нанести потом удар в спину. Объяснение этому надо искать не только в их персональной низости, но главным образом в их классовой сущности.

Книга богата фактическим материалом и насыщена ценнейшими данными об освещаемых событиях и дает ясную картину истории борьбы за Петроград. К слабой стороне книги относятся общие рассуждения автора, которые неверны и противоречивы.

М. Эссен

В. ТРОЦКИЙ. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Том II. 1918 г. Самара 1929. 308 стр., ц. 2 р. 50 к. Истпарт Средне-волжск, обкома ВКП (б), Госиздат,

В свое время в «Пролетарской революции» (№ 11(70)—1927 г.) была дана оценка первому тому выпущенной тогда Самарским истпартм хроники революционного движения в Самарской губернии, охватывающей события 1917 года. Рассматриваемая нами работа т. В. Троцкого является продолжением вышедшей в 1927 г. Но если первый том этой хроники был составлен неудачно, как это и было указано в названной выше рецензии (у прежнего составителя не было определенной системы в работе, плана и твердой установки; в отделе партийная жизнь освещалась деятельность всех партий и в общем все сваливалось в одну кучу), то во втором томе виден марксистский метод при составлении этой работы: выявляется классовая подоплека происходивших событий; в отделе партийная жизнь освещается деятельность нашей партии; деятельность же других, враждебных революции партий, освещается в отделе «гражданская война» или «мелкобуржуазные партии».

В отношении метода составления хроники, в отношении способов обработки материала и его расположения рассматриваемое издание знаменует определенное достижение, которое не может не быть учтено последующими составителями подобных хроник в других истпартах; особенно заслуживает внимания метод противопоставления одних событий другим (революционных—контрреволюционным), введение в изложение событий так сказать диалектики фактов.

На протяжении всего периода царствования в Самаре эсеровско-кадетской реакции, когда эта последняя чинила расправу над рабочими и крестьянами, над большевиками,—мы видим, что революционная деятельность там так же, как и по соседству—в Покровске, или различных волостях, не прекращается: большевиками выносятся партийные решения, организация работает не покладая рук, рабочее и крестьянское движение все время прорывается наружу, несмотря на драконовские мероприятия «демократической», «народной» власти. На 10 сентября, сообщается, например, что в Самаре у Молоканских казарм

расстреляны 7 солдат 3-го стрелкового полка народной армии, как «подстрекатели» к бунту. На то же число отмечается, что в Николаевске «1000 рабочих под руководством укома РКП(б) стали под ружье, решившись раз навсегда разделаться с врагами».

Вообще второй том самарской хроники в отношении содержания заслуживает всяческого внимания. В июне 1918 г. в Самаре, как известно, было выступление чехо-словаков, свергнувших советскую власть и насадивших эсеровских учредильцев, которые под вывеской *Комуча* хозяйничали здесь четыре месяца, т. е. до 7 октября, когда Самара была снова взята советскими войсками. За это время здесь пребывали французская миссия, представители С.-А. Соед. штатов, уполномоченный германской главной миссии в Москве и т. д. Самарских рабочих и крестьян расстреливали, кроме чехо-словацких и казацких эсеровских войск, сербские, итальянские и польские войска.

Отсюда формально началась эсеровско-буржуазная белогвардейская контрреволюция, которая, превратившись в контрреволюцию военно-помещичью и получив распространение на восток, около двух лет—где больше, где меньше—держала в своих руках всю Сибирь, Урал, Дальний Восток. Здесь же зародилась та союзническая интервенция этих районов, которая сопутствовала контрреволюции и по существу ее поддерживала и насаждала. Таким образом, Самара в это время была узлом таких событий, которые имели не только свое местное, но и всероссийское, а в известном отношении даже международное значение. К эсерам и через эсеров тянулись нити от всех империалистических государств. Они были на-

дежной контрреволюционной приманкой для всех крупных империалистических «рыболовов», начиная от Керзона и Клемансо и кончая японскими министрами, как, например, Танака и Хара, и генералами вроде Ооя, Сиродзу и т. п. Вот почему важно самое внимательное изучение всего того, что пережила Самарская губерния за эти годы.

Мимо опыта организации рабочих и крестьян для борьбы с контрреволюцией в этой губернии не может пройти ни один историк. Работа т. В. Троцкого в направлении детального и тщательного изучения пронесшихся над этой губернией событий является первым камнем, первой попыткой дать в некотором роде схему того, что здесь произошло. Вся история происходившей здесь борьбы, само собою разумеется, будет изучаться лишь в будущем, но канва для извлечения архивных материалов, канва, по которой будет составляться такая история, рассматриваемой работой уже дана.

Не лишена, конечно, эта работа и ряда недостатков. Жаль прежде всего, что составитель не выполнил тех указаний, которые были даны по вопросу о составлении подобного рода хроник истпартам. При изложении хроники событий часто хромает стиль работы. Иногда отмечаются состоявшиеся партийные конференции, но какие на них были разрешены вопросы—об этом не говорится (напр. стр. 192 и пр.). Слабое отражение получила в рецензируемой работе экономика охваченного ею периода. Несмотря на эти недостатки, работа, как уже указано выше, является определенным вкладом в историю революционного движения эпохи Октябрьской революции.

Гер. Шпилев.

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП (б) и ленинизм.

Ленин, В. И. Сочинения. Т. XIV. 1909—1910. Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати Ф. Д.

Кретовым. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л., стр. VIII, 636. 16 илл.

Ленин, В. И. Сочинения. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева, Т. XVII. 1913—1914,

(Издание третье удешевленное.) Подготовлен к печати Д. Я. Кином.

Ленин, В. И. Религия, церковь и партия. Составил Ломакин. Предисловие Ст. Кривцова. Изд. 3-е. (Ленинская библиока партийца.) Гиз, стр. 91, ц. 20.

Луппол, И. К. Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. Гиз, изд. 3-е, стр. 301, ц. 1 р. 75 к.

Сорин, Вл. О разногласиях Бухарина с Лениным. Гиз, стр. 59, ц. 12 к.

Революционное движение и классовая борьба в России

Васильев, В. Подкоп под Тамбовскую тюрьму. Изд-во политкаторжан, стр. 30, ц. 10 к.

Гессен, Сергей. Солдатские волнения в начале XIX века. Изд-во политкаторжан, стр. 113, ц. 55.

Геронимус, А. Разгром Юденича. Гиз, стр. 152, ц. 1 р. 50.

Иков, В. К. Николай Александрович Добролюбов. Изд-во политкаторжан, стр. 90, ц. 35 к.

Крицман, Л. Пролетарская революция в деревне. Гиз, стр. 576, ц. 5 р. 50 к.

Кункль, А. Нечаев. Изд-во политкаторжан, стр. 57, ц. 20 к.

Любимов, И. Н. Революция 1917 г. Хроника событий. Т. VI. Октябрь—декабрь. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Стр. 498, ц. 4 р. 50 к.

Любимов, П. Г. проф. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв. Организационная структура промышленных предприятий. Гиз, стр. 189, ц. 1 р. 70 к.

Мошинский, И. Н. (Юз. Конарский). На Темернике. Или достоверный рассказ о том, как и за что ростовские пролетарии боролись в дореволюционные годы с царским самодержавием и капиталистами. Изд-во политкаторжан, стр. 61, ц. 20 к.

«Народная воля». Перед царским су-

дом. 50 лет. 1879—1929. Под редакцией А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. Изд-во политкаторжан, стр. 163, ц. 1 р. 40 к.

Невский, В. И. Предшественники нашей партии. (Северный союз русских рабочих.) «Московский рабочий», стр. 37, ц. 30 к.

Селиванов, Вл. Моряки народовольцы. Изд-во политкаторжан, стр. 156, ц. 65 к.

Шаханов, Н. Николай Евграфович Федосеев. Изд-во политкаторжан, стр. 97, ц. 35 к.

Международное революционное движение

Горлов, А. Новый революционный подъем и Коминтерн. «Молодая гвардия», стр. 162, ц. 40 к.

Гюнтер, Г. Международный меньшевизм. Изд. «Московский рабочий», стр. 103, ц. 50 к.

Дюваль, Гюи. Французский империализм в колониях. «Московский рабочий», стр. 128, ц. 1 р.

Ковчegov, П. Учение Отто Бауэра о революции. Изд-во «Прибой», стр. 77, ц. 40 к.

Лепешинская В. Английская всеобщая забастовка в 1926 г. Гиз, стр. 200, ц. 1 р. 75 к.

Миловидова, Э. Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия под редакцией и с введением Клары Цеткин. Гиз, стр. 507, ц. 2 р. 35 к.

Пятницкий, О. Проблемы международного движения. Изд. ВЦСПС. М. Стр. 34, ц. 10 к.

Реммеле, Г. На пороге нового революционного подъема в Германии. «Московский рабочий», стр. 95, ц. 35 к.

Юг. Империализм на черном континенте. «Московский рабочий», стр. 128, ц. 1 р.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

РАБОТА МУЗЕЯ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Музей Института Ленина является научным учреждением агитационно-просветительного характера, основными задачами которого являются: наглядное ознакомление широких трудящихся масс с жизнью и деятельностью Ленина, выявление роли и значения Ленина в истории ВКП (б) и в истории русской революции, и, наконец, выявление его роли в истории международного коммунистического движения; Музей Института Ленина служит наглядным пособием при изучении вопросов ленинизма.

Этот музей существует самостоятельно всего около 3 лет; до конца 1926 г. он был п/отделом при Музее революции СССР, где занимал одну большую и одну маленькую залы.

В декабре 1926 г., когда Институт перешел в новое здание, Музею было предоставлено помещение на Б. Дмитровке, 24, и он получил возможность расти и развиваться. Много заботы, труда и средств пришлось потратить для того, чтобы буржуазному особняку придать музейный вид! Пришлось все стены обтянуть суровым холстом, так как в различных комнатах они имели самый разнообразный вид, где разрисованные в самых различных стилях, где обитые разноцветной материей. На потолках до сих пор сохранились в одной комнате летающие амурсы, в другой *nature morte*, т. е. дичь, помидоры, овощи и т. д.

К открытию Музея, которое состоялось 22 января 1927 г., были оборудованы только 4 комнаты в первом этаже и 4 во втором. На каждый из п/отделов исторического отдела, занимающего 1-й этаж, приходилось по одной комнате,

в четвертой комнате помещается точная копия кабинета Ленина в Кремле, в здании Совнаркома.

За три года существования Музей вырос больше, чем вдвое, и вместо 8 комнат в 1927 г. сейчас он занимает 14 музейных комнат и 5 подсобных, не считая кабинетов для работы сотрудников. В обоих этажах занято по 7 комнат, во втором есть одна резервная комната, первый же занят на все 100%, и дальнейшее расширение исторического отдела Музея наталкивается на отсутствие места.

Пока музей ограничивается углублением работы, т. е. изучением вновь публикуемых ленинских материалов, и заменяет менее интересные материалы более важными. В дальнейшем необходимо, однако, найти территорию для расширения п/отделов и экспозиции вновь публикуемых Институтом Ленина материалов. Для этой цели намечено расширить 2 музейных комнаты за счет одной канцелярской и коридора.

Закончив период своего организационного строительства, Музей делает попытку выйти за свои стены и связаться с местами и предприятиями. С этой целью Музей взял на себя обязанность снабжать местные музеи ленинскими материалами, методическими объяснениями и практическими указаниями по вопросам музейного оформления экспонатов. До настоящего времени снабжено около 25 музеев, и можно надеяться, что к концу 3-го месяца мы намеченную для обслуживания в 3 месяца цифру—40 музеев—превысим.

Для связи с предприятиями Музей организовал передвижные филиалы Музея: первый на тему «Ленин—вождь

Октября» — обслужил 3 предприятия (заводы: «Дукат» и «Борец» и 5-ю фабрику Москвошвей). На всех трех предприятиях передвижка возбудила интерес к Музею Института, вызвала желание посетить его и собирала многочисленных посетителей, особенно в обеденный перерыв. Вторая передвижка «Ленин и партия» готовится к ленинским дням и приглашена уже на несколько предприятий, между прочим, на завод им. Ленина, бывш. Михельсон.

Кроме научно-исследовательской и массовой работы Музей ведет еще методическую работу по разработке вопроса о тематических и сквозных экскурсиях для посетителей разной квалификации; к этой работе, кроме штатных сотрудников Музея, привлекаются руководители экскурсий, обслуживающие Музей Института.

В настоящем году Музеем намечено радикально переделать п/отдел, обнимающий период с 1908 по 1917 г. включительно, использовав для этого богатый материал, намеченный к опубликованию Институтом Ленина и углубив увязку его с современностью. Наряду с этим намечено расширить материал по теме «Ленин и революция 1905 г.» и пополнить ее новыми данными к 25-летию московского восстания. 3-й п/отдел — советский — также нуждается в переделке и пополнении.

Если опыт с передвижками окажется удачным, Музей в течение 1929—30 гг. организует еще 3 передвижки — «Ленин и трудящаяся женщина», «Ленин и Коминтерн» и «Ленин и крестьянство». Последнюю передвижку очень желательно повезти в несколько колхозов и совхозов Московской области.

С 1-го октября Музей перешел на

непрерывную пятидневную неделю; этот переход при маленьком штате Музея сопряжен с некоторыми затруднениями, так как часто нечем бывает заменить товарищей, использующих свой выходной день. Дни посещения Музея остались пока прежние и приурочены к дням, а не к числам, так как существует опасение, что переход к системе переходящих дней вечернего и утреннего открытия Музея внесет слишком большую путаницу в посещение Музея (особенно для экскурсий, приезжающих из провинции).

В связи с переходом предприятий на пятидневку посещаемость Музея несколько сократилась, очевидно, вследствие того, что культкомиссии, организующие на предприятиях экскурсии, еще не успели перестроиться на непрерывное обслуживание ежедневно освобождающихся групп рабочих. Несомненно, что по мере того, как культурное обслуживание рабочих будет охватывать все группы, освобождающиеся в свой выходной день, посещаемость Музеев увеличится и станет более равномерной, тогда как до введения непрерывной пятидневной недели Музей бывал переполнен в воскресенье и пустовал в будни.

Общая посещаемость Музея растет: в течение 1927/28 г. Музей посетило 63 726 человек, из них 30% рабочих с предприятий, посетивших его организованными группами; в 1928/29 бюджетном году число посетителей было почти на 10 тысяч больше — 73 487, причем процент рабочих увеличился до 37; в течение же октября и ноября 1929 г. количество рабочих дошло до 54%.

Н. Плюснина

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА

В работе библиотеки прежде всего заслуживает быть отмеченным расширение основных ее фондов. Это пополнение произошло в первую очередь в результате слияния Института с Истпартом ЦК ВКП(б) и польской его комиссией, обладавшими весьма ценными коллекциями нелегальной (доре-

волюционной) литературы, а также собранием легальных марксистских изданий. Сейчас можно со всей определенностью утверждать, что соединенный после слияния с Истпартом ЦК ВКП(б) фонд историко-революционной литературы Библиотеки Института имеет мировое значение.

Помимо указанного слияния, весьма обогатившего основные фонды Библиотеки, состав ее книжных собраний пополнялся и иными путями. Так, за последнее время Библиотека получила: Собрание сочинений *Парвуса* по мировой войне (см. характеристику этой коллекции в газ. «Правда» за 1928 г. № 83); коллекцию нелегальных изданий (свыше 3 000 едн.) *А. А. Савельева* (Ленинград); собрание т. *Н. И. Подвойского* (около 10 000 ед., главным образом периодика и листовки эпохи гражданской войны); т. *Ледера*—собрание нелегальной литературы на польском и западно-европейских языках периода 1903—1916 гг. (около 650 ед.), коллекцию листовок и периодики Баварской советской республики (ок. 158 ед.) в фотокопиях; коллекцию *Торсуева*, главным образом провинциальных газет за 1917, частью 1918—1919 гг. (ок. 2 078 ед.); коллекцию белой и эмигрантской литературы и мн. др.

Заслуживает упоминания и работа библиотеки над уточнением границ и направления ее комплектования. Сейчас установлено, что в задачи комплектования библиотеки входит исчерпывающее собирание литературы лишь по следующим вопросам: по истории революционного движения в России и в особенности по истории ВКП(б); по биографии Ленина и ленинизму и по вопросам Коминтерна. Для обслуживания научных работ, проводящихся в Институте, Библиотека, конечно, вынуждена собирать литературу и по другим смежным вопросам. Но комплектование этого рода литературы проводится с значительными ограничениями, с учетом того, что в настоящее время получает широкое развитие так называемый междубиблиотечный абонемент. Уменьшая приток своих поступлений *количественно*, Библиотека одновременно улучшает *качественный* состав своих фондов и приобретает тем самым возможность перейти к более углубленным формам обслуживания читателей, учитывая *специальное направление деятельности Института*. Ту же по существу тенденцию к специализации можно проследить и в отношении подбора

постоянных кадров читателей Библиотеки. Если в первое время работы Библиотеки в среде ее читателей значительную роль играла группа учащихся, то в настоящее время превалирующей является группа самостоятельных исследователей (в 1927/28 гг. учащихся 43%, в 1928/29 гг.—20%; в 1927/28 гг.—научн. работн. ИКП и аспирантов—26%; в 1928/29 гг.—39%). Учитывая недостаток помещения в читальном зале, а также необходимость обслуживания в первую очередь научных работников Института в связи с заданием ЦК партии ускорить издание Сочинений В. И. Ленина, Библиотека вынуждена была предоставлять право пользования ее читальным залом лишь тем исследователям, работа которых совпадает с направлением деятельности самого Института.

Выше уже отмечалось, что Библиотека за последнее время не только уточнила свои специфические функции, но и получила возможность более интенсивно развернуть углубленные формы своей работы. В числе таких работ необходимо, кроме обычного выпуска Ленинианы (за 1928 г.), отметить: 1) составление «научного аппарата» к отдельным томам Собрания сочинений Ленина (9 словарей имен, 9 летописей событий, 8 указателей литературы, 10 вех жизни и 2 списка отредактированных работ); 2) составление указателя к 7 первым Ленинским сборникам; 3) подготовку к печати библиографии листовок РСДРП (центральные организации) 4) составление предметного каталога на все имеющиеся в Библиотеке книги по социализму, марксизму, ленинизму, истории рабочего движения и истории СССР (по другим вопросам предметный каталог готовится в настоящее время). Из указанного выше далеко не полного обзора научно-исследовательских, библиографических и библиотечных работ видно, что Библиотека вступила на путь значительного расширения круга лиц, ею обслуживаемых, поскольку подготовляемые ею к печати издания рассчитаны не только на непосредственных ее клиентов—читателей читального зала и абонемента.

Такой же по существу углубленный характер будет носить и та работа, которую в связи с указаниями дирекции Библиотека начала в текущем году развивать по обслуживанию исследовательской работы кабинетов Института. В настоящее время эти кабинеты еще находятся в первоначальной стадии их организации, но и теперь уже можно предвидеть, что факт организации кабинетов существенным образом изменит и оплодотворит работу Библиотеки; пользуясь содействием кабинетов, Библиотека сможет еще более улучшить формы справочного обслуживания читателей; подготавливая литературу для кабинетов, Библиотека еще более укрепит фонды по своей прямой специальности. Несомненно улучшится и увязка Библиотеки с научно-исследовательскими работами Института вообще.

Необходимо еще остановиться на проблеме развертывания Библиотекой обменных операций. В истекший период Библиотеке удалось окончательно организовать свой обширный книжный обменный фонд. Этот фонд сейчас уже составляет свыше 40 000 корешков, в значительной своей части относящихся к общественным наукам и в первую очередь к истории революционного движения. Совершенно очевидно, что основной задачей т. н. «обменного фонда» Библиотеки будет снабжение ныне реорганизуемых местных истпартаов наличной в Библиотеке литературой.

Следует, однако, оговорить, что в указанную выше сумму «обменных» экземпляров не входит большое количество периодических изданий, пока что вовсе не разобранных Библиотекой и потому не могущих еще быть использованными. К такой разборке Библиотека сможет приступить не раньше следующего года. Не отобраны обменные экземпляры так-

же и в нелегальном фонде Библиотеки, поскольку отборка указанного рода изданий требует весьма сложной и кропотливой работы.

Наш обзор был бы неполным, если бы мы не затронули еще один весьма важный момент в развертывании работы Библиотеки—вопрос о социалистическом соревновании. Уже в октябре текущего года Библиотека имела договоры «соцсоревнования» между ее основными разделами, и это сразу же сказалось на поднятии производительности труда и на поднятии труддисциплины. В настоящее время Библиотека ведет переговоры по заключению договора на социалистическое соревнование с библиотекой Комкадемии.

Заканчивая краткое сообщение о деятельности Библиотеки, приведем общие данные о ее структуре, а также цифровой материал, характеризующий ее работу. Библиотека в настоящее время разделяется организационно на следующие разделы (секторы): 1) сектор комплектования; 2) сектор обработки книг; 3) сектор обслуживания читателей (включает и книгохранение) и 4) библиографический сектор. Библиотека (на 1 октября 1929 г.) имеет 134 247 переплетных единиц, *обработанных* книг и журналов. По языку книжный фонд делится так: 66% русские книги, 34% — иностранные. Количество названий, получаемых Библиотекой периодических изданий—267. Прирост за последний 1928/29 г.—25 730 ед. Число читателей в Библиотеке 853 (в том числе 762 члена партии). В читальном зале Библиотеки, имеющем 64 места, открытом непрерывно с 9 утра до 11 ч. вечера, за 1928/29 г. состоялось 19 301 посещение и 53 114 выдач (включая выдачу в кабинеты).

В. Штейн

В АРХИВЕ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

После происшедшего слияния Института Ленина с Истпартом Архив Института значительно пополнился, и целый ряд ранее недостающих материалов вошел в общий архивный фонд Института. Это обстоятельство облегчи-

ло и ускорило темп разработки части материалов, так как до этого мы имели такие случаи, когда одна половина материалов или отдельного документа (даже Ленинского) хранилась в Истпарте, другая в Институте. Это же относится

и к справочному и подсобному материалу, без которого работа, конечно, не могла вестись так, как это было бы нужно не только в самом Архиве, но и в других отделах Института, ведущих научно-исследовательскую работу.

К началу 1930 г. Архив Института имеет более 70 000 документов, из них ленинских—24 000. В последнюю группу входят документы как досюветского периода, так и советского, а также книги, журналы и газеты, имеющие пометки В. И. Таких книг и журналов пока собрано в различных источниках как в СССР, так и за границей—483 единицы. Все они уже закаталогизированы и в значительной части сфотографированы.

Основная задача, стоявшая перед Архивом в течение прошлого года—обработка ленинских и относящихся к ним документов—в настоящее время почти выполнена. Написан инвентарь, составлен и отпечатан карточный каталог. Целый ряд материалов, необходимых для издания сочинений Ленина, теперь выявлены и могут быть отысканы благодаря карточному каталогу.

Следующий этап работы Архива—это обработка архивных фондов, которые имеют для истории партии первостепенное значение. Сюда входят: 1. Фонд партийных съездов и конференций; 2. Фонд «Искры» и «Зари», 3. Фонд «Вперед» и «Пролетария»; 4. Фонд Социал-Демократа; 5. Фонд ЦО за годы войны и др. Разработка этих фондов ведется по линии каталожного их описания, выявления ленинских документов и объединения их с однородными материалами, уже имевшимися в Институте ранее. Часть этой работы уже выполнена и к середине 1930 г. будет закончена.

Кроме того в последнее время часть архивных работников привлекается к выполнению литературных работ для Ленинских сборников, а также к непосредственному участию в сборнике Партархива—«Архив ВКП(б)». Привлечение архивных сотрудников к участию в литературной жизни Института имеет большее значение в смысле использования тех знаний и опыта, которые ар-

хивист получает в процессе работы над документами отдельного периода. Для очередного Ленинского сборника архивисты готовят письма В. И. Ленина, которые почему-либо не вошли в серию писем, уже опубликованных ранее.

За истекший год Архив Института обогатился рядом материалов и документов, имеющих первостепенную ценность. Не говоря уже о тех материалах, которые были получены из личного архива покойного А. Д. Цюрупы, а также переданы Н. П. Брюхановым¹, нам удалось получить в Париже архив редакции «Вперед» и «Пролетарий» и материалы, касающиеся Цюрихского объединительного съезда и весенней русской конференции (Белостокской). Среди этих материалов имеется около 200 ленинских рукописных документов.

Из наиболее важных и крупных рукописей В. И. из архива «Вперед» и «Пролетарий» следует указать: на статью «Демократические задачи революционного пролетариата»—16 лл., «К вопросу о III съезде», «Маркс об американском черном переделе»—19 лл., «Аграрная программа либералов»—23 лл., «С большой головы на здоровую»—19 лл., «Изобличенный совет»—15 лл., «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»—20 лл., «Социал-демократия и временное революционное правительство»—19 лл., «Третий шаг»—26 п. л., «К вопросу о докладах комитетов и группа РСДРП общепартийному съезду»—16 лл., «Единение царя с народом и народа с царем»—20 лл., «Революция в России» (без конца)—34 лл., «Наши Тартюфы»—15 лл. и др. Значительные пополнения Архив Института получил из материалов, изъятых в Ленинграде. В декабрьской книжке «Пролетарской революции» были уже кратко перечислены основные архивные фонды, обнаруженные в библиотеке Академии наук. Подробное их описание будет дано после того, как полученные документы будут разобраны и описаны.

Из других поступлений в СССР за истекший 1929 г. надо отметить мате-

¹ См. описание этих архивов в № 11 за 1929 г. «Пролетарской революции».

риалы, сданные следующими лицами и организациями:

В. Д. Бонч-Бруевич. Письмо Ленина за 1903 г. по вопросу о высылке книг и др.

Н. Буренин. Письма Ленина и Н. К. Крупской за 1914—17 гг. Каспарову по вопросу о высылке литературы, о сведениях из России по поводу революционных событий и приезде Вл. И. и Н. К. Крупской в Россию и др.

Н. П. Горбунов. 1. Записки и резолюции Вл. Ильича на имя Н. П. Горбунова о работе комендатуры Кремля 1922 г. 2. проект письма за подписью Вл. И. о волоките и бюрократизме в советских учреждениях, оставляющих без ответа направляемые им приемной СНК жалобы и заявления на разрешение; 3. Письмо М. Горького Вл. И. Ленину перед отъездом за границу 8/X. 1921 г. с просьбой взять на себя заботу об учреждениях, созданных М. Горьким и др.

А. И. Елизарова (Ульянова). Письмо В. И. Ленина из Сибирской ссылки за период 1897—1899 гг.

Иркутское Округовое бюро. Дело канцелярии Иркутского генерал-губернатора о высылке в Восточную Сибирь административным порядком за государственное преступление под надзор полиции В. И. Ульянова и Ф. Цедербаума. 1897 г.

Московский музей революции. Дело отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве о бывшем студенте казанского университета В. И. Ульянове, 1903 года и 4 письма Г. Зиновьева.

Ленинградский музей революции. Статья В. И. «Как буржуазия использует ренегатов». 1919 г. Рецензия Ленина о немецком журнале «Коммунизм». 1920 год.

Г. Я. Сокольников. Письма и отношения Вл. И. на имя Г. Я. Сокольникова за 1922 г. по вопросам внешней политики, о работе Гохрана, о выработке форм и способов ответственности членов правлений трестов за неправильные отчетности и за убыточное ведение дела, об установлении контроля НКФ за деятельностью трестов и т. д.

М. И. Ульянова. Письма В. И. Ленина из сибирской ссылки за период 1897—1899 гг., а также за 1900—1917 гг.; статьи: 1. «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое». 2. Как организовать соревнование», 3. Лекция В. И. — «Война и революция» — 1917 г.

И. И. Ходоровский. Письма Ленина т. Ходоровскому по вопросу о шефстве городских ячеек над сельскими и обратно, удостоверения за подписью В. И. Ленина и др. 1919—21 гг.

Центрархив. Стенограммы речей В. И. на III Всерос. съезде Советов 11 и 12 янв. 1918 г., IV чрезвычайном съезде советов 15 марта 1918 г., II соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов, и фабрично-заводских комитетов 29 июля 1918 г., VII Всерос. съезде советов — декабрь 1919 г.

ЦК Белоруссии. Письмо В. И. Ленина тов. Серее об организации советских хозяйств в Московской губернии. 1918 г.

А. В. Эйдук. Мандаты и удостоверения на имя А. В. Эйдука за подписью Ленина за 1919 г.

Означенные материалы представляют часть того, что было получено за последнее время, кроме того, в архив были переданы материалы и отдельные документы от нижеследующих товарищей: Адоратского, Баранова, Берзина, Бранловского, Бронского, Вигилевой, Волина, Гагарина, Гиясова, Езерской, Зенделя, Зиновьева, Злинченко, Ильина-Женевского, Казакова, Карташева, Киппермана, Кобозева, Коллонтай, Константиновой, Крамольникова, Кржижановского, Крумина, Крупской, Куйбышева, Курского, Ледера, В. Максимовского, Минина, Михайлова, Оболенского, Певунова, Петерсона, Платтена, Путинцева, Радека, Ротштейна, д-ра Рубакина, Садовской, Самсонова, Семенова, Скрипника, Скрыбина, Смирнова, Сорина, Степановой (Скворцовой), Тимирязева-Томского, Чернова, Шаповалова, Шкловского, Юрьева.

В начале декабря 1929 г. Институт Ленина вновь обратился к целому ряду товарищей с предложением о сдаче имеющихся у них документов.

В ответ на это обращение в Институт

начали уже поступать новые материалы. Так, в последние дни сдачи были документы товарищами: Г. Я. Сокольнико-

вым, Н. П. Горбуновым и А. И. Сви-
дерским.

А. Лашии

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА И ИСПАРТ РАБОТЫ НА МЕСТАХ ЗА 1928/29 Г.

Приступая к обзору испартработы, прежде всего следует остановиться на тех решениях, которые были приняты на Всесоюзном совещании испартов (январь 1929 г.) и посмотреть, как эти решения реализовались.

Необходимо отметить, что большинство выступлений товарищей на совещании носило пессимистический характер. Товарищи жаловались на трудности, которые имеются на местах в связи с недооценкой их работы партийными организациями, отсутствием научной и документальной базы, издательских возможностей и ничтожными штатами. Товарищи указывали, что выполнение поставленной перед ними задачи возможно лишь при условии создания более нормальных условий для их работы. Трудно поставить сколько-нибудь правильно работу там, где имеется всего один-два работника (в таком положении находится добрая половина испартов). Нельзя приступать к исследовательской работе там, где нет архивной базы и научных сил. Нельзя думать об издании литературных работ там, где нет никаких материальных ресурсов не только на аванс автору, но даже на перепечатку на машинке материалов и на канцелярские принадлежности. Большинство испартов ютится в помещениях совершенно непригодных для работы, где зачастую нет даже стола для работы и материалы валяются на открытых полках и в незапертых ящиках стола. В помещении Уральского испарта чернила замерзают в чернильнице.

В резолюции, принятой единогласно совещанием, намечен ряд мероприятий, обеспечивающих нормальную постановку работы, и интересно теперь проверить, какие из них и как реализовались.

В резолюции был принят следующий

пункт: *«приступить к выработке общего плана научной работы как для центра, так и для мест, имеющих своей основной задачей подготовку к созданию научной истории партии»*. Нужно признать, что к выполнению этого пункта мы начинаем подходить только сейчас. Институт Ленина намечает в ближайшие месяцы такой план выработать. Отдел местных испартов в мае текущего года предложил местам приступить к составлению 3-летнего плана, наметив темы, которые должны лечь в основу этого плана. Местные испарты согласно этому указанию приступили к составлению трехлетних планов, и в ОМИ поступило уже около 20 планов, которые нуждаются в согласовании и значительной переработке, а главное в увязке с планом Института Ленина.

Второе, на что указывалось в резолюции,—это на необходимость реорганизации всей испартовской сети, укрупнение испартов и создание в республиканских и крупных областных пролетарских центрах научно-исследовательских институтов. Этот вопрос в продолжение всего года на местах и в отделе местных испартов энергично прорабатывался. Отдел совместно с заведующими крупных испартов проработал проект типового устава таких институтов, разработал смету и штаты. Местные испарты сумели заинтересовать этим вопросом партийные организации, в результате чего мы имеем постановление ЦК КП(б) Украины и ЦК КП(б) Белоруссии, Ленинградского и Северо-кавказского областных комитетов о необходимости создания у них институтов по истории партии. Украинский и Белорусский испарты, кроме признания получили уже и средства для институтов, и сейчас ими ведется большая работа по организации их. В худшем положении оказались Ленинград и

Северный Кавказ, которые зависят от утверждения сметы в центре; поскольку же здесь этот вопрос затянулся, работа и там задержалась.

На совещании указывалось, что необходимо энергично продвинуть вопрос об организации единого партархива, как основной базы для научно-исследовательской работы. Отдел местных истпартов за текущий период уделил очень много времени и внимания подготовке и продвижению вопроса о создании единого партархива. Местные истпарты также приложили не мало усилий к подготовке концентрации партийных архивных материалов, и сейчас работа единого партархива ставится как в центре, так и на местах.

Совещание подчеркивало необходимость подчинения всей работы местных истпартов задаче подготовки научной истории партии, выдвинутой XV съездом ВКП(б). Вот это решение не осуществлено ни в центре, ни на местах. Институт Ленина занят в этом году, главным образом, работой над выпуском томов сочинений Ленина. Поскольку эта работа являлась для него первоочередной, он естественно не мог уделять другой работе достаточного внимания. Местные истпарты, снизившие вообще довольно значительно в текущем году свою литературно-издательскую работу по сравнению с прошлым годом,—книг по истории партийной организации почти не дали.

Далее совещание постановило, что работа истпартов должна находиться в тесной связи с текущими задачами партии и что внимание истпартов должно быть заострено на изучении различных уклонов как в прошлом, так и в настоящем. Просматривая изданные истпартами литературу, приходится опять-таки сказать, что и эта директива совещания не выполнена и ни Институт Ленина, ни местные истпарты не дали ни одной работы по истории уклонов.

В резолюции был принят еще пункт о необходимости создания руководящего идеологического центра для музеев революции. Это решение также не получило своего разрешения. Вопрос этот в Институте Ленина обсуждался как в

связи с обследованием Музея революции, работа которого признана во многих отношениях неправильной, так и в связи с выработкой общего плана работы Института. При Институте наряду с другими отделами создается научно-популярный отдел, в задачу которого входит также руководство работой музеев революции, как одного из средств массовой агитации. Но этот отдел еще не сконструирован и к работе еще не приступил.

Итак, приходится констатировать, что большинство постановлений совещания, за исключением одного, не проведены в жизнь. Приступлено к созданию единого партархива в центре и его филиалов на местах. Почему же не выполнены решения совещания? Мы уже не раз указывали на то, что на местах вследствие недостатка работников, а главное, недостаточного внимания к истпарtrate вообще, в истпарты выделяются товарищи с недостаточной квалификацией, товарищи частично уже «отработавшие», и истпарты превращаются в своего рода собес. Если же туда попадет товарищ, умеющий работать, его живо переводят на другую работу или посылают на проведение различных кампаний, и мы имеем ряд случаев, когда работники истпарта месяцами совершенно отсутствуют. Заведующие таких истпартов как Украинский, Московский, Средневожский, Уральский, Иваново-вознесенский, Татарский Киевский и др. снимались для другой работы на ряд месяцев без замены их другими работниками. Можно ли удивляться, что работа их вследствие этого чрезвычайно снизилась, а местами замерла совсем. Были случаи, когда истпартом заведывал в продолжение ряда месяцев товарищ, исключенный из партии за оппозицию. В каком другом отделе партийного комитета это было бы возможно, а вот, в истпарте,—тоже ведь отделе партийного комитета—это считалось возможным. Конечно, не везде так. Есть ряд партийных организаций, где к работе истпартов относятся со всей серьезностью, но и там снять руководителя истпарта и послать его на несколько месяцев на другую работу

без замены его другим работником считается явлением вполне нормальным. И мотив всегда один и тот же: «работа истпартов не спешная, успеется потом». Вот с этой установкой, в корне неправильной, необходимо бороться во всю. Изучение истории партии является одной из актуальнейших наших задач, особенно теперь. Историю партии мы изучаем не как летописцы, а в аспекте текущих событий, увязывая ее с современной действительностью. Борьбу с уклонами мы не можем вести, не зная истории партии, ибо в ошибках прошлого коренятся ошибки настоящего.

В начале текущего года за подписью секретаря ЦК ВКП(б) т. Смирнова были посланы нескольким крупным партийным комитетам письма, в которых указывалось на то значение, какое имеет изучение истории партии, и было предложено работу эту развить надлежащим образом теперь. Можно смело утверждать, что эти письма должного влияния не оказали и положение на местах остается без изменения и даже во многих местах ухудшилось. В 1927 г., в связи с празднованием 10-летия Октябрьской революции местным истпартам из центра были отпущены средства на издание юбилейной литературы и благодаря этому было выпущено значительное количество историко-партийной литературы, а именно: 241 название в 1642 печ. лист. Оценка этой литературы была дана в отчете прошлого года.

В текущем году продукция истпартов падает. Ими издано всего за отчетный период 79 названий в 779 печ. листов. Работа истпартов на местах понижается, и чтобы она окрепла, нужно создать для нее такие же условия, какие созданы в центре. Институт Ленина обеспечен и средствами, и архивной базой, и кадрами. Необходимо спешно добиться разрешения вопроса о создании институтов по истории партии в крупных республиканских и пролетарских центрах, сокращения сети истпартов, оставления их в крупных областных центрах, пополнения их квалифицированными силами и обеспечения материальными средствами. Необходимо до-

биться перелома в работе истпартов со стороны руководящих партийных органов и включения в общий план работы партийного комитета плана работы истпартов, руководство этой работой и проверку ее выполнения.

Но указывая на все, так сказать, «объективные условия», мешающие правильной постановке работы, ни в коем случае нельзя объяснять слабость работы истпартов только «внешними причинами». Есть истпарты, где имеется и достаточное число штатных единиц и архивная база, как, например, Сибирский истпарт, тем не менее работа там поставлена ниже критики. За пять лет не выпущено ни одной сколько-нибудь ценной работы, и вся продукция истпарта чрезвычайно ничтожна. Украинский истпарт, занявшись в этом году реорганизацией истпарта в институт, чрезвычайно понизил свою продукцию по сравнению с прошлым годом. Уральский истпарт, благодаря частой смене заведующих, никакой работы почти не вел. Совершенно не выполнен план работы и Московского истпарта.

Азербайджанский институт, имея в своем распоряжении большие средства и значительный штат, в продолжение целого года издал всего две книжки материалов и ни одной научной работы. Есть истпарты, где условия работы по сравнению с прошлым годом почти не изменились, а между тем работа истпартов значительно снизилась.

Вопрос о кадрах, об обновлении истпартовских работников стоит не менее остро, чем разрешение всех других вопросов. Нельзя не указать также, что руководство местами из центра недостаточно. Для инструктирования и обследования работы мест имеется всего один инструктор. Связь поддерживается, главным образом, путем переписки и вызовов. Яснее ясно, что такого рода инструктаж и руководство недостаточно, и в резолюции совещания истпартов имеется также пункт о пополнении состава отдела местных истпартов научными работниками. Но при реорганизации Института Ленина предложение это не прошло.

Литературно-издательская работа истпартов

На совещании истпартов был принят предложенный отделом местных истпартов годовой литературно-издательский план работы истпартов. По этому плану намечалось:

1) Дать историю партийных организаций и гражданской войны за период 1917—1921 гг.; 2) продолжить издание революционной хроники (1917—1921 гг.); 3) приступить к изучению материалов по истории Красной армии; 4) усилить работу по изучению фабрично-заводских архивов; 5) приступить к собиранию материалов, к изучению работы парторганизаций в эпоху реакции и империалистической войны. Главное внимание предложено было уделить изучению пятилетия гражданской войны, истории партийных организаций и составлению хроники. В силу ряда причин, указанных мною в начале, приходится констатировать, что работа эта на местах почти не проделана и значительная часть намеченных в плане работ не выполнена и механически переносится в план следующего года.

Начиная с октября 1928 г. и по декабрь 1929 г. местными истпартами издано 79 наименований различных работ, общим размером в 779 печатных листов. (Впрочем, для точности следует сказать, что в эти 79 книг входят 24 брошюры, которые вышли еще до октября 1928 г., но в Отделе местных истпартов они своевременно не были получены и потому не вошли в прошлогодний годовой отчет).

Эти работы по своему содержанию могут быть примерно подразделены на следующие виды литературы:

1. Монографии — 4 наименования	92	печ. листа	
2. Сборники — 6 наименований	114	»	»
3. Хроники — 1 наименование	19	»	»
4. Журналы, 15 книг (4 наименования: «Красная Летопись» — 6 книг, «Летопись револ.» — 5 кн., «Революция в Матане» — 2 кн., «Революция в Средней Азии» — 2 кн.) . . .	266,5	»	»

5. Мемуары — 3 наименования	33	»	»
6. Брошюры — 48 наименований	245	»	»
7. Библиография — 2 наименования	9,5	»	»

Из этих 79 книг семнадцать вышло на национальных языках, в том числе 5 книг журнала Украинского истпарта «Летопись революции» и пять различных работ также на украинском языке (остальные на тюркском, еврейском, узбекском, банкирском, армянском и две на грузинском).

Некоторым достижением надо признать, что истпартовская литература начала издаваться на национальных языках, хотя все же еще в недостаточном количестве. Очень мало издано за отчетный период научных работ. В сводке названы 4 работы, но их, строго говоря, нельзя назвать чисто научными. Это скорей систематизированный материал для научных работ. Преобладающим типом издания являются: сборники, брошюры и журналы. Из 779 печ. листов на эти издания падает 625 п. л., на все же остальное: монографии, мемуары, и хронике всего только 153 п. л. Хроника издана всего только одна, а между тем составление ее входит в план работы всех истпартов.

Что же представляет из себя изданная литература? Всего прорецензировано за отчетный период из 79 вышедших книг—20, в 224 п. л., т. е. немного менее $\frac{1}{3}$ всего изданного. Рецензии даны на наиболее крупные работы. Почти нет рецензий на национальную литературу и брошюры. Книги, изданные истпартами за текущий год, несомненно являются значительным вкладом в литературу по истории Октябрьской революции, ибо большинство их посвящено этому периоду. Имеются, конечно, и большие недочеты в этих работах (о них подробно указано в рецензиях), но все же надо твердо сказать, что в общем истпартовская литература этого года выгодно отличается от изданий прошлых лет. Стремление отобразить события на основе изучения документальных данных, работа над этими документами, их систематизация,—все это свидетельствует о том, что

к истпартработе подходят уже люди с навыками и методами научной работы. Но, конечно, этого мало. Надо уметь анализировать события, в этой же части дело обстоит слабо. Объяснять поленински исторические события у нас еще не научились.

Журналы за последний год (особенно ленинградский «Красная летопись») становятся содержательнее. Но и журналы мало откликаются на современные темы, и вся та борьба, которую партия ведет с различного рода уклонами, идет мимо них и не находит отражения на страницах наших истпартовских журналов.

Опыт издания массовой литературы на историко-революционные темы надо всячески приветствовать. Приблизить историю партии и революции к массам является задачей чрезвычайно актуальной. За текущий год издано 48 брошюр в 245 п. л., т. е. почти треть всей литературы. На эту литературу имеется значительный спрос, и она прекрасно расходуется. Отдел не имел возможности дать общую оценку всей этой массовой литературы, но сделает ее в самом ближайшем времени. В отделе ведется работа по оценке всей вышедшей литературы за 1927—1929 год включительно.

Помимо книг, выпущенных местными истпартами, отдел рецензирует также историко-революционные книги других издательств. За отчетный период даны рецензии на 13 книг—148½ п. листов.

В отделе ведется также работа по редактированию отдельных работ местных истпартов, таких рукописей просмотрено за текущий период 33—219½ листов. Отделом же даются отзывы на историко-революционные рукописи, присылаемые Гизом и др. издательствами или организациями. В общем за год дано отзывов на 68 рукописей—размером в 730 п. листов.

Отдел местных истпартов освещает в прессе вопросы истпартработы и составляет хронику с мест. Статей за текущий год дано 9, хроникерских заметок—8. Количество просмотренной отделом литературы превышает норму обычной редакционной работы, т. е. в среднем в месяц отдел прорабатывает 60 п. л.,

т. е. по 30 п. л. на человека, так как этой работой в отделе занимается всего 2 человека.

Обследование истпартов

За текущий период обследовано 11 истпартов, а именно: Украинский, Днепропетровский, Артемовский, Сталинский, Киевский, Одесский, Крымский, Северо-кавказский, Центрально-черноземный и Тульский.

Эти обследования подтвердили, что: 1) партийные организации за небольшим исключением очень мало уделяют внимания работе истпартов; 2) число работников чрезвычайно ничтожно и их квалификация недостаточна; 3) партийные архивы находятся в хаотическом состоянии и много ценных материалов утеряно; 4) для ведения научной работы нет соответствующих условий; 5) к работе истпартов научные силы привлекаются недостаточно; 6) истпарты совершенно не обеспечены материальными средствами для выполнения своих литературно-издательских планов; 7) работа истпартов протекает изолированно от партийных органов и не увязана с текущими задачами партии. Обо всех этих недочетах инструктор отдела доводил до сведения партийных местных организаций и совместно с ними намечал и обсуждал меры по поднятию работы и ликвидации тех или иных недочетов. Особое внимание обращалось на подбор соответствующих работников и создание нормальных условий работы, а главное, на необходимость увязки работы истпартов с текущей работой партийной организации.

Надо все же сказать, что эффект от всех этих переговоров незначителен. Перемены в настроении партийных организаций к истпартработе не удалось добиться.

Совещания, вызовы и посещения

Помимо общего совещания, состоявшегося в январе 1929 г., на котором присутствовали представители 30 истпартов, Отделом созывались два раза совещания с участием зав. крупных истпартов; первый раз были товарищи от 10 истпартов, второй раз—от 5. Оба

эти совещания были посвящены обсуждению типового устава истпартов и разработке штатов и сметы. Помимо совещания, Отделом вызывался ряд зав. истпартами по вопросам текущей работы. Зав. истпартами довольно часто приезжают также по собственной инициативе. Некоторые товарищи в связи с их работой, необходимостью получить указания и нужный архивный материал приезжают по несколько раз в год. Помимо заведующих и работников истпартов, Отдел посещают товарищи, ведущие ту или иную работу по заданию истпарта или работающие самостоятельно над отдельными историко-партийными вопросами, а также работники родственных организаций. Таких посещений было 738.

Переписка

Переписка с истпартами ведется по всем вопросам текущей работы. За год послано 1118 писем. Поскольку работа на местах чрезвычайно своеобразна, Отдел стремится писать поменьше общих директивных писем, таких писем послано всего 18, а побольше—писем по существу работы каждого истпарта в отдельности. Это дает возможность вникать в работу каждого истпарта и давать конкретные указания по его работе.

Круг основных вопросов, по поводу которых ведется переписка,—это планы работ, организационные мероприятия, указания в области ведения литературных работ, указания о характере изданий, указания литературных и документальных источников, проведение юбилейных и иных кампаний. В этом году в связи с предстоящей реорганизацией истпартов и созданием истпартов на местах, много внимания в переписке уделялось этим вопросам. От местных истпартов получено за этот год 538 писем. Запросы истпартов охватывают тот же круг вопросов. Помимо писем от истпартов получено 30 отчетов и 22 плана, как годовых, так и трехлетних. Каждый план и отчет прорабатываются в Отделе, и по ним по возможности даются исчерпывающие ответы с указанием всех недочетов и упущений. Отчеты же

с мест или помещаются в журнале «Пролетарская революция» в виде отдельных статей с той или иной переработкой, или по ним составляются общие сводки отчетного характера.

Внутренние совещания и комиссии

Для согласования работ родственных организаций при Отделе имеется «постоянное совещание», куда входят представители Истпрофа ВЦСПС и МГСПС, Истмола, Моск. истпарта, Музея революции и Музея Института Ленина.

Совещание собирается не реже одного раза в два месяца. За отчетный период были обсуждены: план работы Истпрофа ВЦСПС, заслушан доклад и план работы Московского истпарта и заслушан доклад Музея Красной армии, работа которого была обследована на месте. По этим отчетам и планам намечен ряд мероприятий как организационного, так и планового порядка. В план ВЦСПС внесен ряд существенных дополнений и изменений. По отчету Московского истпарта (работа его признана неудовлетворительной) принят ряд существенных предложений, которые переданы в Московский комитет. Обследование работы Музея Красной армии показало неправильную установку работы музея и ему дан ряд указаний для дальнейшей работы. В музее не нашла достаточного отражения партийная линия и слабо выявлена роль профсоюзов в организации Красной гвардии. Слабо выявлен рабочий класс в организации Октябрьской победы и недостаточно выявлена роль Ленина.

Отдел местных истпартов участвовал в комиссии по организации единого партархива. Работа этой комиссии продолжалась несколько месяцев с небольшими перерывами. Отдел собрал материал о состоянии партархивов на местах, составил общую сводку, проработал положение и примерную сеть партархивов. Это положение, так же как и намеченная сеть, легло в основу принятого потом комиссией положения. Отдел участвовал в работе 1-го совещания истпроф-работников и принимал активное участие как в работе самого совещания, так и во фракции.

Отдел работал в комиссии по обследованию Музея революции. Работа музея признана во многих отношениях неправильной и идеологически невыдержанной. О результатах этого обследования дана зав. Отделом статья в «Прол. рев.». Отдел участвовал в комиссии по проведению 5-й годовщины смерти Ленина и ряда других комиссий института по подготовке тех или иных вопросов или мероприятий внутреннего порядка. Всего за отчетный период зав. Отделом участвовал в заседаниях различных комиссий 56 раз.

Группы содействия

При отделе работает несколько групп содействия (Крымская, Северо-кавказская, Горская, Средне-азиатская). Работа этих групп идет по линии подготовки тех или иных материалов и освещения отдельных вопросов по истории местных партийных организаций. Надо определенно сказать, что работа групп содействия—это уже перевернутая страница работы истпартов. Эти группы, состоявшие из товарищей, работавших на местах, имели значение, когда работа истпартов базировалась, главным образом, на собирании воспоминаний. Теперь, когда мы к истпартработе подходим с более серьезным критерием, эти группы являются до известной степени архаизмом, и остатки их можно ликвидировать без особого сожаления.

Научная работа

При Отделе работают: т. Варенцова по истории Северного Союза, т. Шпилев по истории революции на Амуре в 1905 г., т. Колесов по истории революции в Средней Азии 1917—1920 гг. Группа военных работников работает по собиранию материалов о работе партии среди пленных. Материал этот теперь обрабатывается и выйдет отдельной книгой. Материал собран чрезвычайно интересный и разнообразный. Имеются воспоминания, печатный мате-

риал, газеты, листовки, фотографии и пр. Все вместе дает картину не только быта наших военнопленных, но и политической работы среди них.

Сейчас в связи с реорганизацией работы всего Института и созданием кабинета по истории ВКП(б) все эти работы будут сосредоточены в кабинете, но это и в дальнейшем не освобождает Отдел от составления планов таких работ, привлечения работников и руководства ими.

Выводы

Заканчивая беглое обозрение работы ОМИ Института Ленина и местных истпартов, приходится констатировать, что работа на местах поставлена не четко, что существует ряд дефектов внешнего и внутреннего порядка, мешающих надлежащим образом поставить этот чрезвычайно важный участок партийной работы на соответственную высоту.

Необходимо добиться перелома в партийных организациях в отношении истпартработы и создать условия для нормальной работы. Необходимо обеспечить истпарты соответствующими кадрами и материальной базой, ибо только при таких условиях можно будет выполнить постановление XV съезда о составлении научной истории партии.

Мы придаем громадное значение изучению Ленина и трудно представить такого партийного работника, который не знал, не изучал, не руководился бы Лениным в своей работе. Но разве Ленин и история партии не связаны теснейшим образом и разве можно понять Ленина, не зная истории партии. А между тем к отделам, занимающимся изучением истории партии, партийные организации относятся как к чему-то ненужному, неважному, отмахиваются от работы истпартов и знать не хотят о том громадном значении, какое Владимир Ильич придавал изучению истории партии.

М. Эссен

СПИСОК ВЫПУЩЕННОЙ МЕСТНЫМИ ИСПАРТАМИ ЛИТЕРАТУРЫ В 1928/29 г.

I. Монографии

С. Агурский. Революционное движение в Белоруссии (1863—1917 гг.). Белорусское госуд. издательство. Минск, 1928 г., стр. 346, ц. 3 руб.

М. И. Ахун и В. А. Петров. Большевики и армия в 1905—1917 гг. Издательство «Красная газета». Ленинград. 1929. Тираж 5 000, стр. 348, ц. 2 руб.

Н. А. Корнатовский. Борьба за красный Петроград (1919). Ленинградский областной испарт. Издательство «Красная газета». Ленинград. 1929. Тираж 10 000, стр. 540, 5 карт, ц. 2 руб. 50 коп.

Я. А. Ратгаузер. Революция и гражданская война в Азербайджане 1917—1918 гг. (на тюркском яз.), ч. 1, 1928 г., тираж 3 000, стр. 234, ц. 1 р. 45 к., Бакинский испарт. (Работа переводная с книги того же автора, появившейся на русском языке.)

II. Сборники

1919. Великая оборона красного Петрограда. Воспоминания рабочих, работников, крестьян, красноармейцев, краснофлотцев, курсантов. Ленинградский областной испарт. Издательство «Красная газета». Ленинград. 1929 г. Тираж 10 000 экз., стр. 250, ц. 1 р. 40 к.

Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). В документах и материалах с вводными очерками А. Танеева. Издание Уральского областного совета профсоюзов. Свердловск. 1929 г. Тираж 1 500, стр. 232, ц. 2 руб.

Борьба за Октябрь на Артемовщине—сборник воспоминаний и статей под редакцией М. Острогорского. Изд. «Пролетарий». Отдел по изучению истории партии при Артемовском окружном КП(б)У, 1929 г., стр. 392, ц. 1 р. 50 к.

С. Г. Шаумян. Статьи и речи. 1917—1918 гг. Институт истории классовой борьбы в Азербайджане им. Ст. Шаумяна. Баку. 1929. Тираж 600 экз., стр. 310, цена не указана.

Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. По материалам судебных процессов составил А. С. Букишпан. Испартотдел ЦК и БК АКП(б), Баку.

1928. Тираж 500, стр. 186, цена 1 р. 80 к.

С. Агурский. Еврейские комиссариаты и еврейские коммунистические секции (1918—1921). Издание Испарта ЦК КП(б)Б. Минск. 1928. Тираж 3 000, стр. 460, ц. 1 р. 75 к. (на еврейском языке).

III. Хроника

В. Троцкий. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Том II, 1918 г. Испарт Средне-волжского обкома ВКП(б). Госиздат, Средне-волжское областное отделение. Самара, 1929 г. Тираж 1 000, стр. 308, ц. 2 р. 50 к.

IV. Журналы

«Красная летопись»—Ленинградского областспарта. С октября 1928 г. по октябрь 1929 г. выпущено 6 книг: за 1928 г. № 3(27)—288 стр., за 1929 г. № 1(28)—256, № 2(29)—272, № 3(30)—312, № 4(31)—280, № 5(32)—300 стр.

«Летопись революции»—Украинского испарта. Выпущено 5 книг за 1928 г. № 6—404 стр., за 1929 г. № 1—324, № 2—328, № 3—284, прил. 34 стр., № 4—368 стр.

«Революция матиане» («Летопись революции» на грузинском языке. Грузинского испарта. Вышло 2 книги: № 1 (21) 248 стр., № 2(22)—228 стр.

«Революция в Средней Азии», Сборник 1 Средазбюро ЦК ВКП(б). Издательство «Правда востока». Ташкент. 1929 г. Тираж 2 500, стр. 112, ц. 1 р.

«Революция в Средней Азии», сборник 2. Испарт Средазбюро ЦК ВКП(б), изд. «Правда Востока», Ташкент, 1929. Тир. 2 500, стр. 218, ц. 1 р. 25 коп.

V. Мемуары

П. Рассказов—Записки заключенного. Изд. испарта и агитпропа Архгубкома ВКП(б). Тираж 5 000, стр. 193, ц. 1 руб.

А. Ф. Ильин-Женевский. Большевики у власти. Воспоминания о 1918 г. Ленинградский испарт. «Прибой». Ленинград. 1929 г. Тираж 5 000, стр. 196, ц. 1 р. 20 к.

И. Ф. Шпилевский. Братва. (Балтийские матросы в гражданской войне). Воспоминания. Ленинградский облистпарт. Ленинград. «Прибой». 1929. Тираж 5 000, стр. 136, ц. 65 коп.

VI. Брошюры

С. Моисеев. К истории Уральской областной конференции РСДРП (июнь 1904 г.). Истпарт Уралобкома ВКП(б). Издание Ураллистпарт. Свердловск. 1929 г. Тираж 3 000, стр. 128, цена 40 коп.

Н. Шаханов. Волнения рабочих на постройке Моск.-нижегор. ж. д. Владимирской губ. научн. о-во по изучению местного края. 1928. Тираж 350, стр. 16, ц. 20 к.

Н. Шаханов. На революционном пути. Стачка на Струнинской фабрике в июле—августе 1903 г. Секция по истории профессионального движения при Владимирском истпарт. Издание комиссии по истории профессионального движения при Влад. губпрофсовете, Владимир, 1928. Тир. 2 100, стр. 24, ц. 10 к.

Кровавые помещики. (По материалам Таганрогского окружного суда 1928 г.). Под редакцией К. Губарева. Издание истпарт Донкома ВКП(б). 1929 г. Тираж 3 560, стр. 32, ц. 10 к.

Красная гвардия Таганрога. Под редакцией К. В. Губарева. Издание истпарт Тагокружка ВКП(б), 1928 г. Тир. 2 500, стр. 48, ц. 20 к.

В дни власти Деникина (1919 г.). Изд. истпарт Тагокружка. 1929 г. Тираж 3 060, стр. 48, ц. 20 к.

Борьба с каледициной. (По документам белых.) Декабрь 1917 и январь 1918 г. Под редакцией Губарева. Издание истпарт Донкома ВКП(б) и Донокрахбюро ДИКа. 1929. Тираж 3 000, стр. 32, ц. 10 к.

Империалистическая немецкая оккупация (май—сентябрь 1918 г.). Под редакцией К. В. Губарева. Издание истпарт Донкома ВКП(б). 1929 г. Тираж 4 060, стр. 32, ц. 10 к.

Н. П. Шаханов. Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губернии в 70-х годах прошлого столетия. Труды Владимирского губернского

научного общества по изучению местного края. Издание Владимирского губернского научного о-ва по изучению местного края. Владимир. 1929. Тираж 1 055, стр. 64, ц. 40 к.

Памяти 26. 1918—1928 гг. Сборник статей на армянском языке. 1928 г. Тираж 2 000, стр. 136, ц. 80 к.

В. Хрулев. Разгром Юденича. Ленинградский областной истпарт. Издательство «Красная газета». Ленинград. 1929. Тираж 10 000, стр. 32, ц. 10 к.

Д. Русинов. «Казань в эпоху II съезда партии». (Краткий очерк.) Под редакцией истпарт Татобкома ВКП(б), Казань. Татиздат. 1928. Тираж 2 500, стр. 48, ц. 20 к.

Истпарт Архангельского губкома ВКП(б). Воспоминания о борьбе за советы и гражданской войне в Елецком (Холмогорском) уезде 1917—1920. Архангельск. 1928. Тираж 1 000 экз., стр. 64, ц. 50 к.

Кзыл Шарк. Сборник статей на узбекском языке. № 1. Узбекское государственное издательство Самарканд—Ташкент, 1929. Тираж 3 000, стр. 164, цена не указана.

А. Буценко. Советское строительство на Украине. Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. 1928. Тираж 3 000, стр. 84, ц. 30 к.

М. Редин. Всеукраинский страйк залничник в 1918 року. Истпарт ЦК КП(б)У. «Пролетарий», 1929 (на украинском языке). Тираж 3 000, стр. 64, ц. 35 к.

Я. Шелыгин. Красная армия на Украине. Краткий очерк. 21 рисунок в тексте. Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. Тираж 3 000, стр. 96, ц. 30 к.

Я. Шелыгин. Красная гвардия на Украине. Краткий популярный очерк. Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. 1928. Тираж 5 000, стр. 96, ц. 20 к.

Я. Ряппо. Что дала Октябрьская революция в области просвещения на Украине. Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. 1928. Тираж 3 000, стр. 124, ц. 35 к.

В. В. Руднев. Махновщина. Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. 1928. Тираж 3 000, стр. 104, ц. 30 к.

М. Левкович. Женщина в революции и гражданской войне на Украине. С 8 рисунками. Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. 1928. Тираж 3 000, стр. 96, ц. 30 к.

Георг Ланчинский. Как украинские рабочие и крестьяне впервые завоевали себе власть. (Перевод с украинского.) Истпарт ЦК КП(б)У и Всеукраинская октябрьская комиссия. Книгоспилка. 1928. Тираж 3 000, стр. 120, ц. 30 к.

Ф. Ястребов и А. Іргізов. Два повстанія київського пролетаріату. (Жовтень 1917 р.—Січень 1918 р.) Истпарт ЦК КП(б)У. (На украинском языке.) Издательство «Пролетарий». 1929. Тираж 4 000, стр. 112, с картой, ц. 60 к.

Январский район в революционном движении. Очерки и воспоминания о работе партийной организации большевиков в революционном движении рабочих Январского района г. Киева. Районный комитет имени январского восстания Киевской организации КП(б)У. Под редакцией комиссии Истпарта Январского райкома КП(б)У. Комиссия Истпарта. 1928. Тираж 4 000, стр. 120, цена не указана.

В. Фурер. Борьба за жовтень на селі. З 13 малюками в тексті. Истпарт ЦК КП(б)У та Всеукраїнська жовтнева комісія (на украинском языке). Книгоспилка. 1928. Тираж 3 000, стр. 148, ц. 50 к.

В. Фурер. Від кріпачства до будівництва соціалізму. Истпарт ЦК КП(б)У та Всеукраїнська жовтнева комісія. Книгоспилка. 1928 рік. Тираж 5 000, стр. 96, ц. 25 к. (На украинском языке, иллюстрированная.)

С. Поссе, Б. Прокофьев, С. Штейн. Партія в боротьбі з правими ухилами (1917—1928). Зредагував М. Боран. Київський будинок комуністично освіти. Державне видавництво України. 1929. Тираж 5 000, стр. 92, ц. 60 к.

Революция и Башкирия (на башкирском языке). Уфа. Тираж 1 000, стр. 134.

Я. Ратгаузер. Борьба за советский Азербайджан. К истории апрельского переворота. Истпартотдел ЦК и БК АКП(б). Баку. 1928. Тираж 1 000, стр. 72, ц. 40 к.

Двадцать пять лет Муромской организации РСДРП—ВКП(б). Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), Муромский уездный комитет. Сборник. Муром. 1928. Тираж 4 000, стр. 128, ц. 25 к.

В. Бобрик. В застенках контрразведок. Издание Истпарта Таготежкома ВКП(б). 1928. Тираж 4 050, стр. 32, ц. 12 к.

С. Ходжанов. К десятилетию советской автономии Туркестана. Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б). Издательство «Правда Востока». Ташкент. 1928. Тираж 2 000, стр. 22, ц. 15 к.

Т. С. Козлов. Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении (1904—1916 гг.). К 30-летию I съезда РСДРП. Туркменский Истпарт. Отдел ЦК КП(б)Т. Ашхабад. 1928. Тир. 1 050, стр. 18, ц. 30 к.

Октябрьская революция в Якутии. Выпуск 1-й. Сборник воспоминаний. Сборник Якутского областного комитета ВКП(б). Якутск. Издание Якутиздата. 1928. Тираж 700, стр. 76, ц. 50 к.

Печать симбирского подполья. Сборник прокламаций Симбирской группы РСДРП(б). 1905—1907 гг. Под редакцией Р. Войткевича. Составили В. Алексеев и В. Кольшкевич. Ульяновское архивное бюро. Ульяновск. 1928. Тираж 500, стр. 100, ц. 40 к.

Г. Д. Гай. В боях за Симбирск (краткий очерк гражданской войны в губернии). Истпартотдел Ульяновского окружкома ВКП(б). Ульяновск. 1928. Тираж 2 000, стр. 44, ц. 15 к.

Наше прошлое. Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ. Истпартотдел Сталинградского губкома ВКП(б) (сборник статей и документов). Издание губкома ВКП(б). Сталинград. 1928. Тираж 3 000, стр. 160, ц. 70 к.

В. Алексеев. Революционное прошлое ЦЧО (краткий очерк). Издательство «Коммуна». Воронеж. 1929. Тираж 2 000, стр. 56, ц. 25 к.

В. Алексеев. Липецк—Воронеж (к пятидесятилетию съездов партии «Земли и Воли»). В эпоху семидесятых годов. К пятидесятилетию съездов землепользователей. Музей революции ЦЧО. Воронеж. 1929. Тираж, 1 500, стр. 34, ц. 20 к.

М. Голубева. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 г. Редакция и предисловие А. В. Шестакова. Истпарт обкома ВКП(б) ЦЧО. Выпуск 2-й (Материалы по бывш. Воронежской губ.) Издательство «Коммуна». Воронеж. 1930. Тираж 2 060, стр. 62, ц. 60 к.

И. Д. Балашов. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 г. Выпуск 1-й. С предисловием и под редакцией А. В. Шестакова. Истпартотдел обкома ВКП(б) ЦЧО. Издательство «Коммуна». Воронеж. 1930. Тираж 2 000, стр. 96, ц. 60 к.

В. Алексеев. Гражданская война в ЦЧО. Истпартотдел обкома ВКП(б) ЦЧО. Издательство «Коммуна». Воронеж. 1930. Тираж 2 000, стр. 208, с картой, ц. 1 р. 10 к.

П. Е. Щетинкин. Борьба с колчаковщиной. Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте. С портретом автора, 4-мя схемами партизанских боевых действий и архивными документами. Под редакцией, со вступительной статьей и дополнениями В. Д. Вегмана. Истпартотдел Сибкрайкома ВКП(б). Сибистпарт. Сибкрайиздат. Новосибирск. 1929. Тираж 5 000, стр. 98, ц. 55 к.

В. Троцкий. Революционное движение в Средневолжском крае (краткий исторический очерк). Истпартотдел Крайкома ВКП(б). Государственное издательство, Средневолжское областное отделение. Самара. 1930. Тираж 5 000, стр. 176, ц. 60 к.

З. С. Петров. Картинки прошлого. Воспоминания ученика бывш. Саратовского городского Александровского ремесленного училища, ныне профтехшколы имени А. В. Луначарского. Истпартотдел Нижневолжского краевого комитета ВКП(б). Государственное издательство. Нижневолжское отделение. Москва—Саратов. 1930. Тираж 3 000, стр. 64, цена не указана.

«Январское восстание». Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б). Издательство «Правда Востока». Ташкент. 1929. Тираж 2 500, стр. 50, с приложением 2 карт, ц. 65 коп.

«Революция на Дону» (ростовское восстание с 15 ноября по 2 декабря 1917 г.). 1917—1929 г. Под редакцией К. В. Губарева. Издание Истпарта Донкома ВКП(б) и Донокрайбюро ДИКа. 1930 г. Тираж 3 000, стр. 24, ц. 10 к.

VII. Библиографические брошюры

Ан. Попов. Библиография интервенции и гражданской войны на Севере. С приложением указателя литературы по общественно-политическому движению в Архангельской губернии и северной ссылке до 1917 г. Истпарт Архангельского губкома ВКП(б). Архангельск. 1928 г. Тираж 1 500, стр. 52, ц. 50 коп.

П. Антропов. Что и как читать по истории революционного движения и партии в Средней Азии. Истпарт Ср. аз. бюро ЦК ВКП(б). Библиографический указатель литературы с критическими отзывами о ней и программой чтения. Узбекское государственное издательство. Самарканд. 1929. Тираж 3 000, стр. 98, ц. 50 коп.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ввиду приближения к концу издания сочинений Ленина считаю полезным указать замеченные мною ошибки в них для помещения в последнем томе.¹

В словаре—указателе имен—наблюдается большая путаница. Приведу примеры из томов VIII и XVII, недавно вышедших.

Часто приводятся только псевдонимы, а настоящие фамилии не указаны, например: Рязанова, Троцкого, Каменева, Зиновьева и, вероятно, многих других лиц. Это должно создавать путаницу при работах в архивах полицейских и прочих.

Часто в алфавите приводится псевдоним, а в скобках настоящая фамилия, например Лядов, а в скобках Мандельштам, Мартынов (Пиккер), Череванин (Липкин), Акимов (Махновец), Базаров (Руднев), Богданов (Малиновский), Варшавский (Варский), Воронов (Лебедев), Дан (Гурвич), Ерманский (Гушко, лит. псевдоним Когана), причем в алфавите очень редко стоит настоящая фамилия с указанием «см. Лядов, Мартынов, Череванин» и т. д. Часто не поймешь, где псевдоним, а где настоящая фамилия.

Еще пример: на букву Ц только один Сергей Цедербаум, и нет ссылки: «см. Мартов, см. Левицкий».

Очевидно, и в других томах такая же путаница.

Из прямых ошибок я заметил:

В VIII томе «Основатель» «Русской старины»—Мих. Ив. Семеновский, а не В. А. Семеновский.

В XVII томе:

Примеч. 8: Первым секретарем редакции был Фед. Фед. Ильин (ныне Рас-

кольников) и потом Скрябин (ныне Молотов) и только потом Самойлова, Малышев и Василевский.

Прим. 36: «Сергей Петров»—псевдоним Войтинского, а сказано наоборот.

В словаре имен Иорданскому приписан псевдоним Миклашевского (Неведомский), а под буквой Н. ошибка: сказано «Неведенский».

В словаре же Халтурин казнен будто бы за убийство Стрельникова. На самом деле убил Желваков, а Халтурин должен был увезти его на лошади.

Ранее мною замечены ошибки:

В т. VII. Примеч. 77. Перевод мемуаров Ключера сделан не Лениным, а прислан из Парижа Филатовым (ср. «Вехи», конец января).

Примеч. 135. Не Величкиной, которая оставалась в Женеве, а Бонч-Бруевичем.

В XI томе, часть 2-я, на стр. 645, примеч. 61 перепутаны фамилии и псевдоним Александрова (Ольминский).

В т. XX, в предисловии, на 2-й стр. вместо «по ее окончании» (конференции) сказано «по его окончании».

В примечаниях:

15. «Русское богатство» создано Михайловским. На самом деле—Л. Оболенским.

28. «Летопись»—марксистский журнал. Неверно.

185. «Прибой» по газетам закрыт в 1928 г., а «Коммунист» был в Москве и никакого отношения к «Прибою» не имел. «Просвещение» был ежемесячный, а не двухнедельный журнал.

Обращает на себя внимание разногласия по поводу «Русского богатства»: в V томе одно, в XX—другое.

Х том. В «Основных вехах» о времени писания брошюры «Роспуск думы и задачи пролетариата» сказано только «июль» «до свеаборгского восстания», а в примечании № 1 указано не просто «июль», а между 25(12) и 30(17) июля. Если возможно было дать более точную

¹ Поддерживая инициативу т. М. С. Ольминского в деле сообщения замеченных недочетов и ошибок во II издании Сочинений Ленина, Институт Ленина просит всех товарищей направлять аналогичные замечания в редакцию Сочинений.

дату в примечании, то почему она не указана в «Основных вехах»?

О Щедрина (стр. 598—9). Неверно, будто он «вместе с Некрасовым» «вплоть до закрытия «Отечественных записок» был их редактором». Некрасов умер за много лет до закрытия журнала. Эта ошибка повторена была почти во всех предыдущих томах.

О Н. Михайловском (стр. 534) не упомянуто, что ко времени закрытия «Отечественных записок» он был соредактором Щедрина. Эта ошибка также повторилась и в предыдущих томах.

Л. Андреев (стр. 516—7). О нем дана не справка, а критический отзыв на полстраницы. А у Ленина только вскользь упомянут один из его персонажей, причем у Ленина же дана в двух словах и характеристика этого персонажа. Не стоило тратить бумагу на это примечание.

О романе Тургенева «Новь» не сказано, что он направлен был против революционного движения (стр. 541).

Автор примечаний старательно перечисляет имена сотрудников газет,—он упускает из виду, что многие сотрудники назывались для отвода глаз цензуры или для рекламы.

Между прочим, при перечислении сотрудников «Новой жизни» он ставит не-

раздельно партийных товарищей и будущих белогвардейцев. В примечаниях IV съезд партии называется то стокгольмским (прим. 8), то объединительным (прим. 18), то «IV объединительным» (прим. 20) и, кажется, нигде просто «IV». «Объединительным» он был назван в угоду меньшевикам, не признававшим III съезда; по той же причине V съезд был назван «Лондонским». Пора употреблять IV, V без уступок меньшевикам, тем более, что «IV объединительный» дает повод читателю думать, что были еще три «объединительных».

Примечание 71. Душетская экспроприация была делом большевика Камо, о чем есть печатные сведения.

Примечание 16. Автор, повидимому, ошибся в счете ступеней для выборов от крестьян в Государственную думу.

В других томах правильно отделены в оглавлениях статьи разных годов. В X томе этого разделения нет.

В примеч. 14 сказано о «Пролетарии», что в редакционной работе участвовал Чужак. Это неверно. У меня в истпантовском издании сказано, что «из других работников». Чужак не был социал-демократом, отсюда и его псевдоним.

М. Ольминский

СОДЕРЖАНИЕ №№ «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ», ВЫШЕДШИХ В 1929 ГОДУ.

№ 1 (84).

ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА. *В. И. Ленин*. Первое мая и война. Неопубликованный конспект реферата. *М. Покровский*. Ленинизм и русская история. *Д. Баевский*. Как ленинский «Империализм» увидел свет. *И. Лалаянц*. О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900 гг. *А. Шаповалов*. Воспоминания о встречах с В. И. Лениным. *С. Арканов*. Воспоминания о пребывании Вл. Ильича в с. Шушенском. *В. Крутовский*. В одном вагоне с Ильичом. СТАТЬИ. *В. Бонч-Бруевич*. Девятое января 1905 г. *В. Мицкевич-Капсукас*. Истоки и зарождение коммунистической партии Литвы. *В. Малаховский*. Плеханов о сущности народничества. ВОСПОМИНАНИЯ. *А. Кучкин*. В подполье в Уфе в 1911—1915 гг. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *А. Эйхенгольц*. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина (Ульянова). Рецензии. Новые книги. ХРОНИКА. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

№ 2—3 (85—86).

СТАТЬИ. *С. Бантке*. В. И. Ленин и большевизм на международной арене в довоенный период. *Д. Кардашов*. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в свете ленинской теории «американского» и «прусского» пути развития России. *Е. Леви*. Московская организация большевиков в июле 1917 года. *В. Бонч-Бруевич*. Девятое января 1905 года (окончание). ВОСПОМИНАНИЯ. *С. Никонов*. Из воспоминаний об А. И. Ульянове (с предисловием *А. И. Елизаровой*). МАТЕРИАЛЫ. Письма В. И. Ленина из ссылки за 1897 г. (с предисловием *А. И. Елизаровой*, подготовлены к печати *Г. Тихомирновым*). ТРИБУНА. *Я. Пальвадре*. О революции 1905 г. в Эстонии. ИЗ ИСТОРИИ С.-Д. ПЕЧАТИ. *С. Лившиц*. Солдатская с.-д. пресса 1905—1908 гг. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *С. Бантке*. 1917 год в освещении французского буржуазного историка *М. Ольминский*. Необходимые замечания об одной вредной книге. Рецензии. Новые книги.

№ 4 (87).

СТАТЬИ. *В. Адоратский*. В. Ленин о гегелевской логике и диалектике. *В. Жуков*. Революционное значение Ленской забастовки. ВОСПОМИНАНИЯ. *Г. Котов*. Большевицкая работа в Екатеринбурге в 1906—1907 гг. МАТЕРИАЛЫ. Письма В. И. Ленина из ссылки за 1898 г. (с предисловием *А. И. Елизаровой*, подготовлены к печати *Г. Тихомирновым*). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *Ю. Бучаров*. Прошлое рабочей прессы в исторической литературе. *А. Зекцер*. Обзор книжной литературы за 1928 г. по истории профессионального движения в России в 1917 г. Рецензии. Новые книги. Мелкие заметки и сообщения. ХРОНИКА.

№ 5 (88).

СТАТЬИ. *В. Рахметов*. К истории январских тезисов Ленина 1918 года. *Д. Кардашев*. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в свете ленинской теории «американского» и «прусского» пути развития России. *Ф. Быстрых*. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». ВОСПОМИНАНИЯ. *Бела Санто*. Венгерская Красная армия. МАТЕРИАЛЫ. Письма Ленина из ссылки за 1898 г. (окончание). ДОКЛАДЫ В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА. Дискуссия по вопросу о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *А. Сидоров*. *Е. Л. Грановский*. Монополистический капитализм в России. Рецензии. Новые книги. ХРОНИКА.

№ 6 (89).

СТАТЬИ. *С. Коршунов*. К вопросу о ленинском понимании диалектики. *А. Сидоров*. Экономическая программа Октября и дискуссия с «левыми коммунистами» о задачах социалистического строительства. *Н. Рубенштейн*. Вокруг Учредительного собрания *П. Ратнер*. Социал-демократическая агитация среди донского казачества в 1902—1906 гг. ВОСПОМИНАНИЯ. *А. Кучкин*. К истории Ижевского восстания. МАТЕРИАЛЫ. Письма Ленина из ссылки за 1899 г. (с предисловием *А. И. Елизаровой*, подготовлены к печати *Г. Тихомирновым*). ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ. *Старый друг*. Злата Ионовна Лилина. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *Герасим Шпилев*. К истории партийной организации на Дальнем Востоке. Рецензии. По журналам. ХРОНИКА.

№ 7 (90).

СТАТЬИ. *Н. Ленин*. Ответ П. Киевской (неопубликованный набросок статьи). *А. Манфред*. Циммервальдское движение в Швейцарской социал-демократии. *Г. Зиновьев*. Учение Маркса и Энгельса о войне. ВОСПОМИНАНИЯ. *И. Ульянов*. Октябрьская революция и военнопленные. МАТЕРИАЛЫ. Письма В. И. Ленина *А. Шляпникову*. *Н. Ленин*. Открытое письмо Борису Суворину. Письмо *К. Либкнехта*. К циммервальдской конференции. К истории зарождения германской компартии. Письма *А. Паннекука* и др. (Предисловие и перевод *Г. Вакса*.) ДОКЛАДЫ и ПРЕНИЯ по вопросу о ленинских лозунгах эпохи империалистической войны. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Рецензии. Новые книги. ХРОНИКА.

№ 8/9 (91—92).

СТАТЬИ. *А. Дядякин*. К характеристике методологии ленинизма и уклонов. *Н. Войтинский*. Байкотизм, отзовизм, ультиматизм. *Г. Бакалов*. Старая «Искра» среди болгар. ВОСПОМИНАНИЯ. *О. Равич*. Из воспоминаний о Владимире Ильиче. *И. Лалаянц*. Тюрма, ссылка и побег (отрывки из воспоминаний). МАТЕРИАЛЫ. Письма В. И. Ленина из ссылки (окончание). Подготовлены к печати *Г. Тихомирновым*. ТРИБУНА. *И. Славин*. По поводу «Материалов к истории с.-д. большевистской работы во Владимирской губернии». *А. Асаткин*. Ответ тов. Славину. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *Б. Пугачевский*. По поводу книги т. Н. Л. Сергиевского «Партия русских социал-демократов. Группа Благоева». Рецензии. По журналам. Новые книги. ХРОНИКА.

№ 10 (93).

СТАТЬИ. *Я. Резвушкин*. О последних откровениях Троцкого. *Вл. Малаховский*. Как создавалась рабочая Красная гвардия. *Д. Кардашев*. К истории зарождения. Бюро комитетов большинства. ВОСПОМИНАНИЯ. *Г. Фаркаш*. Деятельность подпольной организации венгерских коммунистов в Красноярске в 1919 г. *Г. Бакалов*. Когда и как болгарские рабочие впервые познакомились с В. И. Лениным. МАТЕРИАЛЫ. Доклад В. И. Ленина о задачах РСДРП (б) в русской революции. Неопубликованный автореферат. Два письма В. И. Ленина *И. И. Скворцову-Степанову*. (Подготовлены к печати *А. Лашиным*.) Протоколы первой Московской областной конференции РСДРП (б) 19—21 апреля 1917 г. (Подготовлены к печати *К. Касаткиным*.) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *Г. Вакс*. *К. Шелавин*. Авангардные бои западно-европейского пролетариата. Рецензии. Новые книги.

№ 11 (94).

СТАТЬИ. *Я. Бронин*. К характеристике платформы «рабочей оппозиции» в профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг. *А. Сидоров*. Экономическая программа Октября и дискуссия с «левыми коммунистами» о задачах социалистического строительства. Статья вторая. *Вл. Мирошевский*. Венгерская советская республика. ВОСПОМИНАНИЯ. *А. Елизарова*. Страница воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнарком. *В. Сирота*. Октябрьские бои в

Городском районе. ТРИБУНА. С. Агурский. Борьба против уклонов на историческом фронте. (К вопросу об исторической роли Бунда.) МАТЕРИАЛЫ. Письма Ленина к родным (1894—1917 гг.). С предисловием и примечаниями М. И. Ульяновой. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. К. Сидоров. История ВКП (б). Составлена под ред. Е. Ярославского, томы III и IV. Рецензии. Новые книги. ХРОНИКА.

№ 12 (95).

СТАТЬИ. К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. В. СТАЛИНА. От института Ленина. В. Адоратский. И. В. Сталин как теоретик ленинизма. Я. Бронин. Платформа т. Бухарина в профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг. М. Потап. Маркс и Энгельс о народническом социализме в России. Н. Войтинский. О группе «Вперед» (1909—1917 гг.). ВОСПОМИНАНИЯ. А. Кучкин. Белорецкая организация в 1917—1918 гг. МАТЕРИАЛЫ. Протоколы второй московской областной конференции РСДРП (б) 1917 г. Предисловие и примечания К. Касаткина. ДОКЛАДЫ В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА. Доклад и прения по поводу замечаний Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. А. Карлик. Против извращений в вопросе о вооруженном восстании (по поводу кн. Ф. Анулова «Вооруженное восстание». Рецензии. Новые книги. ХРОНИКА. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ М. Ольминский.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Стр.

В. Адоратский. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина . . .	3
Д. Баевский. Борьба Ленина против бухаринских «шатаний мысли» .	18
Д. Кардашев. К истории зарождения «Бюро комитетов большинства».	
<i>Статья вторая</i>	47

ВОСПОМИНАНИЯ

Я. Берзин. По поводу одной потрепанной книги (из воспоминаний о Ленине)	68
Я. Быкин. В. И. Ленин в Шо-де-Фоне 18 марта 1917 г.	72
Ю. Сирола. Воспоминания о Ленине	78
С. Невзорова-Шестернина. Страничка воспоминаний о Ленине . . .	85
В. Яковлева. Памяти профессора-боевика (к 10-летию со дня смерти тов. П. К. Штернберга)	90

МАТЕРИАЛЫ

К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Письма к матери и сестре А. И. Елизаровой 1908 и 1909 гг.). Предисловие А. И. Елизаровой, примечания Г. Тихомирнова	108
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: Н. Войтинский. «Ленинский Сборник» XI.—П. Сенниковский. В. И. Ленин. Сочинения, т. VI, 2-е изд.	138
Обзоры: А. Эйхенгольц. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина . .	152
Рецензии: Вл. Малаховский. К. Шмидт. Марксизм, ленинизм и военный вопрос.— П. Галузо. Н. Тюшевский. Национально-колониальный вопрос.— И. Рудерман. Л. Турок. Учение о партии.— М. Эссен. П. Корнатовский. Борьба за Красный Петроград.—Гер. Шпилев. В. Троцкий. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий), т. II	159
Новые книги	171

ХРОНИКА

В Институте Ленина: Н. Плюснина. Работа Музея Института.—В. Штейн. Библиотека Института.—А. Лашин. В Архиве Института	173
Работа местных истпартов: М. Эссен. Обзор деятельности Отдела местных истпартов Института Ленина и истпарта работы на местах за 1928/29 г.—Список выпущенной местными истпартами литературы в 1928—1929 гг.	179
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ М. С. Ольминского	180

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 г.

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

Под редакцией В. В. АДОРАТСКОГО,
В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

КРАСНЫЙ АРХИВ ставит своей задачей опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории литературы, быта и культуры.

ЖУРНАЛ необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим обществам, отделам истпарта облкомов и губкомов, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 15 руб., на полгода — 7 руб. 50 коп.

Отдельный номер — 3 рубля.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, центр, Ильинка, 3. Периодсектор ГОСИЗДАТА, телефон 4-87-19; ЛЕНИНГРАД, пр. 25 Октября, 28, телефон 5-48-05, ЛЕНОТГИЗ; в отделения, магазины и киоски ГОСИЗДАТА; уполномоченным, снабженным специальными удостоверениями; во все киоски Всесоюзного контрагентства печати; в почтово-телеграфные конторы и писмоносцам.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на новый трехмесячный журнал ИСТОРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА СССР

**Орган секции по изучению истории пролетариата СССР
Института истории КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**М. Н. ПОКРОВСКИЙ; В. И. НЕВСКИЙ; А. М. ПАНКРАТОВА (отв. ред.); Ю. К. МИЛОНОВ;
С. А. ПИОНТОВСКИЙ; П. О. ГОРИН; Е. Н. КРИВОШЕИНА; В. В. МАКСАНОВ; И. Л. ТАТАРОВ**

Журнал ставит себе целью разработку материалов по истории рабочего класса и рабочего движения СССР, профессионального и страхового движения, рабочей кооперации, рабочего законодательства, истории труда и быта российского пролетариата до революции и современного пролетариата СССР, по вопросам конституирования рабочего класса, его генезиса и состава, форм его связи с деревней и взаимоотношений с крестьянством, по истории развития промышленности и связи с развитием рабочего класса, особенно в отдельных районах и национальных республиках СССР, а также по истории пролетариата отдельных промышленных групп, по истории женского и детского труда, истории труда национального, по истории формирования идеологии пролетариата, по истории политической борьбы пролетариата и революционного движения в связи с вопросами массового рабочего движения.

В журнале будут помещены как отдельные исследовательские статьи по всем вышеуказанным вопросам, так и статьи методологического характера, архивные документы и материалы из центральных и местных архивных фондов, описания фабрично-заводских архивов, критические статьи, обзоры журналов и новых книг и сводки работ по истории пролетариата СССР.

**ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ ОДИН РАЗ В 3 МЕСЯЦА
ОТДЕЛЬНЫМИ ТОМАМИ ПО 15 ЛЕЧ. ЛИСТ. КАЖДЫЙ**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — 10 р., на 6 мес. — 5 р. 50 к.

ИСТОРИК-МАРКСИСТ ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПРИ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГОРИН П. О., КИН Д. Я., ЛУКИН Н. М. (Антонов), МИНЦ И. И., МОНОСОВ С. М., ПОКРОВСКИЙ М. Н., ФРИДЛАНД Ц., ШЕСТАКОВ А. В. и ЯРОСЛАВСКИЙ ЕМ. Отв. редактор: ШЕСТАКОВ А. В.; отв. секретарь — ТАТАРОВ И. Л.

**С 1930 Г. ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В КОЛИЧЕСТВЕ 6 ТОМ. (ВМЕСТО 4) В ГОД
ПРИЛОЖЕНИЯ:** в 1930 году подписчикам будут даны следующие приложения:

I

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ II СТУПЕНИ. Второй методический сборник, цена по подписке — 3 руб.

II

1) «ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОВЕТ В 1917 г.» — докум. и материалы, сост. и снаб. прим. Е. Кривошеиной
2) «КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1918 г.» — докум. и материалы, сост. и снаб. прим. А. В. Шестаковым.
3) «САРАТОВСКИЙ СОВЕТ РАБ. ДЕП. В 1917 г.» — сост. кет. ст. и примеч. В. П. Антонова-Саратовского.
4) «ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ». Документы и материалы. 1917 года. **Цена по подписке за 4 книги — 12 руб.**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Без приложений на 1 год — 12 р., на 1/2 года — 6 р. 50 к. С I приложением на 1 год — 15 р. С II приложением на 1 год — 24 р. С I и II приложениями на 1 год — 27 р.

**ЗАКАЗЫ И ПЕРЕВОДЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: Москва ГСП, 10. Волхонка, 14
ИЗДАТЕЛЬСТВУ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

Подписка на местах принимается уполномоченными издательства Ком. Академии, снабжен. доверенностями.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО,
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕДАКТОРА), С. П. КОРШУНОВА,
М. С. ОЛЬМИНСКОГО, М. А. САВЕЛЬЕВА (ОТВ. РЕДАКТОР).

Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ посвящен изучению ленинизма, истории ВКП (б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий, организаций.

9-й ГОД ИЗДАНИЯ

12 НОМЕРОВ В ГОД

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1) СТАТЬИ. 2) ВОСПОМИНАНИЯ. 3) МАТЕРИАЛЫ. 4) ТРИБУНА. 5) ДОКЛАДЫ
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА. 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 7) ХРОНИКА.

К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“, являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП (б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. п.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“:

Журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ выполняет весьма полезную работу по подготовке материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП (б) и Октябрьской революции...

Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор заволащивает „ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“ видное место среди существующих научных марксистских журналов...

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. „Книга и Революция“ № 1. 1929 г., стр. 44—45.

С тех пор как „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ стала органом Института Ленина при ЦК ВКП (б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой странице журнала. „Историк-марксист“, том XII, 1929 г., стр. 269.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.

Годовые подписчики получают в качестве бесплатного приложения систематически указатель статей, воспоминаний, материалов и рецензий, помещенных в „Пролетарской Революции“ за 1921—1929 годы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Периодическим Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; Ленингизом, Ленинград, пр. 26 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР; у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграф. конторах, а также у писемослужб. По Москве и Московск. области подписку надлежит направлять Мосотгизу „Моск. рабочий“. Москва, Неглинный пр., 9.